

№ 8

2011

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы).

В номере:

Проза

Н. Махамбетов. Уметь прощать. *Повесть (окончание)* **3**
К. Кешин. Прекрасная Ольмиер; Адмирал Виго. *Рассказы* **29**
Ш. а-Мил. Французский роман; Фотограф Изя; «Чусовой»; Троечник Егор из 8 «б». *Рассказы* **59**

Поэзия

А. Кинеев. «А за долами — доля на просторе...». *Стихи* **16**

Проза и поэзия

А. Терёхин. «Я пока ещё только искатель...». *Этюды, стихи* **45**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени. *Записки редактора. Книга третья (продолжение)* **74**

© «Нива», 2011, Астана

Летопись Евразии

Г. Кудайбергенов. Наш адрес: ни дом и ни улица
(окончание) 113

История без купюр

В. Могильницкий. Его называли Зубром 133

Культура. Общество. Личность

С. Бударагин. Любите книгу! 140

Критика и литературоведение

А. Курленя. Искать в созвучиях согласья 142

Искусство

Л. Шафер. Гимн жизни и творчеству 150

В семейном кругу

Г. Хаирова. Нелюбимый; Подранок; Зубная фея. *Новеллы* 154

Параллели и меридианы

А. Егоров. Письма из Греции (*продолжение*) 169

Из почты «Нивы»

Н. Кузьменко. «И сердцем любящим...» 178

Приключения. Детектив. Фантастика

Ал Алустон. Тоска; Малыш. *Рассказы* 184

Сатира и юмор

В. Якушев. Встреча; Открытие; Вот и доверяй... *Юморески* ... 189

Изоальбом «Нивы»: из работ Марка Порунина.

К сведению читателей

В мае 2011 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили около трёх тысяч читателей из 20 стран. Свыше полутора тысяч из них — жители Казахстана, около тысячи — россияне. Остальные представляют Германию, Украину, США, Польшу, Исландию, Канаду, Белоруссию, Южную Корею, Израиль, Китай, Чехию, Литву, Узбекистан, Кипр, Францию, Великобританию, Киргизию, Мадагаскар.

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Уметь прощать

Повесть

(Окончание. Начало в №№ 5-7 за 2011 год)

Павлик сначала попал в учебную часть. Этот период жизни он не любил вспоминать: утренняя зарядка в холод и темень, мозоли, причиняющие жуткую боль, постоянное чувство голода и недосыпания. Вдобавок, проходя на занятиях полосу препятствий и прыгая через большой, широкий бетонный ров, он не долетел до края и сильно расшиб колено, упав на дно ямы. Отправившись в санчасть, он разжалобил “начмеда”, и тот положил Пашу в госпиталь. Там был настоящий рай — никаких тебе зарядок, уставов и нарядов. Своим старанием Павлик понравился начальству и стал работать в хозяйском — раздавать пищу, собирать тарелки, мыть коридор. Только под конец он появился в учебной части и был отправлен в Витебскую область, станция Заслоново, почтовое отделение “Межица”, то бишь в войска.

Первый вечер в войсковой части запомнился Павлу надолго. Вместе с ним и другими курсантами почему-то был направлен в третий дивизион ещё один солдат. Судя по старенькой, выгоревшей гимнастёрке и кожаному ремню, он, похоже, отслужил уже год. Невысокий, сбитый, молчаливый, простое, ни чем не примечательное лицо. Только глаза, вернее, взгляд — дерзкий и вызывающий. На вечернем построении перед ужином произошло нечто, потрясшее не только Павлика, но и весь дивизион.

Дежурным по дивизиону в тот вечер заступил замполит — майор Чудный. Выше среднего роста, немножко полноватый, что несколько не портит его хорошую фигуру, красавец-майор, казалось, сошёл с картинки какого-то военного журнала. Большие выразительные голубые очи, нос правильной формы с аристократической горбинкой, красиво очерченные губы и нежный овал лица. Волнистые волосы, тщательно выбрит и подстрижен. Шинель была под стать хозяину, сшита точно по фигуре, материал добротный и дорогой. От него всегда пахло каким-то импортным одеколоном, даже шапка, сапоги и кожаные перчатки были особенными. Двигался замполит как артист балета: прямая спинка, высоко поднятый подбородок, изящный наклон головы. Голосок был несколько жеманный, изнеженный и утомлённый. Говорил майор Чудный правильно, грамотно, только чуть-чуть в нос. Одним словом, вылитый белогвардеец, князь или граф Чудный, собственной персоной. Казалось, он сам был без ума от себя и своего интеллекта.

Так вот, на вечерней поверке, читая список военнослужащих, замполит после фамилии Павла (Тарутин), изрёк: “Рядовой Трофимов!”. — “Здесь” — неохотно буркнул стоявший рядом новичок, дерзко смотря в глаза майору и держа руки в карманах брюк. На улице было довольно морозно, и многие солдаты, особенно во второй шеренге, невидимые дежурному, все держали руки в карманах, согревая их таким образом. На свою беду, рядовой Трофимов стоял в первой шеренге, прямо перед замполитом. “Товарищ солдат, выньте ручки, застегнитесь и поставьте ножки вместе!” — пропел майор Чудный, озарившись обворожительной белозубой улыбкой. Трофимов даже не шелохнулся: “Где ты ножки увидел? Это у тебя — ножки! У меня ноги, понял!” — со злостью неожиданно выдал он. “Ах ты сукин ты сын!” — по-прежнему улыбаясь, замполит надел свои лайковые чёрные

перчатки и, размяв — щёлкнув пальцами, резко ударил в лицо Трофимова. Тот качнулся, но устоял. И внезапно, сделав шаг, правой рукой “зарядил” прямой в челюсть майору. На плацу уже блестели льдом замёрзшие лужи. Замполит тоже удержался на ногах, только ими и руками для этого пришлось сделать несколько судорожных, резких движений, словно он попал в сильнейшую качку. Красивая офицерская шапка при этом упала и откатилась в сторону. Не ожидавший такого поворота событий, замполит подобрал шапку и, стряхивая с неё снег, пригрозил: “Ладно, мы ещё поговорим с тобой! Наедине!”. — “Да хоть в три часа ночи!” — ошетинившись, сверкая глазами, Трофимов презрительно плюнул под ноги майору.

“Да, куда я попал?! Господи, спаси и сохрани раба твоего грешного!” — Паше от увиденного стало вдруг страшно и боязно. Сразу вспомнились тёплый, уютный родной дом, родители, бабушка. Сейчас она, наверное, испекла пирожки или блинчики, и все сидят, беседуют, пьют чай с вареньем и никому невдомёк, что сейчас их сын и внук — рядовой Тарутин, стоит в строю, на плацу, в какой-то белорусской глухомани, холодный, голодный, никому не нужный, одинокий, забытый Богом и людьми!

“Я вам ещё раз повторяю! Мне такой солдат здесь не нужен! Какая, на хрен, простите за выражение, дисциплина здесь будет с его присутствием?! Его, я думаю, не за отличную службу к нам направили. Видите ли, там не захотели с ним возиться и решили нам спихнуть. Ни за что! Отправляйте куда хотите, я с ним служить не собираюсь. Либо он — либо я, могу хоть сейчас рапорт написать!” — голос замполита, истерично раздающийся из кабинета командира, слышно было даже в коридоре.

В тот же день рядовой Трофимов был отправлен в другую войсковую часть. Как его звали, куда он попал и что с ним потом случилось, далее никто не знал. “Промелькнувшим” метеором он пополнил список любопытных личностей третьего дивизиона в/ч 06405. Про него ещё долго рассказывали, со смехом вспоминая “резкую пробуксовку” на льду майора Чудного.

“Прилетели к нам грачи — педерасты-москвичи!” — широко улыбаясь, к Павлу приближался Журавлик. Рыжеволосый, голубоглазый, с веснушчатым курносом, рядовой Пётр Журавлёв был водителем сто сорок второй “радийки”. Хоть и неширокий в плечах, Журавлик был жилистым и крепким. В его широких мозолистых, вечно красных от цыпок руках, крутился, поблёскивая бляхой, ремень. Глаза как у акулы, не мигая, безжизненно вперились прямо в Павла, и тот невольно съёжился. “Ударит сейчас!” — мелькнуло в голове. “Тебя же Павликом зовут, да?” — “Павлик, будь добр, почисти бляху, пожалуйста! У тебя есть тёрка и пастагой? Нет? На! Возьми! Теперь ты будешь перед сном всегда чистить мой ремень, а потом, если дорастёшь, я доверю тебе свои сапоги”. Затем Журавлик объяснил Паше, что теперь тот переходит под его начало, так как попал в ОБУ (отделение боевого управления), и чтобы подальше посылал “батарейцев” — у тех свои “духи” есть! “Тёркой” назывался небольшой клочок материи или войлока, куда намазывался так называемый “пастагой”. “Пастагой” выдавался старшиной, и то со страшным нытьём и плачем. Впоследствии Паша узнал, что “пастагой” правильно называется паста ГОИ, а “ГОИ” расшифровывается как Государственный ортопедический институт.

Бекболат засиделся допоздна, и всё из-за этой чёртовой “секретчицы”, будь она неладна. Вернее, из-за одного листка бумаги, который должна была печатать она. Текст был простой, состоящий из одних только цифр — шифрограмма, которую раз в месяц в штаб бригады сдавали все дивизионы.

В секретной части, кабинет которой находился по соседству со штабом, работала худенькая, белокурая, голубоглазая женщина небольшого роста. Она была женой командира четвёртого дивизиона — приятеля шефа. Поэтому её порой подолгу не бывало, и тогда всю работу секретной части перекладывали на Назарова. Вот и сейчас приходится делать то, что его совсем не касается. Делать что-либо за кого-то Бек не любил, и возмущение его росло, как и гора испорченной бумаги. Он уже вымотался, начав печатать ещё с обеда, но как назло, одолеть проклятую шифрограмму не удавалось. Дело в том, что все эти цифры нужно было напечатать без единой ошибки и подтирки. И прежде чем нажать на клавишу пишущей машинки, Бек сверялся с текстом несколько раз. Глаза от напряжения слезились, рядом с машинкой выросла уже приличная стопка листов, а дело не продвигалось ни на йоту. Лежало даже несколько почти готовых листов, в которых в предпоследних или последних строчках была совершена ошибка. Бекболат не выдержал, позвонил шефу домой, спрашивая, можно ли аккуратно подтереть, замазать ляп. Но ему объяснили, что такой лист не примут в штабе бригады — там его пропускают через какой-то аппарат, а машину не обманешь. Бек опять испортил лист, вытащил его из машинки и вышел покурить. В туалете Самат Камалов, застывший дневальным по дивизиону, издевался над “Москвой” — Пашей Тарутиным. Сам полтора метра ростом, худенький, чернявый, он курил, сидя довольный на подоконнике, а “Москва”, склонившись, надраивал до блеска его сапоги.

— Эй, Самат, не істеп турсын, уят емес па? Мынау адам гой, мал емес!¹ — Беку стало неприятно от увиденного.

— Кайдагы адам? Ол шайтан, коркак! Багана етігім суйгіздым, сен-бесен, кара!² — Самат спрыгнул с подоконника, схватил “Москву” за шиворот и, сделав зверское лицо, ударил того в грудь: “Э-э-э, душара! Быстро встал на колени и поцеловал сапоги моему братану!”. “Москва”, вжав голову в плечи, трясаясь и мелко моргая глазами, стоял неподвижно. “Э-э-э, чёрт, опух, что ли?!” — Самат поднял руку, и Тарутин, не выдержав, полез целовать сапоги Беку.

“Ну-ка встал, быстро! Бегом, в штаб!” — рывком подняв “Москву”, Бекболат толкнул его к выходу. Повернувшись, сурово посмотрел на застывшего в недоумении Самата:

— Ты охренел, что ли? Кто тебе дал право издеваться? Если тебе скучно всю ночь стоять дневальным, то не надо людей среди ночи поднимать и унижать, понял? Если ещё раз такое увижу, не посмотрю что “зёма”.

— Э-э-э, братан, саган не болды? Осы аккумуляк ушін сен мені урайндеп турсын ба? Алде сен оны жаксы коресін?³ — Самат, докурив, щелчком ловко отправил бычок точно в унитаз.

— Самат, братан, ты же не такой! Ты же не фашист так издеваться! Я же знаю тебя, ты добрый парень! Не надо так делать, даже если он чёрт последний, — Бек обнял земляка, похлопал по плечу и удалился.

В штабе стоял и плакал, по-детски утирая слёзы, рядовой Тарутин: “О Боже, сколько мне ещё терпеть всё это?! Помоги мне, прошу, о Господи! Дай мне силы выдержать эти мучения!”.

¹ Ты что делаешь, как не стыдно? Это же тебе не скотина, а человек! (каз.).

² Да какой он человек? Чёрт и трус! Только что сапоги мне лизал, если не веришь, смотри! (каз.).

³ Что с тобой? Ты из-за этого русского готов меня избить? Или ты в него влюбился? (каз.).

— Эй, “Москва”, хорош плакать! Как баба, нюни распустил! Что, этому сопляку не мог в морду дать? Он тебя в два раза меньше, а ты боишься его! Ну-ка сядь, на кофе попей, курить будешь? — Бек по-хозяйски сел в кресло шефа, закурил сигарету и внимательно всмотрелся в сидевшего напротив солдата. Хотя нет, солдатом здесь даже не пахло. Сидел какой-то беспомощный, больной ребёнок, с красным носом, трясущимися губами и руками. Он что-то бормотал себе под нос, потом быстро перекрестился — три раза взмахнув трясущейся рукой. “Да он ещё и верующий! Несопротивление злу насилием! Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую! Это мы проходили. Да, здесь явно прослеживается недоработка школьной комсомольской организации. Надо сообщить комсorghу Киселёву и замполиту. Даже можно, нет, нужно доложить в письменном виде начПО полковнику Рябкову. Я не стукач, но доложить обязан. Вот тебе и первое задание. Ай, молодец, Бекболат!”.

Бек повеселел, открыл форточку, проветрил комнату. “Как звать-то? Давай знакомиться, что ли!”. “Паша!” — представился Тарутин. “Бекболат!” — в свою очередь назвался Назаров. Поговорили, больше спрашивал Бек, а Паша, диковинно по-московски акая, отвечал и немного смутился, когда услышал пару нескромных вопросов. Да, мальчик ещё! Девчонок не трогал и ничего в жизни не видел. Редкий подвид современной урбанизации. Комнатный хомячок, выпущенный в дикие джунгли! Больше вопросов не возникало, повисла тишина. Бекболат хотел отправить москвича спать, как тот неожиданно спросил, кивнув на “Ятрань”: “Это ты печатаешь? Как машинка, нормальная? Лента что-то староватая, что, проблема поменять? Я могу домой написать, пришлю, сколько захочешь. Я на курсах стенографистов учился, печатать умею!”.

“Тебя за язык никто не тянул! Можешь лист один напечатать? Только, смотри, очень ответственная работа — без права на ошибку. Если справишься, с шефом переговорю и в штаб устрою!” — Бек объяснил, что требуется, дал ключ от кабинета, наказал, чтобы никому не открывал, и разбудил, когда закончит. Затем пошёл в кубрик и завалился спать.

Снилась школа. Олимпиада по английскому языку. Англичанка и к тому же классный руководитель, Клара Львовна, выбрала Бекболата и ещё двух девочек защищать честь школы. Английский давался Беку легко, это был один из его любимых предметов, на уроки которого он всегда ходил в приподнятом настроении. Учительница английского языка — Клара Львовна Асипенко — молодая, обаятельная и весёлая женщина, вела уроки всегда интересно, легко, доступно, порой с юмором, а иногда и с поучительными беседами. Как настоящий педагог, она обучала и воспитывала ребят, стараясь привить им любовь к познанию, стремление к доброте, мудрости и умение дорожить дружбой. Бекболат подготовился к олимпиаде, выучил почти все топики, которые, возможно, могли быть в заданиях. Оставался один, про Ленина — его биография. В последний перед олимпиадой вечер, удобно разложив на столе книги, Бек хотел выучить и его, как вдруг в дверь позвонили. На пороге стоял Серёга Сизухин — “Сизый”, весь потный и красный, умоляя скорее выйти на улицу, помочь. Во дворе шёл матч по хоккею между дворами, и наша команда проигрывала. Бек хорошо стоял на воротах, в валенках, в больших, тёплых, сшитых бабушкой рукавицах, он бесстрашно ловил летящую шайбу, ловко отбивал броски, молниеносно реагирую на атаки. Эх, была не была! Чёрт с ним, с этим топиком, авось не попадётся! Быстро одевшись и схватив клюшку, Бек уже нёсся на корт... На следующее утро, на олимпиаде, правильно ответить на все вопросы, Бек, подойдя к столу с перевёрнутыми билетами, вытащил, как назло,

пересказ биографии В. И. Ленина! И вот когда на ходу, сочинив и придумав шесть предложений о великом вожде, Бек закончил, в класс вдруг ворвался... “Сизый”! Размахивая клюшкой, он на коньках лихо подкатил к сидевшему жюри и запел на английском песню “Битлов” про жёлтую подводную лодку. При этом держа клюшку как гитару, на правую сторону, подражая Джону Леннону! “Что за безобразие! Немедленно прекратить!” — подскочила какая-то учительница и начала трясти Бека...

— Бек! Бек! Слышишь, проснись! Да вставай же! — спросонок Бекболат едва различил лицо Паши Тарутина. — Всё, я закончил! Вот ключи! Дверь я закрыл.

— Сумел? Получилось? — Бек сел на кровати, посмотрел на часы, до подъёма оставался час с небольшим.

— Да, всё нормально, только внизу перепутал инициалы начальника штаба, не С. А., а А. С. — Павел хихикнул в кулачок, — Александр Сергеевич — как Пушкин!

(Из письма рядового Назарова Б. С. рядовому Ахметову А. Т.):

“Привет из Краснознамённого Белорусского военного округа! Салам, брат Асхат! Как жив-здоров? Что нового в твоей армейской жизни? С кем переписываешься, как дома, как родные? Что-то давненько не получал от тебя писем, последнее перед Новым годом получил с фоткой. Ты в “беске” и “тельнике” прямо как настоящий морской дьявол или чёрт! Друзьям показал, им понравилось, особенно стихотворение на обратной стороне:

На память другу юных лет и собутельнику с “гражданки”
Дарю на память свой портрет — чтоб вспоминал ты наши пьянки,
Быть может, встретимся в бою, друг друга грудью защищая,
Нет, лучше встретимся в пивной, друг друга пивом угощая!

Исходя из этих строк, товарищ Ахметов, мне стало ясно, что у вас сложилось крайне неправильное мнение в отношении моей скромной личности. Во-первых, собутельником я никогда не был никому, тем более вам, меся. Во-вторых, в бою мы с тобой вместе никак не окажемся, так как я с тобой ни в бой, ни в разведку не пойду — ты же меня продашь за 200 грамм шнапса или виски! Если честно, то мне понравилась лишь последняя строчка твоих незатейливых виршей — прекрасные слова! Их надо было написать большими печатными буквами и обвести красной пастой, а лучше фломастером. Ладно, шуткую я. Жив-здоров, дома тоже всё в порядке. Сейчас немного полегче стало, появился у меня помощник, москвич, машинист-стенографист. Печатает быстро и изящно, правда, такую лажу! Ошибка делает море! Приходится всё проверять, исправлять, наставлять и вправлять! Вообще пассажир интересный, я ещё не видел таких. Не матерится, не курит, вежливый и к тому же верующий! И ликом пригож, и голос елейный, словом, не воин, а красна девица! Его “азера” чуть не “оприходовали”, ходили как собаки бешеные вокруг. Пришлось провести немало воспитательных бесед и даже карательную операцию, чтобы от него отстали. Теперь москвич этот — Павликом звать — меня своим ангелом-хранителем считает, говорит, мол, не забуду твои благодеяния, молиться буду днём и ночью! Так что твой друг, почти что брат, то бишь я, Бекболат Назаров, может, скоро буду причислен к лику святых! Во как! Ты не удивляйся, если я по-старославянски вдруг тебе начну писать, типа... челом бью, житие моё, паки-паки и прочее...

Да, ещё меня “особист” вызывал, спрашивал — хочу ли я учиться в Высшей школе КГБ? Я ответил, что это мечта каждого комсомольца стать офицером — защитником нашего Отечества! Заполнил анкету и данные. Теперь надо ждать, пока “пробьют” всю информацию обо мне и моих родственниках. Потом, если повезёт, одна медкомиссия в Борисове, вторая уже в Москве. Вот такие, брат, дела. На этом заканчиваю, так как уже пятый час ночи или утра, надо идти спать. С пламенным приветом, Бекболат Назаров. Пиши! Кстати, как там твоя пассия из санчасти, иссохла вся поди, ты бы пожалел её, что ли...”

Новенький зелёный “уазик”, ревя мотором, вёз троих пассажиров в город. Впереди, всматриваясь в темноту и освещаемую фарами полосу асфальта, сидел майор из особого отдела. Холёный, чисто выбритый, он курил, приоткрыв треугольную часть окна. Хотя до города было чуть больше ста вёрст, выехали пораньше, чтобы в восемь утра быть уже в поликлинике КГБ. Сзади сидели двое военнослужащих — младший сержант Смирнов и рядовой Назаров. Оба были кандидатами, отобранными “особистом” для направления на учёбу в Москву. Бекболат дремал, вспоминая недавние события, произошедшие в дивизионе...

Выросший в безжалостных условиях детдома, Бек всей душой ненавидел несправедливость и издевательства. Поэтому, не выдержав, защитил “Москву”, тем самым обрекая себя на непонимание и недовольство со стороны старослужащих. До этого был похожий случай с “Гочей”, земляком из Павлодара — Игорем Шинковцом. Маленький, щуплый, ершистый, он оказался с характером и, несмотря на слабую физическую форму, держался стойко и давал отпор. Наблюдая однажды из окна за очередной попыткой какого-то “дедушки” сломить “Гочу”, Бек не выдержал, открыл форточку и крикнул: “Э-э-э, урод! Ну-ка свалил от “Гочи”, а то со мной боксовать будешь! “Урод” — какой-то “колхозник” местного разлива, для приличия что-то ответил, но сразу прекратил избиение “младенца”. А на вечерней поверке Бек специально громко заявил: “Гоча” — мой земляк. Кто будет обижать его, будет со мной драться”.

— Пусть жало прикусит! Обуревающий малый! Много базарит! — посыпались в ответ возмущённые реплики. Однако после этого “Гоче” стало жить спокойнее, руки уже никто не распускал. “Рахмет, Бек, я этого не забуду! Блин, я, честно сказать, уже устал отбиваться! — Игорёк чуть не плакал от наплыва чувств, — у меня на “гражданке” много друзей-казахов. Я к ним в гости люблю ходить на бешпармак. Знаешь, я даже понимаю немного по-вашему!”.

Теперь, когда Бек отстоял и Павла, находившиеся с ним до этого в приятельских отношениях старослужащие солдаты стали отчуждённее, даже земляки-казахи. Самат, постоянный дневальный, не мог простить, что его лишили любимой игрушки, а остальные, кто просто из солидарности, а кто — по другим причинам. “Эй, Бек, ты какой-то защитник русских, что ли? Зачем тебе “Москва”? Ладно, “Гоча” — казахстанец, ну а “Москва” при чём тут, не понимаю? — Еркин, прищулив зелёные глаза, хитро улыбнулся, — вспомни, наш предок Чингисхан как говорил: чем больше русские бьют друг друга, тем лучше нас слушаться будут. Великий человек был! Эх, забыли мы предков!”.

Даже “Рыба”, как-то вечером зайдя перекурить, долго молчал, потом изрёк: “Казах, не трэба воду мутити. Нехай “москалии” гарным хлопцам чоботы чистють! Не трэба их жалкувати!”.

С детства у Бекболата выработалось особое чутьё, он предчувствовал надвигающуюся опасность. И вот сейчас внутренний голос, казалось, предостерегал, готовил его к чему-то неожиданному и опасному. Откуда дует ветер и кто за этим стоит — нетрудно было догадаться. Скорее всего, “рыбачукская банда” готовила какой-то сюрприз. Журавель с Клоповым обиделись, потеряв влияние на “Москву”. Павлику раз в две недели шли посылки с разными московскими гостинцами. По просьбе сына родители Павла высылали канцелярские принадлежности, цветную бумагу, гуашь, фольгу — необходимые для изготовления “дембельского” альбома. Всё это текло ручьём в закрома Бека, а он в свою очередь оберегал “Москву” от нападков и издевательств окружающих. Был создан взаимовыгодный альянс, благодаря которому боявшийся раньше даже собственной тени, Павлик превратился в уже спокойного, незатравленного человека.

Стало светать, показались огни города. И вот уже на заснеженных улицах, на остановках появились неясные фигурки людей, ожидающих автобуса и спешащих на работу. Глядя на них, Бек вспомнил родной город. Как он с “дипломатом” в одной руке и тубусом в другой также стоял в предрассветной мгле, спеша в институт на первую “пару”...

Поликлиника КГБ находилась в центре города, и вот уже незаметно появилось старинное здание с лепниной и колоннами. Всё, приехали! Через минуту вошли в здание с высоченными потолками и большим портретом Дзержинского в холле. “Железный Феликс” в кожанке и фуражке ясно давал понять посетителям всю серьёзность и ответственность их прихода. Немного подождали, затем, раздевшись, держа в руках медкарты, Бек с сержантом Смирновым начали проходить комиссию. Уже через пару часов ребята вышли в холл, где их ждал майор. Обратная дорога показалась вообще короткой.

Буквально через несколько дней Бека вызвали в особый отдел. Майор- “особист” сообщил, что анализы и результаты хорошие и что, может, в скором времени придётся ехать в “Белокаменную”, для повторной комиссии, и если всё сложится, уже на учёбу. Обратного Бекболат летел, окрылённый и взволнованный предстоящей поездкой и манящими перспективами. Пока сообщать об этом никому не буду, вдруг не сбудется, думал Бекболат. Хоть бы получилось! Вот тогда бы все обалдели, что и в армии Бек сумел вытащить счастливый билет!

Теперь дни потянулись медленно, в ожидании и беспокойстве. Раньше, закончив все дела далеко за полночь, Бек не торопясь выкуривал сигарету, выпивал стакан чая или кофе и затем садился за машинку, печатал письма домой или друзьям. Теперь же не писал никому, чего-то ждал, надеялся и верил, как в той романтической песне...

Однажды вечером Бек застал в кабинете плачущего Павла. Выяснилось, что тот по доброте душевной дал присланную из дома Псалтырь новобранцу Чистогашеву, недавно поступившему в часть и вдруг резко заинтересовавшемуся христианской религией. На самом деле новичок просто решил поиздеваться над сослуживцем, требуя, чтобы тот сжёг поповскую книжечку, заставляя его поцеловать Красное знамя, стоявшее в ленкомнате, и выкинуть нагрудный крестик. При этом пару раз ударил Павла. Родом Чистогашев был из-под Абакана — невысокий, чернявый, кривоногий паренёк, по национальности хакасец, по имени Вася, но все звали его “Хакасом”. Шустрый, вёрткий и очень уж рвавшийся во что бы то ни стало завоевать авторитет. Не успел прийти, уже проблемы создаёт, вспомнились Бекболату чьи-то слова. Вот

борец с религией выискался, атеист доморощенный! Сейчас крещение устрою тебе, Василий Алибабаевич! Взбешённый Бек выскочил из штаба.

— Где “Хакас”? — Ребята пожали плечами, в кубрике его не было. В леномнате слышались голоса и перебор гитарных струн, новобранцы-“караси” сидели и пели. Среди них выделялась плоская физиономия “Хакаса”. — “Хакас”, сюда иди! Пойдём, пообщаемся!” — Бек вывел Чистогашева в туалет — идеальное место для разборок. “Ну-ка, расскажи, Вася, кто тебя надоумил “Москву” от веры своей открестить?” — выражение лица Бекболата не сулило ничего хорошего. — Никто, я сам! Просто для прикола!” — “Хакас” широко улыбался, в глазах вызов и интерес, что же будет дальше. “А-а-а, для прикола? Ну тогда держи!” — первый удар пришёлся по печени, “Хакас” согнулся, машинально прикрыв живот. Во второй удар Бек вложил всю свою мощь и вес, “правый боковой” снёс абаканца с ног. “Ну как, прикольно? — Бек нагнулся, веки “Хакаса” мелко вздрагивали, а глаза недоуменно уставились вверх. — Ещё раз к “Москве” сунешься, урою, понял? Где его Библия?”. Забрав Псалтырь, Назаров вернулся в штаб: — На, держи и никому больше не давай! Береги аки зеницу ока своего, раб Божий Павел!”.

На следующий день после обеда дневальный вдруг подал команду: “Третий дивизион, “тревога!”. Дежурный кинулся открывать “оружейку”, позвонил, чтобы снять её с охраны, и, выслушав что-то, не стал, крикнув: “Строиться на плацу!”. Построились. На плацу почему-то стоял начальник политотдела.

“Ну что, ребята, я обещал кому-то дисбат, и я это сделаю! Рядовой Назаров, выйти из строя!” — голос начПО звенел на морозе... Вот оно предчувствие, опять не обмануло. Только непонятно ничего. Ладно, выйдем, послушаем. “Есть!” — Бекболат вышел вперёд и развернулся, глядя на свой родной дивизион. Солдаты и офицеры с любопытством смотрели на происходящее, лицо шефа было непроницаемым.

“Товарищи офицеры, солдаты и сержанты! Я, как вы знаете, являюсь борцом за соблюдение порядка и устава, а также непримиримым врагом всех нарушителей воинской дисциплины. Мне многое известно о каждом из вас, в том числе о взаимоотношениях в дивизионе и среди офицеров. Так вот, среди вашего воинского коллектива завёлся один негодяй и мерзавец, позорящий почётное звание комсомольца. Раньше вы его покрывали, боялись, а теперь пришло новое время, не терпящее старых пережитков, таких как дедовщина. Теперь вы не будете бояться этого подонка, я избавлю его от вас. Но сначала мы вызовем его родных и здесь и перед лицом товарищей расскажем обо всех его проделках и злодеяниях. А потом отправим в дисциплинарный батальон — там ему место!”.

“А что за проделки? Объясните, пожалуйста, товарищ полковник!” — раздался голос Рыбачука, и тут же сразу подхватили, “задакали” его верные псы — Журавлик с Клопом.

“Пусть сам расскажет, если смелости хватило младшего призывом избить, то и сейчас, наверное, хватит”, — начПО приблизился, полный справедливого гнева и негодования. “А-а-а, вот где собака зарыта! Чёрт, “Хакас”, сдал!” — догадался Бекболат.

“Товарищ пол... — не успел выговорить Бек. “Какой я тебе товарищ? Мразь, выбирай выражения! В дисбате будут у тебя товарищи! — полковник Рябков подскочил вплотную, брызжа слюной. Чуть поостыв, язвительно изрёк: — Хорошо, давайте послушаем...”.

И Бек рассказал про то, как Чистогашев, забрав книгу у Тарутина, бил того и издевался над ним. Правда, не вдаваясь в детали и подробности, умолчав про Красное знамя, крестик и Псалтырь.

— Рядовой Тарутин! Выйти из строя! — начПО казался удовлетворённым ответом.

— Есть! — отозвался тонкий голос, и из строя, смешно переставляя ноги, вышел Паша.

— Это правда, что говорит рядовой Назаров? Только честно, сынок, не бойся никого! — голос полковника сделался медовым. Вот уж поистине, артист, такой талант пропадает!

Тарутин молчал, тупо глядел себе под ноги и что-то шептал, шевеля губами.

— Ну, расскажи! Только правду, как всё было! Ну, сынок! — начальник политотдела приблизился к Паше.

Тот вскинул голову, быстро посмотрел на Бека, отвернулся, хрипло, не своим голосом промямлил:

— Я Васе сам книгу дал... Меня он не бил... И вообще ничего такого не было!

Назарову показалось, что это сон. Сумасшедший, нереальный, фантастический сон. В голове пошёл звон и словно стали выключать звук — тише, ещё тише, ещё... И вдруг отчётливо громко донеслось: "... ударил по лицу, сбил с ног и долго пинал ногами..." — это начПО, держа в руке листок заявления, зачитывал его перед строем.

"Почему Паша соврал? Может, действительно его никто не трогал? Нет, "Хакас" же сам сказал, что "приколотся". Значит, "Москва" решил "подставить" меня. На такое он неспособен, тогда почему?" — ноги стали ватными, земля будто уходила из-под ног. Бек смотрел на родной дивизион, на лица сослуживцев. На многих из них было сочувствие и недоумение. Рассматривая по очереди всех, Бек неожиданно вздрогнул. Журавлик, что-то, улыбаясь, шептал "Рыбе" на ухо. Стоявший рядом Клопов смотрел прямо на Бека выпуклыми серыми глазами, не скрывая злорадства... В мозгу вспыхнула ослепительная догадка: "Они заставили "Москву" сказать это! Да, технично обстрипали, гады! Всё, прощай, Высшая школа КГБ, прощай, родной дивизион, прощай, шеф, дорогой Сергей Александрович, не поминайте лихом!". Назаров кинул взгляд на шефа, тот стоял спокойно, глядя на полковника Рябова. Видно, почувствовав, перевёл взор на Бека и вместе с осуждением в глазах майора промелькнуло нечто такое, что сразу стало легче дышать, вернулись вера и надежда. Бек, понимающий начальника с полувзгляда, понял, что тот будет бороться за него и не бросит в тяжёлую минуту. А может, показалось?! Бек взгляделся пристальнее, нет, слава богу! Шеф подмигнул незаметно, успокоил, мол, не мочись в компот, там повар ноги моет! — любимая его присказка. В груди защемило, захотелось плакать. Молодец всё-таки майор Харин, Сергей Александрович! Золотой человек! Прямо как отец родной!

Вечером, уже после отбоя, послышался голос шефа. До этого сидевший как на иголках, Бек подскочил, кинулся открывать дверь кабинета. "Ну ты озадачил меня, Бекболат! Я с начПО битых пять часов разговаривал! Еле уговорил! Короче, по жизни обязан мне, или как там у вас у казахов — сорок лошадей с тебя! "Косяк" твой развёл? Развёл! А косяк это сколько лошадей? Где-то под сорок будет! — довольный начальник штаба сел в кресло и достал сигареты: — А теперь рассказывай, как ты так умудрился?!".

Бекболата исключили из комсомола, ещё долго на собраниях вспоминали его проступок. Командир дивизиона — Мирон — стал называть его не иначе как "Мерзавец" или "Мерзкий писарь". "Особист" при встрече не здоровался, а начПО при каждом удобном случае говорил гадости и пугал дисбатом.

Пашу из штаба попросили, теперь он нёс караульную службу и ходил в наряды. Положение его ухудшилось, всё, что надо было от него “рыбачукской банде”, они получили посылками и бандеролями, и теперь он их просто не интересовал. Зато возрос интерес к “Москве” со стороны “нацменов”, особенно молодых. Им нравилось “напрягать” миловидного старослужащего, который от страха терял голову, плакал и бежал выполнять все их прихоти. В такие моменты Бек даже не смотрел в сторону предателя. До того душу жгла обида, что поначалу он ни с кем не разговаривал, предпочитая спокойное гордое одиночество. Самым обидным было то, что ведь всё было в его руках, и если бы не этот случай, то, может быть, в данный момент он был бы уже одним из курсантов элитного учебного заведения. Идиот, Дон Кихот нашёлся, альтруист долбаный, костерил он себя, хотя в душе понимал, что поступил правильно и всё было бы так же, случись подобное. А всё из-за своего дурацкого характера, неравнодушия к несправедливости и унижениям слабых. Детдомовское воспитание и принципы наложили свой незыблемый отпечаток.

В один из вечеров в кабинет, робко постучав, заглянул Тарутин. “Ну заходи, Иуда. Исповедоваться пришёл?” — Бек сел в кресло шефа, жестом приглашая присесть на табурет. “Москва” с тоской огляделся вокруг, нежно погладил машинку. За полгода работы в штабе ему всё здесь стало родным и привычным. На глазах его навернулись слёзы, губы задрожали: “Бек... если можешь... прости меня! Это Журавлик, подлый, сбил меня! Сказал, что тебя в другую часть переводят и что мне с ними ещё год жить. И с “Хакасом” всё они подстроили, пообещали тому лёгкую службу и поддержку всяческую. Подло всё, мерзко! Не могу я так больше, сил моих нет всё это терпеть! Хотел уже... руки на себя наложить, да грех это для христианина, а дальше продолжать пресмыкаться перед этими подонками и нелюдьми устал, умереть бы — и всё тут... Бабушку только жалко, не выдержит она, с ума тронется да ляжет, ей-богу, не вру! Бек, ты же добрый, справедливый, прости меня, защити! Давай всё как раньше будет, забудем, а?! Я домой напишу, они мне посылки каждую неделю присылают будут. Есть будем до пуза. А хочешь, я на колени встану, сапоги твои поцелую, только скажи! Я их тебе чистить каждый вечер буду, а?!” — Паша задрожал и кинулся в ноги. Бек успел схватить его за плечи и посадить на табурет: “Слушай сюда, “Столица”! Ты понимаешь, что ты меня предал? Я же для тебя старался, хотел, чтобы ты жил как человек, а не как животное. У меня были свои планы, перспективы, будущее. И всё, всё рухнуло, в один прекрасный миг! Хорошо ещё, что в “дизель” не ушёл, спасибо огромное шефу, выручил! Вот это человек! А ты...ты... как проститутка дешёвая, променял меня на Журавлика — и это за всю мою доброту к тебе! Воистину говорят: не делай добра — не увидишь и зла! Вот теперь иди к своему Журавлику и целуй ему сапоги и зад! Так что ты не по адресу обратился, рядовой Тарутин! Выйди из кабинета и закрой дверь с той стороны!”. Бек закурил, пальцы немного дрожали от избытка чувств. Ему было жалко этого наивного, слабого мальчишку, но другому поступить он не мог, опять же, в силу тех же принципов и законов “джунглей”. Как посмотрят на него окружающие, не поймут, да и не надо жалеть предателей и изменников! Меня кто жалел?! Крепко врезалось в память, как однажды в детдоме старшие ребята, привязав его к дереву, били, издевались, тушили свои окурки, чтобы заставить кричать и плакать. Вот тогда, ещё ребёнком, сумел же пройти суровое испытание, не издал ни звука — не дав порадоваться своим палачам. После чего завоевал уважение и авторитет. А здесь здоровый девятнадцатилетний мужик стоит, сопли

развесил, хуже бабы какой-то! Да, видать, несладко ему, похудел, грязный весь, глаза как у собаки затравленной... Стоп! Хорошо жалеть! Довольно, батенька, альтруизма! “Я всё сказал!” — Бек приподнялся с кресла, давая понять, что разговор окончен. Тарутин, остекленело уставившись куда-то, шевелил губами, повторяя то ли молитву, то ли ещё что. Бек подошёл к двери, взялся за ручку, чтобы выпроводить незваного гостя, обернулся и внутренне содрогнулся. Павел стоял спокойно, безмятежно улыбаясь, глядя на Бека своими голубыми, уже высохшими от слёз, глазами. Его будто подменили: перед ним стоял человек, твёрдо верящий и желавший чего-то, готовый нести свой крест до конца: “Святой апостол Матфей в своём писании приводит слова Господа Нашего: “Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших”.

“Слушай, ты, святоша, катись отсюда вместе со своим Матвеем! Пока в лоб не получил!” — взорвался Бек и вытолкнул Пашу. Закрыл дверь, прошёл к окну, открыл форточку. На темнеющем небосклоне загорались первые робкие звёздочки...

Спустя пару дней после этого разговора произошло ЧП. Утром, при построении на зарядку, сержант отделения боевого управления недосчитался одного своего подчинённого, а именно разведчика-радиотелефониста рядового Тарутина. Вместо зарядки солдаты обыскали всю бригаду — как в воду канул! Доложили командиру, тот, примчавшись, вызвал всех офицеров. Коротко посоветовавшись, решили пока не докладывать о случившемся, своими силами постараться найти беглеца. И вот, быстро позавтракав, разбившись на группы, достав карту местности, разделили и закрепили за каждой группой квадрат поиска. В тот момент Бек с начальником штаба находились далеко от расположения бригады, в городе Борисове, в штабе армии. Там проходил разбор командно-штабных учений, на котором высокой оценкой была отмечена оперативность и техническая грамотность работы штаба третьего дивизиона. Особо похвалили отличное красочное исполнение карт боевых действий, сделанных рядовым Назаровым. Отдельные боевые позиции, направления ударов, тактические ходы и особо важные моменты были выделены специальной импортной гуашью, светящейся при слабом освещении — выдумка майора Харина. По счастливой случайности в тот день были проблемы с электроэнергией. Вдруг погас свет, и когда было включено аварийное освещение, большая простыня-карта тактических учений третьего отдельного зенитно-ракетного дивизиона войсковой части 06405 загорелась люминесцентными огнями, как новогодняя ёлка.

Присутствующий высший командный состав, суровые генералы расплылись в довольных улыбках. А начальник штаба бригады, мгновенно оценив обстановку, не растерялся, заявив, что все карты боевых действий нашей бригады отрабатываются специально для любых условий и освещения. Это был фурор! Беку самолично пожал руку и поблагодарил за службу высокий седовласый генерал.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Бек, с удовлетворением отметив сияющее лицо шефа.

— Может, сынок, пойдёшь к нам служить, в штаб армии? — поинтересовался генерал, ласково похлопав Назарова по плечу.

— Спасибо, товарищ генерал, за предложение. Только уж больно я к своему начальнику прикипел, разве что... вместе с ним! — набравшись смелости, ответил Бекболат удивлённому генералу. Вокруг засмеялись...

А в бригаде было не до смеха. Поиски пропавшего шли уже третьи сутки. Как раз в это время и приехали майор Харин с Беком. Обессиленные, уставшие солдаты перекуривали, ругаясь и матеря чокнутого москвича. На станции, в железнодорожных и автобусных кассах никто не видел одинокого солдата. Дали ориентировку и в районные отделения милиции. Назарова эта новость ошеломила и заставила задуматься. Дело в том, что однажды, когда Тарутин ещё работал в штабе, он обмолвился, что слышал колокольный звон со стороны речки. Затем, посмотрев по карте, даже назвал село, до которого было примерно вёрст тридцать. Бек поделился своей догадкой с шефом. На рассвете солдаты выдвинулись в сторону названного села, цепью растянувшись почти на километр...

Сержант Аллакулыев, туркмен из небольшого городка Мары, осторожно пробирался по зимнему лесу, постукивая выломанной дубинкой по стволам деревьев. Тишину леса нарушал звонкий перестук палок, перемежающийся с отдельными выкриками солдат. Аллакулыева звали в дивизионе “Турка”, это был спокойный малый, любивший восточную поэзию, музыку, чай и тепло. Плохо переносил зиму и холод, а прогулки по дикому, глухому лесу особо не воодушевляли его. К тому же у него на родине зима была мягкой и тёплой, а здесь такое обилие снега и морозы пугали изнеженного восточного человека. Да и в здешних лесах, говорят, водятся кабаны, встреча с которыми не сулила ничего хорошего, несмотря даже на наличие автомата за спиной. Огромные секачи могут запросто порвать человека, про это он знал из книжек о природе. На “гражданке” ему нравилось читать о животных, об их нравах и повадках. Внезапно, боковым зрением, он заметил какое-то неуловимое движение, рука машинально потянулась к затвору “АК-74”. В метрах двадцати, под стволом небольшой сосны, что-то темнело. Почудилось, что это зверь, готовящийся к прыжку и притаившийся в засаде, но, осторожно приблизившись, “Турка” понял, что нет, это был человек! Раскинув ноги, уперевшись спиной в дерево, сидел на земле в старенькой шинели, покрытой снегом, Тарутин!

Сорвав с плеча автомат и передёрнув затвор, “Турка” выстрелил в воздух — это был сигнал, что он нашёл беглеца. “Москва” был жив, дышал, правда, находился без сознания. Его несли на волокушах, сделав их из стволов молодых сосёнок и плащ-палатки. По прибытии в часть сразу вызвав начмеда, отправили в госпиталь. Под утро вернувшийся оттуда начальник медицинской службы старший лейтенант Томаш доложил командиру, что рядовой Тарутин отморозил себе ступни, ему сделана ампутация и вскоре он будет комиссован. Сам Павел толком не объяснял причину своего побега, при этом никого не обвинял. Из военной прокуратуры запросили отзывы и характеристики на беглеца. Замполит майор Чудный охарактеризовал “Москву” не самым лестным образом, отзывы сослуживцев тоже не впечатляли. Короче говоря, Павел Тарутин в январе 1989 года закончил службу в Советской Армии — был комиссован и отправлен домой...

В конце мая 1989 года рядовой Назаров увольнялся в запас. В штаб заглянул шеф, спешивший на обед. Пожал руку, они обнялись — за полтора года оба привыкли друг к другу. “Спасибо за службу, Бекболат! Честно, мне было приятно с тобой работать. Может, останешься на сверхсрочную?” — Сергей Александрович пытливо посмотрел на Бека. “Спасибо за предложение, товарищ майор. Мне тоже было приятно с вами работать, жаль расставаться, но меня дома ждут. Большое спасибо вам за всё, вы многому меня научили,

Сергей Александрович! — Бек в последний раз смотрел на шефа уже простым, “гражданским” взглядом, — видит Бог, земля квадратная, может, в каком углу и встретимся. Удачи вам во всех делах, звезду большую и лампас пошире!”...

Такси мчало Бекболата по красивым улицам и проспектам, мелькали старинные здания, купола, шпили, мосты и арки. Ехали уже минут сорок, таксист болтал не переставая, вспоминая свою службу и молодость. Да, действительно, “Первопрестольная” — огромный город, сколько уже едем, а конца и края не видать. У Бека в блокноте, среди адресов друзей, был записан и адрес Павла Тарутина. Интересно, что в адресе значилось слово “корпус”. В родном Целинограде обычно после номера дома стоял номер квартиры — и всё! А здесь ещё и номер корпуса. Какой-то трёхзначный адрес получается. Диковинно всё! “Приехали, командир! — таксист ощерился широкой улыбкой. — Вот твой дом! Я сам здесь живу недалеко”.

Найдя подъезд и поднимаясь по лестнице, Бек остановился. Подумал, что, может, ему не следовало приезжать сюда. Что подумают Пашины родные при виде его? Какой-то чурбан из “Тьмутаракани” приехал навесить бывшего сослуживца. Не думаю, что шибко обрадуются. Ладно, я же не для них приехал. Бек нажал кнопку звонка. Залаяла собачка, послышались шаркающие шаги: “Сейчас! Иду! Толик, это ты? — открыла дверь сухонькая старушка с удивительным ясным взглядом строгого интеллигентного лица, — вы к кому?”.

— Здравствуйте, Павел Тарутин здесь живёт? — Бек повысил голос, вдруг она плохо слышит.

— Да, здесь. А вы, собственно, по какому делу? — спокойно, нараспев протянула бабушка, ногой отпихивая болонку.

— По личному! Я служил вместе с Пашей! — Бек одёрнул китель, смахивая невидимые пылинки.

— Заходите, прошу вас! Паша! Тут к тебе сослуживец, говорит, вместе служили, — старушка засеменила, шаркая тапочками по полу. Болонка подбежала, понюхала начищенные ботинки Бека и, успокоившись, встряхнув лохматыми ушами, умчалась вслед за бабкой. Дверь справа по коридору распахнулась, и оттуда выехала инвалидная коляска, в которой сидел Тарутин. Плядя на его длинные волосы, жидкие усики и бородку, Бекболат с трудом узнал своего бывшего сослуживца. Только глаза — большие, голубые, обрамлённые длинными девичьими ресницами, оставались прежними и удивлённо смотрели на вошедшего. Бек, тепло пожав протянутую руку, присел на стоявший в коридоре стул: “Паша! Знаешь, я ведь специально приехал к тебе. Во-первых, привёз нормальные характеристики, сам напечатал, а шеф одобрил, расписался и печать поставил. Привет передавал огромный! А во-вторых, самое главное, ради чего я здесь, это попросить у тебя прощения... Паша, прости меня, что не уберёг тебя... Я всё это время казню себя и мучаюсь, какой же я был глупый! Ты прав, *надо уметь прощать. И любить не только себя, но и каждого человека!* Ты мне преподал урок, который я никогда не забуду! Прости, если сможешь!

“Москва” улыбнулся: “*Это ты меня прости. Видит Бог, не хотел я тебе зла... А тебя я давно уже простил! Так что ступай себе с миром, Бек! Если ты сюда сам пришёл, Бог тебя любит !!!*”...

Иллюстрации автора.

г. Астана.

Асет КИНЕЕВ

*“А за долами —
доля на просторе...”*

Ещё...

Ещё себя не выразить словами,
Судьба не испытала жерновами
И годы не согнули, не сломали,
И мне пока ещё шестнадцать лет.
Ещё не убежал я от истока
Ручьём, что скрыли мята и осока.
Ещё барьеры не беру с наскока
И жаром дома отчего согрет.

Ещё святыней ветхая ограда,
Там, где свиданья — высшая награда,
И девочке смешливой сердце радо,
И слово застревает в слове “лю”...
Ещё к просёлку жизни тропка длится
И большаку подавно не присниться,
Ещё я чист, и мне не запылиться,
Причуды дней в открытость глаз ловлю.

Как далеко ещё мне до обмана,
До щегольства и до дыры кармана,
Ещё я только лишь пролог романа,
Где всё и всем отпущено сполна.
И за горами скрыто моё горе,
А за долами — доля на просторе,
Надежды парус полон ветром в море
И не грозит напастями волна.

И ясный взгляд любимой не встревожен,
И конь моих желаний не стреножен,
И чести нож не покидает ножен,
Всё тишь да гладь, да Божья благодать.
Ещё мне где-то доверяться сказкам,
Обязанных ночным бредовым ласкам
На грани откровенья и коварства, —
Попробуй этих женщин разгадать...

Ещё меня не обложили беды,
Ещё не в радость первые победы
И страх потери мне ещё неведом,
И цель ясна, — ещё прозрачна даль.
И нет в моих деяниях прокола,
На счастье не куётся мне подкова
И грех мой не оформлен протоколом,
И не отлита для меня медаль.

Ещё меня подстерегают муки
И ждут меня великие разлуки,
И в бедах не поддержат меня руки,
И от меня ещё не отреклись.
И это всё мне пережить придётся,
Всё это к берегам моим прибьётся,
Судьбою назовётся и привьётся,
И выразится в кратком слове — жизнь.

О себе

Никого не жду я в гости,
Видно, всеми позабыт.
У окна согнусь в вопросе —
Неустроен что-то быт.

Не прозвывает калитка,
Не протопают шаги,
Только месяц жёлтым слитком
Заглушает звёзд огни.

Снова думы перемелят
Мир потерь, поветрий, лиц.

Одиночество не дремлет
Скрипом старых половиц.

Не в моей, а в чьей-то власти
Доброте прибавить сил.
Может, вместо лживой сласти
Где-то я пересолил?

Может, горе пил я горстью,
Ну а радости лизал?
Никого не жду я в гости.
Да и сам никем не зван.

Как отрезвляет по зиме
Раздумье стужей:
Зачем живёшь ты на земле,
Кому ты нужен?

Сулят надежды молодым
Словес намёки,
А в зрелости они как дым
Табачный в лёгких,

Глотнул и выдохнул из дум
Все наважденья, —
Лишь молодости свойствен ум
С лихвой броженья.

А возраст — это высота,
Гарант обзора,
Где память прожитых сыта
С затей до вздора.

А годы взяли в оборот,
Не сбавят темпа...
Какие беды у ворот
И сланы кем-то?

Какие ветры позовут
В края чужие?
Кого — пути прямые ждут,
Кого — кружные.

Верёвке жизненной тугой
Насколько виться?
Где суженый мне берег мой,
Где мне прибиться?

И вновь тревожит по зиме
Вопрос досужий,
Кому ты нужен на земле?
А может, нужен?

Письмо женщине

Ты пишешь, что жива-здорова,
Что выпала тебе дорога,
Но не сойти тебе с порога,
Чтоб посетить мой отчий край.

Не дашь ни прямизны, ни крюка
В ту сельщину, где тишь да скука,
И не нужна тому порука,
Что город — воплощённый рай.

Зовёшь меня в свои пенаты,
Но, милая, — я не пернатый,
Что за теплом летит превратным,
Гнездом своим не дорожа.
Я не могу к тебе собраться,
Я не хочу с цепи сорваться,
Не жажду в твой уют забраться,
Себе на рабство ворожа.

На что тебе так дался город
С пространством втиснутым, как в короб,
По швам кварталов он распорот
Лоскутным одеялом весь.
И что с того, что он расцвечен
Огнями фонарей и вечен,
И стольным именем помечен,
И проживать в нём — просто честь?

Он разлинован и размерен,
И спешке сутолок доверен,
И каждый растворён, потерян
Иголкой в стоге сена в нём.
В том муравейнике кишашем
Едва ль аукнутся кричащим,
Найти друг друга — это чаще
Проблема даже днём с огнём.

А здесь — радушно настезь дали
И листьев золотых медали,
И знаки всех чинов, регалий
Деревьям осень раздаёт.
И канители паутины —
Глубокой осени путины
Гонцы, как будто по пути нам,
Зовут, в простор направив лёт.

Сверкает изумрудом осень,
И дождь, рыдая, бьётся оземь,
Бредёт распутицею осень,
В поводыри взяв листопад.
Не нам её винить в допросе
За грусти дымчатую просесть,
Что не сбылись свиданья “в восемь”.
Что всё меж нами невпопад.

Меж нами глухоманью степи,
Нескованные судеб цепи,
Печаль, что возвели мы в степень
Непониманьем двух сердец, —
Поскольку не сотрутся грани
Меж городом и сельским краем,
И это поле нашей брани,
Где каждый носит свой венец.

И слава Богу, мы не дети,
Обманутые на конфете.
Где кнут — там пряник, и до смерти
Нас не заманишь калачом.
Меня в твой город, мне постылый,
Тебя в мой край, от ветра стылый,
И друг для друга не просты мы, —
Нас не открыть одним ключом.

Звоны точимых разносятся кос —
Вышла деревня в луга на покос.

Не до росы тут и не до зари,
Время не терпит — спешат косари.

Ровно ложатся валок за валком.
Солнце щекастое — кровь с молоком.

Сена завязшего благостный дух,
Хохот дразнящих девчат, молодух.

Граблями в копны, а вилы рога
В копны вонзая, их мечут в стога.

Паром дымится пот от рубах.
Мимо проходишь с былинкой в зубах.

Взгляд с поволокой — понятен намёк,
Ночью испробую губ твоих мёд,

Чтоб опьяняться до утренних рос,
После — опять на луга, на покос.

Снежное

И снова чувств борьба недужная, —
Коня в хомут и под дугу,
И гикнув голосом простуженным,
Умчаться в полночь и пургу.

Разбег саней и скрипы полоза,
Копыт чечёточный горох,
А там — надежда тоньше волоса
И заметён судьбы порог.

И ждёт ли счастье поперечное
Под перебранку бубенцов,
Когда годов былое заплочное
Весомей будущих венцов?

Разливы снега бесконечного
Ясней доверья меж людьми...
И жжёт слеза от ветра встречного
Или не встреченной любви...

Деревня

Забывают тебя. Забывают
Накрест двери и окна твои
И прощальный помин затевают
По тебе, полсела опоив.

Будто в поисках доли-удачи
Заменяют на город село.
Только старцам здесь век свой чудачить,
Время в землю пока не свело.

Что же случилось с тобою, деревня,
Край мечтаний и детских проказ?
Вырубают под корень деревья
И никто никому не указ.

Переключек петушьего пенья
Милых сердцу не слышно почти.
Вздых коровий крестьянским терпением
В убаюканной тает ночи.

С каждым годом скудеет подворье,
Травостоем не щедр покос,
А в мужицком крутом разговоре
Неизбывный земельный вопрос.

Без единства рассыпаны просом
Люди. Как тут умом ни раскинь,
Всюду воз нерешённых вопросов,
Наторевший житейский клин.

Видно, вечно крестьянам канючить,
Гнуть дугой перед властью хребет...
Только кто же чужое навьючит,
Коли каждый над пропастью бед?

По-старушечьи, грустно, деревня
Под ладонь козырьком, криком глаз
У просёлка — так было издревле, —
Ждёт заблудших сынов, как заказ.

Дым отечества вновь над трубою
Завивается зовом в глуши...
Что же, сельщина, сталося с тобою,
Боль и была заскорузлой души?

Сон

На заре ты ее не буди...

А. Фет

Я, проводив тебя, в плену
Бессонницы с недрёмным оком.
Вернувшись к дому твоему,
Гляжу в провал раскрытых окон.

Очнувшихся над головой
В деревьях птичек щебет, шорох,
И ветер с поля гулевой
Неслышно путается в шторах.

С ресниц твоих стекают сны.
Движенья губ, раскрытых зыбко,
И быстрым промельком весны
Скользит в ней трепетно улыбка.

И тлеет чуть румянец щёк, —
Иль это тень зари рассвета?
И лишь будильник щёлк да щёлк, —
Отмеривает сказки лета.

“Проснись, любимая!” — шепчу,
Глотками нежности хмелею.
Я скрыл, что нынче улечу,
И вот сейчас о том жалею.

Уйду, твой сон не разорив,
До встречи памяти нанижу...
Ах, если б знал, что с той зари
Тебя я больше не увижу!..

Двое

Вставали марева в полнеба,
Звенели песни за прудом
И в зрелых зёрнах запах хлеба
Струился в колосе тугом.

Кружили пёстро дни, недели,
Как взбалмошная карусель,
Уже и птицы отлетели
К теплу за тридевять земель.

И впереди рассветом зимним
Вставал прощанья горький миг,
И что-то было между ними,
И что-то покидало их.

Как неминуемая — трезвость,
Наивность юности круша,
Уже в глаза летела зрелость,
Над той беспечностью кружа.

И где-то, где-то одиноко,
Вину за верность искупив,
Он в первый раз заплакал горько,
Таясь. Стыдливо. По-мужски.

Борису Пастернаку

Жизнь, уподобившись смоле,
Вовсю кипела.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

И вдруг студящая метель
Сметает двери
Привычной жизни прочь, с петель,
Как мечь доверью.

У той метели на пиру —
Взметённый мусор,
И брат бывалый по перу
Стал, предав, трусом.

Маститый, в славе возопрев,
Звенел металлом,
С чужого голоса запев,
Стал подпевалой.

И вроде пазуха пуста
Была, но в клане
Себе подобных запускал
И грязь, и камни.

А был читаем наравне
И чтим на равных
В словоблудлившей стране,
Где нет бесправных...

К привыкшим всё рубить сплеча
Мысль не пристанет,
Что всем горевшая свеча
Огарком станет.

Туза шестёрке козырной
Побить — тщеславье,

Плевать шестёрке озорной —
Кто слеп, кто вправе.

От истины до шельмовства —
Путь через совесть,
А совесть с трепетом хвоста
Одна условность.

Претит душе изгоя путь
И диссидента,
Хоть Родины похлёбка — муть,
Крута диета.

Запрет, забвенье и — молчок,
Нужды лукошко...
Не предал лишь земли клочок,
Своя картошка.

Лопаты стиль, взамен пера,
Как вы желали,
Коль жизнь суровая игра
На выживание.

Она в спокойствии текла
И в бурной смуте,
Лишь истина в ней извлекала
Все корни суги.

Та истина не арестант
И не подстрочник, —
Нашла искомый адресат,
Расставив точки.

А заблудившимся (в укор),
В чаду напраслин, —
Свеча горит наперекор,
Горит — не гаснет.

Валерию Антонову

Мне говорят — с Россиею Восток
Переплелись в моих твореньях лирных.
Так рассудил, наверно, гороскоп,
Чтобы в одном лице сошлись два мира.

Поэзии закон для всех един:
Ей всё равно, каких ты верований,
В ней юный пыл и мудрый дух седин,
И скрыта Божья искра дарованья.

Чтоб засверкали самоцветы слов,
Поэзия их магией огранит.
И вертопрах в поэзии тот слог,
Что сердце не встревожит и не ранит.

Поэзия — не только волшебство,
Она и сводница — сближает душ родство.

Жене

Быть в одиночестве нелепо,
Коварней не познать удар,
Когда лета уже под лето,
А осень возраста — не дар.

Грусть не приходит в одночасье,
Негласен, строг её надзор,
И в этом возрасте о счастье
Гадать — напраслина и вздор.

Согреть свечой и стать огарком,
Ни для кого светить и тлеть, —
Печальней для себя подарка
Ни выдумать, ни захотеть.

И зная впредь, что в доме пусто,
Всё ж окунаешься в мираж,
Где сущности твоей и чувствам
Не кончен бытия тираж.

Приданого остатков вещи,
Под пыльной вазой кружева, —
Обмана зыбкого похлепче
Напоминают — ты жива.

Должна быть на столе записка,
В ней срок возврата твоего,
Но пустотой листок затискан
Белей декабрьских снегов.

Как будто ты прошла по дому
И словно не сквозняк шалит,
А воздух, вскрученный подолом,
Слегка гардины шевелит.

Всё кажется: ты только вышла,
Нет, не на годы, а на миг,
Но выше крыш и неба выше
В немом взывании стынет крик.

Каких же бед накличут совы,
Какие стужи застудят?
Судьбы удары до основы
Души уже не оскудят.

И только память чёрным крепом
Кружит по следу твоему...
Что ж, одиночество нелепо,
Когда не склонны мы к нему.

Мама

Июль. Больничная аллея.
Поблёкших листьев зелены,
Платком наброшенным алея,
Уходит мама от меня.

От страха расставанья с мамой
И норвя за нею вслед,
Реву я, безутешно, малый, —
От роду трёх неполных лет.

Из рук людей в халатах белых
Я рвусь из чуждой мне среды.
Вокруг глаза осиротелых
Детей — с клеймом моей беды.

На эту с мамами разлуку
Легла военных лет печать,
Где нам терпенье, как науку
Пройдя, наив свой развенчать.

Нам в жизни выпадет немало
Разлук, но в детства светлый час
Не знаем, что навеки мамы
Когда-нибудь покинут нас.

Брату Тельману

Жизнь — спор возможного с хотеньем
И срок коротенький, как пядь.
И дан нам дар приобретенья.
Дано нам с возрастом терять.

Неравнозначен груз потери,
Но тяжелей подобной нет.
Всё чудится, что ты за дверью
И ждёшь от жизни свой ответ.

И где твоё великодушие —
Всё ближним, и всего сполна?
Взамен тебя тоски удушье
И горя горькая волна.

Ничто теперь уж не заполнит
Той неизбывной пустоты,
Где нет тебя, где только помнят,
Что значил для кого-то ты.

Нет, не привыкнуть к потрясению,
Что нам не свидеться уже.
Потери в возрасте осеннем
Больнее множатся в душе.

И если чувства тяги, ласки
Скупясь я нёс тебе в горсти,
Теперь несу, винясь по-братски,
Своё последнее прости.

Уходят женщины

Уходят женщины. Уходят
К другим. В себя, в свой личный мир
И утешение находят
В том, что не вы её кумир.

Уходят женщины. Что толку
Кричать им вслед: “Пойми, вернись!..”
В их лексике в тот миг поскольку
Слова любви перевелись.

Уходят женщины. Причину
Ухода ковырять — тщета,
Раз рассекла беда-кручина
Броню любовного щита.

Уходят женщины и в тридцать,
Страшней не выдумать удар,
Когда приходится смириться
С тем, что всё глуше пыл и жар.

Уходят женщины. Ну что же?
Пускай. Счастливого пути.
Следы и письма уничтожим...
А как от памяти уйти?

В какие дальние края,
Последний довод затая,
В холодный взгляд, в прищур надменный,
Уходит женщина моя?

И чем я ей не угодил
В лихом отчаяньи годин,
Что у разбитого корыта
Я, как по-прежнему, один?

Быть может, ей недалеко?
Быть может, ей не так легко?
А миг в итоге возвращенья
Вдруг станет хрупким, как стекло?

Всё с ней вновь боязно нести, —
Не расплескать, не растрясти,
Взаимные крупии уступки
По тайникам души скрести...

Нет, лучше пусть, судьбу моля,
Моих высот не умаляя,
От перекрёстка нашей доли
Уходит женщина моя!

Чувств сумасбродство, слов пьянящий бред
И вожделений ласки не во вред.

Полна ночь таинств, вымысла полна,
А днём окатит истины волна.

День на лице не скроет всех морщин,
Рельефных, как узор на скате шин.

Предательски сверкает седина,
Чтоб ни покрышки ей и чтоб ни дна.

Ушёл наш поезд, милая, увы!
А что терять нам, кроме головы?

Вечер

Жара спадает. Вечереет. Тени
Становятся уродливо длиннее
И холодок под трав уходит сени,
Чтоб утром превратиться в жемчуг рос.

А у ограды с нежностью телячьей
Берёза дуновенье ветра нянчит
В листе, и он, заблудший, по-щелячи,
Боясь пространств, в задворки тычет нос.

С мычаньем сытым пропылило стадо.
Пыль оседает, золотясь, устало,
И яблоч ранних спелый дух из сада
На улицу доносится подчас.
А на скамейке, притулившись к дому,
Заводят бабки песню грустным тоном
О казаке, гуляющем по Дону,
И деве утонувшей, повенчась.

Багровое, раздувшись от натуги,
Тепла и света справивши услуги,
Светило дня, гася в жаровне угли,
Не мешкая, спешат за косогор.
Оно, окинув мир прощальным оком,
Лучей игрою, будто ненароком,
Забрызгало, шая, клубничным соком
Плешь ледяную посиневших гор.

Застрекотала первая цикада.
На фраке неба робких звёзд награда.
С околицы забредшая прохлада,
Горча полынью, свежестью знобит.
По краю неба кумача заплата,
Вернее — спелый помидор заката
В небесной банке вечера закатан
И маринадом сумерек залит.

А выше — краски цвета мандарина,
Затем лимона и ультрамарина,
Да облако, как алый парус Грина,
Плывёт неторопливо на восток.
Как долгод вечер в зуде нетерпенья! —
Как гнёт нескончаемое бремя:
Зарёю околдованное время,
Продвинулось на воробьиный скок.

Вот так приходит тихий летний вечер
В мой отчий край с названием Семиречья,
Чем незабвенным буду им я мечен,
Уйдя в годов далёкие края?
Чьи руки нынче лягут мне на плечи,
Чьих губ ожог в пылу бредовой речи
Узнаю я, и осчастливит встречей
Кого сегодня молодость моя?

Гармонь на рынке

Доходы и обманы множа,
Клокочет рынок, двинув в рост,
Елейно, с чувством, вон из кожи,
Товаром ублажая спрос.

Лотки, ряды, киоски, лавки,
Всё здесь, чего бы ни хотел.
В извечной муравейной давке
Толпа и сутолока тел.

Напичканная хамством юность,
В чьей голове ни Бог, ни царь,
И измождённых лиц угрюмость,
И лоск пресытившихся харь.

И думы про бытьё-житьё лишь
На лицах всех — что день сулит?
Как зверем брошенный детёныш,
В той толчее гармонь скулит.

Из позабытого потая
Она трепещет о былом,
Да так, что лёд шумит, оттаяв,
Корёжит сердце на излом.

Со временем затеяв прятки,
Назло всему гармонь звенит,
И в шапку мастера двухрядки
Деньга помятая летит.

Алматинская обл.

Константин КЕШИН

Прекрасная Ольмиер

1.

... Старичок, милый мой Максим, не могу тебе передать, какое потрясение, а правильнее сказать, сотрясение души и сердца я пережил, когда читал твою вдрызг замызанную эпистолу, Бог знает из каких времён добравшуюся до твоего покорного слуги и, как оказалось, не совсем забытого друга. Да не кипятись, не кипятись, не возмущайся: “замызанную” не к содержанию относится, а к внешнему виду твоего неожиданного и странного письмеца. Вообрази, в моём почтовом ящике, проржавленном, как выброшенный на сушу допотопный пакетбот из малоизвестного рассказа Александра Грина, давным-давно утратившем даже подобие замка-запора, внезапно обнаружился мятый-перемятый, изжёванный, словно его пробовал на вкус африканский болотный бегемот, конверт. Разумеется, некоей излишне любопытной личностью вскрытый, конечно же, той же личностью бесцеремонно прочитанный, с пятнами будто бы от самогонной бурды на самом послании (хорошо хоть селёдку из бакалейной лавочки в него не заворачивали).

Так вот, Максимчик, данным письмом поверг ты меня в двойное изумление.

Перво-наперво тем, что всплыл... а как же иначе прикажете толковать такое непредвиденное и ошеломительное событие? из дней юности моя, когда кругом во множестве теснились, как писал страстно-грубый деревенщик и праведник Василий Макарович, ныне безвозвратно пересекшие Лету (к счастью, не все, не все... пока) “друзи игрищ и забав”. Ныне, как ты понимаешь, в далёком и невозвратном прошлом остались и “забавы” и “игрища”, что же про “друзи”, то в верных друзьях теперь всё больше числятся боржоми пополам с кефиром да неразлучный со мною нитроглицерин. Ладно, ладно, это, разумеется, жалобные песнопения крепко пожилого человека, а в целом нечего сетовать на судьбу. Она оказалась довольно милостива ко мне, не в пример прочим. Кстати, тебя-то она — судьба, значит, — помиловала или отнеслась сурово? Что-то об этом ты не пишешь, так что, скорее всего, обошлась не слишком ласково...

А второе изумление — твой “запрос” по поводу “подруги” всё тех же юношеских, можно сказать, студенческих “игрищ и забав”, Жени Теслик. Здесь я надолго-надолго замолкаю, то есть, замираю в пространном, ностальгически-горестном раздумье над компьютерными клавишами. Вот какая странность, старик. О Жене Теслик никаким образом, хочешь — верь, хочешь — не верь, много лет совсем даже и не вспоминалось. Почему так, не знаю. Ведь, когда я возвратился из Харькова, где пару лет отсидел на университетской скамье да круто не поладил с благозвучною, дай ей Бог самостийного здоровья, украинскою “мовою”, какие поразительные знакомства свалились на меня той провинциальной осенью на родине!.. А знакомство с нею... О!.. Верно пела Изабелла Юрьева: “Только раз бывают в жизни встречи...”. Ладно, ладно, пусть Вадим Козин: какая разница, всё равно “Мне сегодня так больно, Слезы взор мой туманят...”.

А знакомства (одно другого интереснее и увлекательнее) состоялись многие, в том числе и с тобою, тогда худеньким белобрысым парнишкой,

денно и ночью бредившим “Рамаемой”, “Калидасой”, санскритом и прочими головоломными буддистско-индийскими премудростями, которые для меня, стойкого поклонника шишкинского “Утра в сосновом лесу” и саврасовских грачей, которые, если верить пионерскому песеннику, “на крыльях весну принесли”, как в те времена, так и поныне остались великой тайной за семьюдесятью семью печатями. И очень хорошо помнится мне тот чудесно погожий осенний денёк, совершенно золотой, когда ведомый тобою чуть ли не за руку, проследовал я за калитку тихого, словно бы законченно уездного-губернского садика, и вскоре поднимались мы по чисто выскобленным ступенькам шаткого крыльца. Под ним спуск в подвал, а мы через большую открытую террасу — Господи, какое приволье! После городской малометражной коммуналки! — не то чтобы робко, но как-то смущённо вошли в просторную квадратную комнату. И навстречу поднялась с дивана — или софы, или оттоманки, не знаю, не помню, старик, подскажи, что же ты на меня одного взвалил мучительно-прекрасную обязанность вспоминать? — та самая Жёня Теслик, о которой столько было слышно да ни разу не видно...

Минутку, Максимушко, минутку, мобильник играет “Лили Марлен”. Кому бы это с утра пораньше запонадобился твой любезный друг?.. А! Деловой неотложный звонок, ничего не поделаешь, придётся с ответным посланием повременить.

“Докончу после как-нибудь...”. Откуда цитата, вестимо? Как это не припомнишь? Всё-таки тоже филологическое образование получил, хоть и с иностранным акцентом. Ты на каком факультете-то учился? И закончил, закончил, помню хорошо и хорошо закончил, краснотипный ты наш. Просто санскрит как-то вытеснил конкретную привязку: то ли английский, то ли французский... Ну ладно, старик, приходится спешить, пока прощаюсь.

Надеюсь, почти что неразличимый адрес твой, который я старательно, знак в знак, чёрточка в чёрточку, царапаю на ответном конверте, поможет и моему письму добраться до тебя. К несчастью, все положенные (или приложенные?) почтовые штемпели, увы!.. пропали безвозвратно в пасти неизвестного бегемотика, скажи спасибо, что вообще не слопал, видно, не голодал безвестный африканец. К тому же ты по неистребимой твоей безалаберности ни дня, ни месяца, ни года указать не посчитал нужным. Слава Богу, что хоть одно понятно, что писал ты мне из того самого ближневосточного государства, которое наша Жёня считала родиной своих библейских предков.

Пока, старик, отзывайся. А за мной не заржавеет...

2.

Так, Максим, на чём мы остановились, в каком месте нашего совместного прошлого в данный момент пребываем? Ничего, что пишу спустя два месяца? От тебя-то пока ни ответа, ни привета...

Значит, навстречу нам, нет, старик, извини, может, непростительно затрагиваю твоё мужское самолюбие, но и тогда, и сейчас, чувствовал и чувствую по сей день, что юная, пронзительно прекрасная (так что сердце мгновенно и надолго заболело, ой, куда же это я задевал нитроглицерин? Так, под язык её, спасительную таблечку, под язык!) женщина именно меня с первого взгляда отличила и что каким-то таинственным образом

возникла меж нами до поры до времени невымолвленная, непроизнесённая, однако же прочнейшая, никому не подвластная, кроме нас самих, связь. Платоническое воссоединение душ с первого взгляда, если хочешь. Витание в эмпиреях. Любовных. Приближаясь к Полям Елисейским, как сладостно всё это припоминать...

Сначала даже глаз, как бы невежливо это ни выглядело, не мог от новоявленной женщины отвести. Смотрю и смотрю, время от времени словно глотаю что-то (горло напрягается, потом отпускает), вот и насмотрелся на всю оставшуюся жизнь. До мельчайшей чёрточки помню живой манящий блеск угольно-чёрных волос, соответственно имелась толстая витая коса, мило-женственно лежавшая на смуглой шее, лицо также приятно смуглое, около левого глаза, ближе к виску, крошечная родинка, еле заметные усики (вот она, точная примета восточного — ближневосточного — происхождения). И эти крохотные, как бы забавно-насмешливые усики, как ни странно, и привлекательности, и женственности облика сильно прибавляли. И ещё — Женина пикантная полнота, а в движениях некая округлая мягкость, веяние нежности почти что неземной, а в то же время — от этой конкретной “дочери Евы” исходил такой мощнейший ток соблазна, что только держись...

Мы и держались... Точнее, держали в неловко растопыренных пальцах чашки с почему-то никак не остывающим чаем, страшись ненароком эти самые драгоценно-хрупкие чайные предметы выронить, а то и просто раздавить.

И вот стал я понемногу да потихоньку оглядываться кругом. Осмелел настолько, что даже встал из-за круглого стола, покрытого роскошной бархатной скатертью тёмно-вишнёвого цвета, начал по комнате ходить да осторожно похаживать. К окну подошёл, на садик засмотрелся, всё привыкал, короче говоря, в гостеприимном доме обжился. Обстановку, Максим, откровенно скажу, помню вроде бы сквозь сон. Вот окажись каким-то непостижимым образом вновь в той комнате, смогу сказать, она или не она, а чтобы сейчас в топографической точности воспроизвести, нет, нет, не получится... Помню только огромный старинный буфет, и стёкла в нём непроглядно-рубиновые, гранатовые — вот, скорее всего, так надо определить.

Про круглый стол сказано уже, про диван-софу-оттоманку тоже. Какая-то ладная, симпатично-домашняя теснота вызывала слабое, однако же явственное желание пребывать в данной уютной обители постоянно. Безразлично, кстати говоря, на каких правах. В какой безжалостной вечности исчезла навсегда эта комната? И если бы не ты, не возник бы под моим пером её полустёртый временем, почти что неразличимый облик.

Но вот тебе то, с чем время не справилось.

Так вот, пока ты втолковывал лукаво-ошеломлённой Жене нечто махабхаратски-санскритское, я, можно сказать, обомлел от непривычного картинного оформления стен, повторюсь, гостеприимной (с лестницы-то не спустили!) домашней обители. А что ты хочешь? У меня-то дома, да и в твоей квартире также — голые стены с довоенной (имеется в виду первая мировая) побелкой. Итак, там были три или четыре пейзажика — очень-очень цветных, причём всё осень да осень; золота, киновари вперемежку до шокового ослепления; видать, вот в этом самом садике за этим самым окошечком и добыты живописцем красочно-изящные осенние виды.

Но что пейзажи! Меж ними как-то грозно-тревожно затесались два портретных рисунка. Размером побольше, чем пейзажи, к тому же вертикальные; пейзажи-то все, как один, горизонтальные. (С этюдника — на стенку, не иначе!). Портрет номер первый — Пушкин Александр Сергеевич собственной персоной. Взгляд прямой, невозможно спокойный, но не умиротворённый, и требовательный, хладнокровно вопрошающий. Облик великого поэта прежние прижизненные и послежизненные изображения не повторяющий, а, тем не менее, Пушкина узнаёшь сразу и одновременно думаешь: “А ведь способный человек рисовал!”. Некая портретная правдивость — при всей психологической глубине, понятное дело, — несомненна.

Не знаю, как ты, Макс, в ту пору, тем паче, ныне, когда ты в бедуинско-иудейских пустынных палестинах обретаешься, а вот я лишь краешком глаза захватив тогдашний рисунок под номером два, молниеносно его опознал. Описываю. На корточках, как-то в безнадёжном, беспросветном отчаянии сгорбившись, сидит, пригорюнившись, печальная старуха. Иссохшая, костлявая, щёки ввалились, скулы остро выступили, босая, руки повисли. Одежды на ней как бы и нет никакой. Подзадержалась что-то на свете несчастная старушенция, давно Господом в небесные края вызвана, ангельский конвой в полной готовности, да вот присела на обочине перед дальней — неземной уже — дорогой. Да-да, вот это и есть “Прекрасная Ольмиер” — великая скульптура великого Родена. Мастер, как известно, вдохновлялся полным горчайшей иронии стихотворением Вийона на тему быстротечности времени — Ольмиер волшебной-прекрасной была, самое меньшее, за полвека до того, как она попала сначала под перо поэта, а спустя столетия — под резец скульптора.

Само собой, не репродукция и не зарисовка, сотворённая в парижской мастерской-музее скульптора, а, так сказать, вольный графический пересказ. Талантлив, талантлив, шибко талантлив неизвестный рисовальщик, ничего не скажешь. Однако, если у Родена глаза прекрасной Ольмиер полны такой неизбывной грусти-скорби, что от острой жалости к красавице, с которой столь беспощадно расправилось время, дыхание перехватывает, то взор нашей скорчившейся старухи, несмотря на горькую задумчивость, почти столь же сурово-требовательный, что и вопрошающий пушкинский взгляд. Да, не приводилось, честно признаться, до той поры встречаться с подобным искусством...

Посмотрев, как я, словно кот учёный, который всё ходит на цепи кругом, деликатно-осторожно, чуть ли не на цыпочках, дефилирую перед портретной парой, Женя как бы между прочим проронила:

— Это Миши... Миши Картанова работы... — Нет, не та фамилия, не та, пока не могу воспроизвести... Может, потом припомню...

Я лишь руки развёл, будто приготовился, чтобы ладони к перекладинам креста прибавали: “Мол, от восторга перед очевидным художественным талантом и дара слова можно лишиться”. За что и был отмечен благосклонным — взглядом без промедления, а в дальнейшем — и отношением. Каким именно и “как это всё произошло” (не забыл, как мы отплясывали под песенку “Всё хорошо, прекрасная маркиза” в бравурно-лихом исполнении отца и дочери Утёсовых? Вопросительная строчка несчастной маркизы — из той самой песенки).

Тебе не терпится, чтобы повествование продолжалось... Не знаю, не знаю... Во-первых, месяц бежит за месяцем, ты что-то помалкиваешь в

ответ: а если соскучусь — твоего отзыва дожидаться?.. При всём при том, это же и невежливо, не я к тебе набивался просителем, а ты, так что поторопись. В твоём ивритско-идишском царстве-государстве с письмами наверняка не столь бесцеремонно обращаются, как в твоём дорогом, неужели бывшем (кошмар какой, старина!) отечестве. Смотри, смотри хорошенько, а то ещё одно-два письма сочиню, а после и расстанемся. Как бы теперь не навеки, друг ты мой сердечный...

Во-вторых, нелёгкая это работа, неподъёмная, по правде говоря, вспоминать...

3.

Так вот, коротко про этого самого Мишу в двух словах. Мне так и не довелось познакомиться с означенной персоной, хотя некоторое время Ваш всё ещё (несмотря на пока ещё простительную Вашу же эпистолярную безответность, чтобы не сказать безответственность) покорный слуга из мастерских живописцев и графиков не вылезал. На его небольшой выставке не то чтобы посмертной, но в странном, непонятном и никем не объяснённом отсутствии мастера, всё больше натюрморты были, действительно, уверенно набросанные быстрым и смелым карандашом (углём, конечно, или сангиной). Никакого намёка ни на Пушкина, ни на Родена в представленных рисунках и в помине не имелось. Но это так, к слову, поскольку Миша этот самый пропал-таки без вести: то ли самоубийством завершил свой творческий путь, то ли, как поговаривали, попал с приступом белой горячки в сумасшедший дом, да так там безымянно и остался. Кто бы мог подумать, что его судьба таинственно и непредсказуемо присутствовала роковым предвестием и в судьбе нашей обаятельной Жени Теслик, чьи поклонники только что не топтались вожде-ленно около её крыльца: как вскоре стало ясно, не мы были первыми, не мы стали последними...

Про поклонников, что ли, речь зашла. Ладно, расскажем заодно, что знаем, вернее, что помним. Народишко к нашей соблазнительно-полненькой (не ущипнёшь, чёрт побери! — Не обращай внимания, Максим, прошу тебя, на чуть озорноватую эротику в духе бунинских “Тёмных аллей” — это раскованность стиля и ничего больше) и очаровательно-миловидной Женечке подбирался — или она сама подбирала — всё больше интеллигентный, то есть, робкий. Лапать-хапать, грубо приставать не то что “не моги”, как-то не шли к её дому разные простительные в юности, шаловливые женско-мужские телодвижения. Тем более, упаси Бог, неосторожные выражения. О нецензурщине, которой так обожала щегольски бравировать приличная публика, и речи — в буквальном смысле, естественно — ни впрямую, ни в эвфемистическом пересказе, не возникало.

И отчётливо запомнилось, как в один прекрасный тихий вечер, скорее всего, весенний — на носу госэкзамены, под мышкой гениальный, жаль, так и не проштудированный “Синтаксис” Гвоздева — в одиночестве, ты почему-то вместе со всеми своими, теперь-то наверняка стопроцентно чужими, браминами, йогами, Рабиндранатами и Вивеканандами, пропал, растворился, истаял, подхожу к крыльцу заветному, волнением чудесным томим. Что и говорить, влекла Женечка милая, нравилась, даже о полной и решительной влюблённости подумывалось. Кстати, теперь, глядя на монитор компьютера, соображаю (вот тугодум так тугодум,

ёлки-палки), что ты же, да, именно так, как же иначе, густым облаком беззаветной симпатии охваченный, неспроста посещал сию Прекрасную Даму нашей юности. Дело прошлое, просто интересно, во-первых, куда ты, малец, подевался, за какой-такой высокий сугроб закатилась твоя звезда, а главное, как там сложились ваши отношения с незабвенной Женей Теслик. То, что всё обошлось целомудреннейшими встречами, можешь не оправдываться. И без твоих признаний известно об этом. Как и почему? Не торопись, одно-два моих письма ещё у тебя в запасе, а там — сам знаешь — Бог располагает...

Вернёмся к давнему — теперь-то его нет, старик, не существует оно — крыльцу в семиреченский весенний вечер.

Чуть с ног меня не сбил некий Павел. Фамилия всё как бы под мутной водой барахтается в памяти, но никак не всплывает. Он на факультете как-то там лидерствовал то ли по профсоюзной линии, то ли по комсомольской. Прославился тем, что выводил на чистую воду сокурсников, имевших наглую неосторожность или неосторожную наглость цитировать — без упоминания имени, Максим дорогой, анонимно, представь себе — проклинаемого всем советским народом вероотступника, богопротивного Пастернака. Что-то вроде того, что поэзия — не прихоть самозванца. Прости, если неточно, нет времени и желания лезть в собрание сочинений, так что верь мне на слово. Кормись тем, что воспроизвожу.

И этот самый Павел-не-апостол, мужик не нам, субтильным кавалерам, чета, прошедший армейскую службу, плечистый, хоть сейчас ставь головным в бурлацкую упряжку, весь красный, как рак, свежоошпаренный кипятком, злой, как та собака с объявления на заборе, не разбирая дороги, с этого самого крыльца скатился, скрипя зубами и сочно разветвлёнными выражениями, непригодными не то что для “девического ушка”, не для всякого мужского, скажу тебе откровенно.

Задумался я на нижней ступеньке, когда означенный провинциальный амбал-мустанг, поднимая пыль армейскими десантными ботинками, промчался и скрылся, но всё-таки прошёл в приют, насчёт “трудов и вдохновенья”, не знаю, не знаю, не сильно уверен, но что любовного томленья, можете не сомневаться. Женю впервые видел какой-то отчасти встрёпанной, как бы не в себе, лицо покрасневшее, некий беспорядок в полудомашней, как обыкновенно, одежде наличествует. Что как раз совсем необыкновенно. Не здороваемся. Посмотрела красавица на меня довольно-таки сурово, потом взяла себя в руки, извинилась, оставила меня одного, присевшего в недоумении за привычный круглый стол с бархатной скатертью, решать, не смыться ли мне отсюда подобру-поздорову, пока не пришлось проследовать маршрутом предшественника.

Долго раздумывать не пришлось, Женя вскоре вернулась. Чистая, умытая, никаких следов случившегося. Милая, обаятельная, внимательная. Вот тут очень к месту вспомнить про портрет Пушкина производства (о! Вспомнил-таки фамилию пропавшего Миши — Тахов!) этого самого Тахова. Объясняю: генеральной темой большинства разговоров и как бы небесным патроном, покровителем и всегдашним, на все случаи жизни, покровителем данного женского литературного салона являлся Александр Сергеевич. Имелись и другие салоны, где в качестве высших сил, осеняющих своей интеллектуально-нравственной благодатью, использовались Ремарк (“Три товарища”) или Экзюпери (“Земля людей!”), но отвлекаться не имею возможности, да и смысла не вижу.

А Пушкин в доме нашей Жени Теслик присутствовал не стихами, не прозой, не “Маленькими трагедиями” даже или там грандиозным “Борисом Годуновым”. “Ай да Пушкин, ай да сукин сын!” ценился здесь как автор писем, гений эпистолярного искусства. Бог ты мой, том пушкинских писем, зачитанный-истрёпанный до невозможности, разбухший, словно его выловили в океане после кораблекрушения, а потом долго и старательно высушивали, Женя, можешь мне поверить, не выпускала из рук. (“Собственными глазами видел, Ваша честь, и неоднократно!”) Да. Максим дорогой, пишу сейчас с самым нежным, даже нежнейшим и возвышенным чувством к подруге мятежной юности (хотя какие, к чёрту, мы — мятежники; впрочем, кто знает, когда начинаешь вспоминать, порою думаешь, а ведь было, было...).

Она многие пушкинские письма, вплоть до самого последнего, написанного утром, за несколько часов до рокового поединка на Чёрной речке (“Милостивая государыня Александра Осиповна! Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение... С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою, А. Пушкин”), вытвердила наизусть.

4.

... И прошло ещё много-много времени.

По поводу чего такое замечание, как ты полагаешь? Ладно, не стану томить: оно одинаково относится и к прошлому, и к настоящему, поскольку до нынешнего послания очередь дошла спустя несколько месяцев после предыдущего. Столь долгие перерывы не благоприятствуют необходимому эмоциональному накалу моей воспоминательной прозы. Так что извини за возможную сухость, невольную “ослабленность струны”.

Прости, дорогой, что отправляю два письма сразу. По-хорошему, надо было бы продолжить предыдущее послание, и такое пламенное намерение имелось. Сейчас объясню. И твоё письмо, почти что из “Записок сумасшедшего”, и Женя Теслик, как оказалось, к повести Гоголя имеющая прямое отношение, предметы, от которых короткой запиской не отделаешься... Впрочем, возвращаюсь к переписке в одну сторону.

Мне не нужно напрягать память, чтобы вызвать в сознании образ Жени — это-то естественно — и любимый том пушкинских писем в самодельном — “домотканом”, что ли — бархатном переплёте всё того же скатерно-гранатового цвета. Когда сейчас, в далеко-далеко отбежавшие от тех лет годы, достаю с полки последний том собрания сочинений Пушкина и раскрываю его то на одной, то на другой странице, читаю строчку-другую, мнится мне, что слышал эту поразительную прозу в Женином доме.

Но неколебимой уверенности узнавания так и не происходит. И я остаю это мучительное занятие, прекращаю с памятью напрасный спор.

Однако помню прекрасно, что Женя несколько раз читала мне — никак не равнодушно — письмо Пушкина Геккерену. Опубликовано-то оно по чудом сохранившемуся черновику: сам автор неотправленный вариант в клочки разорвал. Хорошо помню, как она говорила:

— Как он терзался, несчастный!.. Можно ли вообразить такое горькое, безнадёжное, такое ледяное одиночество? Написаны и даже напечатаны “Евгений Онегин”, “Капитанская дочка”, есть какой-никакой домашний

очаг, любимая жена, четверо детей, друзья, сам остепенился, любовные проказы и шалости стали то милыми, то горестными воспоминаниями, “лета к суровой прозе клонят” и “теперь милей мне щей горшок”... И вдруг — гаденькая анонимка, подмётная мерзость, а защитить поэта, прекрасного поэта, прийти на помощь некому!.. Нечто неудержимо, неостановимо затягивает в гибельную пропасть. Пушкин произносит дерзкие, гневные, даже грозные речи, письмо пишет страшное, убийственное в прямом смысле слова... И всё время один-одинёшенек... Поверишь ли, на одно-два мгновения — гипнотический монолог подействовал-таки — как бы почувствовал себя, не Пушкиным, разумеется, но словно внутри того кошмарного пушкинского одиночества.

Одним словом, в постоянно и всё сильнее желанном, не похожем на прочие, Женином доме я становился “человеком в полном смысле слова”. Не было разрыва между тем, каким воображал себя — любителем классического чтения, поклонником наших прекрасных пейзажей, влюбчивым юношей (“только влюблённый имеет право на звание человека”) — и обыкновенным, часто пустым и малоинтересным, существованием, оставлявшим такое противное послевкусие. Не такое, конечно, “словно эскадрон во рту переночевал”, но всё-таки хоть бы его не было...

Однако что-то стало в моих посещениях, в наших деликатно-приятных отношениях пробуксовывать. Признаться, у меня нет сейчас сильного желания воскрешать юношеско-мужские переживания, связанные с молодой женщиной. Вернее всего оставить хоть пламенную, хоть дымно-чадающую эротику “племени младому, незнакомому”. Для нас с тобой это ныне чужая территория, и нечего по ней таскаться особам преклонного возраста, прихрамывая и покряхтывая. Но ведь были, были — да говорят, ещё какие! — переживания и желания тоже были.

Так о чём это я? Отвлёкся, приношу свои извинения. Предмет воспоминаний такой.

Теперь-то для меня яснее ясного, что в душевном строе молодой красавицы, не расстававшейся с пушкинскими письмами, имелся существенный изъян: её никак не интересовали — женщины, это ладно, это слава Богу — к мужскому началу в мире наша Женя оставалась равнодушна. Никакой тяги к мужчинам — не сразу, ох, далеко не сразу и тогда не до конца, кстати, такое странное обстоятельство прояснилось в сознании. Да, старик, что ни говори, а ведь это, как ни крути, нарушение векового жизненного строя, сбой действующей ещё со дня общения Адама и Евы в райском саду программы, не нами составленной, не нам её и менять. “Высокой страсти не имея...”. Нет, нет, с высокой страстью всё было в порядке. До поры до времени. Однако же плотская страсть-то чем виновата, её-то за что в сторону? Почто ею-то пренебрегать?

Наверное, этот круглосуточный и круглогодичный пост день за днём отнимал у Жениного дома первоначальное, долго державшееся очарование. Не в библиотеку же мы приходили. И не являлись любознательными посетителями домашнего музея. А в телесно-соблазнительной, к тому же начитанной, неплохо образованной (это же дополнительный манок для желторотых филологов) женщине не было первобытного — на уровне инстинкта — женского начала, точнее, естественного, изначального, по велению природы, стремления, независимой от возраста, облика и всего прочего, тяги к мужчине как существу противоположной, тем не менее

необходимейшей конституции, телесного устройства. И душевного, само собой.

После этого абзаца произошла долгая остановка, наступила продолжительная пауза. И, знаешь, почему? Всё пытался вспомнить, как и когда прекратились мои все более спокойные, все более церемонно-традиционные походы (подходы) к Жене Теслик. И ведь прекратились навсегда, навечно. Всё же, как ни старался, полный провал... памяти. И произошло не только исчезновение из сознания на долгие годы этой части старинной жизни, ни разу не появилось желания что-то воскресить, вновь переступить знакомый порог как бы пообносившимся и потрепанным блудным сыном.

5.

Приготовься, дражайший Максим, “идёт к развязке дело”.

Тем временем — это слово здесь весьма к месту — счёт пошёл не на годы, а на десятилетия.

... Жёлтая листва — сухая на тротуарах, мокрая — в арыках. Терпеливо дожидаясь тётеньки неопределённого возраста, зато в медицинском халате неправдоподобной белизны (в качестве образца — ангельские крылья), неторопливо бредущей от приёмного покоя психбольницы к железным фигурным больничным воротам. Привёл сюда журналистский долг: пишу очерк о друге семьи, знаменитом наркологе, погибшем в проклятой Опиумной долине, а давний знакомец, кстати, и Ваш тоже, Ваше сиятельство, помнишь Владика Озерова — кудри чёрными кольцами, глаза поражали девиц подобно ракетно-зенитному комплексу, добрейший парень с открытым для любого кошельком? — хороший человек, хоть и главврач. Пообещал найти редкую книгу. Как называется? “Map against insanity”. Что?! “Шишков, прости, не знаю, как перевести”? Ах, знаешь, да, именно так — “Человек против безумия”.

Ладно, подробности визита к Вадиму вместе с ним (напрасно, значит, старый знакомец кофе с коньяком неоднократно меня потчевал) пропускаю, держу в руках заветную книгу, за которой охотился несколько месяцев, спускаюсь с выщербленных ступенек приёмного покоя и, честное слово, как-то быстро позабыв, что нахожусь всё-таки в непосредственной близости к дому скорби, прохожу метров десять и оказываюсь в больничном саду.

Ах, Максим, какая то была расчудесная осенняя прелесть!.. Сад, весь в нежно-элегическом спокойствии, любой листок, берёзовый ли, кленовый, дубовый, хоть сразу да не в гербарий, а в заветный том, тот, что вечно дремлет у Тани под подушкой. Древесные ветки-веточки словно Данила-мастер из редкостного камня выточил. Небесная синева чистейшего замеса, никаким облачным волокном не затронутая. Пора сплошного листопада ещё не пришла, однако некоторые торопыги с чуть слышным шуршанием-шевелением слабо-полётно проскальзывают сквозь ветки и в прощальном танцевальном кружении привыкают к земле.

Завидев суровое железо фигурных ворот, с некоторым недовольством замедлил шаг: вот так вот, с простой безнадежной обыденностью покинуть подобную красоту! Когда, в какие времена выберусь, чтобы в отрешённой от вечной суеты сует и всяческой суеты, в этот ли, в другой сад, прочь от автомобильного кошмара, от цепкой трясины осточертевшей

повседневной рутины? А сам впиваюсь и впиваюсь глазами в полноцветное осеннее мироздание. Набираю счастья и набираю... И, обводя глазами садовое пространство, внезапно замечаю на ближней скамейке полную женщину в чистом, правда, сильно выцветшем, видать, стираном-перестираном больничном халате, ей слегка тесноватом, в чистой же, бледно-сиреневой косынке; на ногах — потёртые кожаные тапочки, а между ними и халатом виднелись серые толстые носки грубой вязки. Всё перечисленное схватываю одним взглядом и даже не поражаюсь своему снайперскому проворству, потому что мгновенно узнаю в этой отрешённо сидящей женщине, в одиноком существе, скорее всего, навечно приписанном к больничной темнице, свою старинную знакомую, а именно Женю Теслик. Надо ли говорить, что покорная общему закону переменялась и она: нет ни румянца на поблёкших, упругость потерявших щеках, ни блеска в когда-то прелестных глазах, морщинки предательски выдают возраст... Шёл я медленно, можно сказать, шествовал важно, в спокойствии чинном, всё из-за осени, расчудесной, соблазняющей не слабее Хозяйки Медной горы. Потому-то тотчас почувствовал, как столь же мгновенно узнала меня и Женья. И во взгляде её проскользнул слабенький, почти не чувствительный испуг, что я подойду к ней. Так она этого не хотела. Не желала возврата, ничего другого не желала, как только сидеть посреди осени и дышать ею, без кого бы то ни было. Такая незащищённость... Ужас, ужас... Страшное дело. Даже сейчас: чуть ли не слёзы закапали на компьютер.

ЗТМ (как пишет сын в сценарии) — затемнение, значит. И — последний кадр, то есть, последние строки последнего письма. Да, старина Максим, то была не Женья Теслик нашей незабвенной юности, но истинно “Прекрасная Ольмиер” — создание Вийона и Родена, и она теперь наравне с прежней в моём сердце. Ведь и в твоём, не правда ли? И прав был Вадим Козин, хорошо, пусть Изабелла Юрьева: “Только раз бывают в жизни встречи!”.

Адмирал Виго

Снова выплыли годы из мрака...

Сергей Есенин

Иная внезапность способна произвести настоящее душевное потрясение. На чердаке в окраинном саду — а сам чердак венчал допотопно ветхий, непонятно по какой прихоти судьбы уцелевший, домишко моей троюродной тётушки Рофы, по паспорту Дорофеи Максимовны — всегда отыскивалось нечто неожиданное, как бы возвращающее время вспять. Правда, совершалось полезное чердачное восхождение крайне редко — раза два-три в десятилетие. Вот и нынче, не попроси Машенька, младшая племянница тёти Рофы (сама-то она давным-давно покинула сей бренный мир), отнести на чердак пару пришедших в полную непригодность, но ещё неприготовленных для очистительного осеннего пламени садовых соломенных кресел, нипочём не поднялся бы по печально поскрипывающей лестнице на благословенный чердак.

Пока кое-как искал место для свежих ссыльнопоселенцев в нагромождении многолетнего хлама, необыкновенно дорогого сердцам прежних и нынешних обитателей дома на окраине, в чердачном пространстве клубилась пыль, театрально-отстранённо подсвеченная откуда-то пробивающимися солнечными лучами. Стремясь поскорее вынырнуть из сухого

пыльного тумана, я как можно аккуратнее и безопаснее пристроил опальные кресла, стараясь не повредить ажурное соломенное плетенье — а ну как ещё придётся посидеть в одном из них за чашкой чая с ароматным вареньем из ежевики с малиной и орехами (фирменные сласти покойной тётушки Рофы). И, освободившись, возвратно пробираясь к лестнице, ненароком опёрся правой ладонью на широкую ближнюю полку. Она не оправдала моего тревожного предчувствия, что немедленно, с грохотом и пылевыми взрывами рухнет, а за нею вообще случится какой-либо непредвиденный обвал. Нет-нет, к счастью, такого афронта не случилось, полка лишь слегка накренилась. И я уже приготовился осторожно поставить ногу на верхнюю ступеньку, машинально оглянувшись на полку, с которой, слава Богу, всё обошлось.

И... похолодел, не похолодел, мурашки по спине и от бёдер вниз побежали, не побежали, однако же в изумление пришёл необычайное. Почти прямо мне в руки, потревоженная моим неосторожным прикосновением, сползла, но всё-таки удержалась толстенная книжища. Почтенный фолиант, не очень-то и растрёпанный, так, по краям тома чувствовалось, что в своё время читан-перечитан многократно. Плотная, так называемая “александрийская” бумага, конечно же, неотвратно пожелтела, стала цвета благородной слоновой кости, зато ничуть не поблёкли, не потускнели чёткие, словно бумажный лист только что сошёл с типографского станка, узкие, плотные чёрные буквы.

Название занимало чуть ли не полстраницы и заканчивалось словами, напечатанными строгим чёрным курсивом: **“Себастиана Кнейпа”**. То было энциклопедическое пособие со всеми полагающимися в самые первые годы XX-го столетия “ятями” и “ерами”, а также “фитой” и прочими старорежимными литерами, о всевозможных видах водолечения. Каким-таким образом попал многостраничный труд просвещённого швейцарского пастора в дореволюционный Верный, нельзя было узнать ни тогда, когда пишуший эти строки многие годы тому назад впервые взял в руки водолечебную хрестоматию, ни теперь, когда о том, кто некогда пожертвовал в мою пользу капитальное пасторское руководство, и вспомнить-то некому.

Итак, получено водолечебное евангелие в обмен на старые соломенные кресла, и я, в который раз (отказаться никак невозможно) вместе с Машенькой осмотрев семейные фотографические альбомы, где первые страницы отданы выцветшим, светло-рыжим снимкам, дагерротипам, кажется, или как их там, поглотив пылающий огнём и чёрным перцем, нежнейшей консистенции картофельный пирог — стародавняя гордость семейного стола, с истинно гастрономическим наслаждением запив оный крепким и сладким смородиновым чаем, выбираюсь на свободу. Конечно, уношу с собой увесистое кнейпианское творение, пропахшее древней пылью, солнцем одиночества, сосновыми досками и прошедшим столетием, хотя, по правде говоря, лучше бы ему оставаться на чердаке — целее было бы.

И тотчас как бы рядом со мной — только память, пока ещё не ослабевшая, способна на такие мистические штуки — уверенно зашагал тот, от кого и перешла ко мне старая книга, составленная, — Господи, сколько же лет тому назад почившим в мире? — достопочтенным пастором Кнейпом. Честное слово, высокий, тонкий в кости, донельзя смуглый,

со слегка вздёрнутым носом и словно простонародным, можно сказать, коренным крестьянским лицом, молодой человек, успевший расстаться с юношеским возрастом, шёл теперь для всех невидимый, бок о бок со мной, в отличие от него постаревшим и далеко не таким весёлым и беспечным, как в те “баснословные года”.

Да, кстати, по поводу крестьянского обличья... Это если взглянуть мельком, с малым, поверхностным вниманием. А вот если глаза в глаза, ни за что не примешь за пахаря, за кряжистую персону от сохи. Щёки мужественно впалые, худоба какая-то настороженная, взгляд пристальный, неспешно цепкий, с не сразу заметным прищуром, а над правой бровью, наискосок, от виска почти через весь лоб грозного вида узкий глубокий шрам, видать, давний, о чём можно судить по блестящему глянцевиному желобку, и постоянно падает на него тёмно-каштановый клоч. Волосы не густые, порядком не стриженные, к расчёске, бесспорно, издавна и решительно не благоволят.

За шрам, скорее всего, и обрёл он странно-притягательное, мгновенно, как благородное клеймо, прикипевшее к нему прозвище “адмирал Виго”. Хотя на просолённого морского волка франко-пиратских кровей и корней не походил никак. Годы, конечно, если верить великому русскому поэту, из мрака выплывают, словно “Стеньки Разина челны”, однако прошлое — это огромный замок, к некоторым залам и комнатам которого ключи, сколько ни печалься, потеряны навсегда. Вот и мне теперь не дано припомнить настоящее имя “адмирала Виго”. То ли Витя (Виктор-Виталий), то ли Дима, а может быть, и Толик. На дне всё, на дне, на дне Великого житейского океана, пластами плотного ила многое закрыто-затянуто невозвратно... Погребение на все времена... Не достанешь. И лишь порой необъяснимо-загадочно на поверхности океана возникают “обломки кораблекрушения” — имена, лица, нежность телесного тепла, ласковый, только тебе предназначенный доверчивый смех. Но “забыты наши встречи и вечер над рекой, взволнованные речи...”. Насчёт речей очень точно: ни за что не удаётся воспроизвести в сознании голоса, которые некогда во всеохватном упоении юношеского счастья заставляли почти терять рассудок. Вот и голос “адмирала Виго” не возникает, я бы даже определил, мучительно не возникает. Вот “адмиральскую” улыбку вижу, можно сказать, воочию, как “Шахтёрскую” папиросу с истинно каменноугольным, злостно-едким, серо-жёлтым дымом, долго-долго разминает в худых сильных пальцах, вижу...

А как познакомились? Да кто же это теперь, спустя столько лет, сможет припомнить. Спросил как-то, Бог весть в котором — не до конца выплывшем из мрака — году, бывшую прелестную девицу, а ныне солидную матрону, с которой некогда первокурсниками, а также временными колхозниками, босыми ногами месили навозно-соломенную жижу для изготовления саманных кирпичей, помнит ли такого. “Первый раз слышу!” — жёстко отрезала давняя прелестница. Так ведь если бы автор сих строк не был готов поклясться, что собственными, тогда ещё не окончательно близорукими глазами видел, как сидим мы все вместе, разлюбезной тёплой компанией, и она, ныне вконец беспамятная, тут же, в прокуренной от пола до потолка и от стены комнате студенческого общежития, хохочем чёрт знает над чем, зато от души и до комендантского обморока. Две бутылки из-под культового и легендарного портвейна “Три семёрки” перекатываются

под столом, а последняя, ещё не откупоренная, на которую скидывались по копейке, только что воцарилась на липкой, вдрызг истёртой и истрёпанной — до потери рисунка — клеёнке.

Да, “адмирал Виго”, особа неизвестного происхождения, как-то очень простецки, “как бы шутя, играя”, стал в студенческих кругах совершенно своим человеком. Известно, общежитская братия — голь перекатная, пуштокарманная, тем более что наше знакомство с личностью, кое-кем, правда, за глаза именуемой “человеком со шрамом”, началось во дни пулей пролетевшего августовского абитуриентского срока, а закончилось... Не торопитесь, пока не напишу, как закончилось, точки в рассказе не поставлю. Вот и кишели кишмя комнаты и коридоры университетского общежития такой разношёрстной публикой, что только тогда и довелось видеть.

“Все промелькнули перед нами, все побывали тут”.

Помню русоволосую девушку из Ташкента, к девичьей славянской внешности щёки тугие, румянец умопомрачительный, “кровь с молоком”, просто не в сказке сказать, ни пером описать да и только, брови соколиные, толстые косы до пояса, так великолепно подошла золототканая по лазурному бархату тюбетейка. Помню богатыря, хоть сейчас в младшие братья Ильи Муромца, в похрустывающей, свежестираной гимнастёрке, в сочно поскрипывающих сапогах. Что вот такому широкоплечему здоровяку, скуластому и синеглазому сибирскому парню с пудовыми кулаками и стальной шеей штангиста-чемпиона, нужно на филологическом факультете? “Что он Гекубе, что ему Гекуба?”. К слову, позволю себе напомнить, ведь всё равно не знаете, Гекуба — мать Гектора. Он убил Патрокла, друга Ахилла. На глазах Гекубы Ахилл отомстил за смерть Патрокла.

Строчка о Гекубе (кстати, она шекспировской работы) как нельзя точнее подходила к нашему “адмиралу”. Выше я произнёс нечто о голи перекатной, без гроша за душой. Так вот, как-то так оказывалось, что хлопали по карманам, зажав зубами приготовленные сигареты многие, но спички находились только у “адмирала Виго”, как и очень ко времени принесённая ржаная буханка, обёрнутая свежей газетой. И трёшкой — без отдачи — всегда мог ссудить, и тот же “трёхсемёрочный” портвейн из “широких штанин дубликатом бесценного груза” мог своевременно и очень к месту достать.

И всё же всё это ерунда, суета сует и всяческая суета. От “адмирала” явственно исходило тепло прочного земного бытия. Всё обретало некую необходимую, радующую сердце, успокоительную тяжеловесность. Всё обретало подлинность, несомненность: необычайно ароматный под вечер шашлычный дымок в блаженной, почти что бессмертной длительности нескончаемого осеннего дня, лебеди, царственно, бестревожно и беззащитно, плавающие в пруду, где кончики тёмно-зелёных ветвей окунулись в воду, да так там и остались, окружённые палой листвой, разные люди, многоликий, неумолчный, весёлый и печальный, трезвый и пьяный, человеческий мир.

Когда мы встречались в общежитии, мне казалось, что “адмирал” как-то отличает меня, и непонятная гордость, чуть ли не самодовольство счастливо-смутительно теснили моё сердце, и я с трепетным восторгом охотно становился “адмиральской” тенью. И ни разу он, вообще-то суровый скромник, ни словом, ни взглядом не намекнул на некое его превосходство, а я-то готов был такое признать тотчас и навсегда. Да, вот что — мы это обстоятельство чуть позже припомним: “адмирал” как-то деликатно,

необидно, по-английски, не прощаясь, исчезал. Он весьма заметно появлялся, негромко, однако же как-то аристократически-картинно здоровался. Без какой бы то ни было небрежности. А вот исчезал, как будто отступал к стене и эта самая стена принимала его в каменное своё невозвратное пространство. Одним словом, никто (это, значит, ваш покорный слуга) никогда не видел его уходящим, покидающим наши сборища.

Один только раз “адмирал” — наверное, и сам того не имея в предмете — стал слишком заметным. Вот именно почтенный пастор Кнейп, проповедник и патриот здорового образа жизни, тому происшествию нечаянный виновник. Каким образом, по какому случаю водолечебный том попал в “адмиральские руки”, не знаю. Именно “адмирал Виго” приволок его в общежитие. Поступок, ему не свойственный совершенно. Абсолютно не в его сурово-сдержанном стиле. А впрочем, кто его знает, какие стороны характера нашего “адмирала” остались то ли неизвестными, то ли не состоявшимися, зато вполне возможными.

Так или иначе, общежитие из-за этого самого дореволюционного пастора пережило краткий, зато весьма бурный период водолечебного помешательства. Холодной водой обливались утром и вечером, в полдень и в полночь, разве что “в ванну со льдом”, как Евгений Онегин, не садились, зато босиком по траве неподалёку расположенного Соснового парка бродили косяками. И обтирали себя попеременно холодными и горячими, лишь слегка отжатыми полотенцами, и в мокрые простыни заворачивались, и через нос воду пили, и горло полоскали, и ледяным крошевом натирались до крови... И всё по часам, и всё аккуратно и неотступно. О таких пламенных приверженцах всепригодного, на все случаи жизни, пасторского водолечения старина Себастьян и мечтать не мечтал.

Потом случились те самые подневольные “саманные каникулы”, по колено в соломе, навозе и тепловатой воде из ближайшего, пропахшего тиной, лягушками и черепахой Тортиллой пруда. И вот я, возвратившийся в целости-сохранности из пригородного колхоза, но, может быть, и совхоза, с занемевшим задом от двухчасового сиденья на твёрдой, как эшафот, деревянной скамейке кинотеатра имени самой главной революции, напевая на пределе фальши и отсутствия голоса до невозможности соблазнительную латиноамериканскую песенку, только что прозвучавшую с экрана в исполнении несравненной, божественной и недостижимой Лолиты Торрес, в беспредельном изумлении вижу впереди себя, не веря глазам своим, одинокую и тем не менее до боли знакомую фигуру. “Адмирал Виго”!.. Собственной персоной!..

И вот мы уже сидим совсем неподалёку от кинотеатра “Октябрь”, сидим на краю арыка, упёршись стоптанными, одинаковой выделки сандалиями в противоположный арычный край, предвкушаем, как сейчас встанем и, как лермонтовский путник, неудержимо топавший на “голос невидимой пери”, пойдём на нестерпимо влекущий запах шашлыка, а к нему тяжёлая кружка толстого стекла, а в кружке пенится-плещется чудесный мужской напиток — свежее, холодное, совершенно во вкусе швейцарского пастора, жигулёвское пиво. Совсем недавно, пока в кинотеатре мне кружила голову прелестная латиноамериканская певунья, пробрызнул кратковременный, позднесентябрьский дождичек, всё в мире во власти истинно среднеазиатского томно-пленительного, сладостно-медлительного до волшебной приторности запаха.

“Адмирал Виго”, в которого я сейчас влюблён до глубины души, как в обожаемого “до печёнок” старшего брата, нежнейшими прикосновениями покручивает табачную часть короткой и толстой папиросы. Кажется, что она сама вращается в его аристократически-тонких, артистически-изящных пальцах, чуть-чуть пожелтевших. За тополями — они высокой, также с малозаметной коричневой желтизной, стеной поднялись неподалёку — начинается и длится закат. О чём говорим, да и говорим ли, не помню, не знаю, и знать не желаю. И разве сейчас я дышу воздухом, осенью, свободой, близостью необыкновенного, не очень-то и примечательного человека. Совсем-совсем простого и почему-то такого необходимого. Я жизнью дышу, я вдыхаю бытие. Я чувствую себя полноправной и полноценной частью человечества. Что поделаешь? Вот такие вот высокие слова. Но ведь и чувства — высокие.

Закат, немолчный шум непрерывно бегущей арычной воды, истинно философский, как бы в спокойной, не ведающей ни конца, ни начала, вечности протекающий вечер. Папироса время от времени гаснет, истает горький дымок, всё сильнее запах горной влаги, осенних листьев, всё меньше и бледнее красные пятна в тополёвых просветах. Мы — на пороге ночи. Она приближается, спешит, не дождавшись, пока солнце окончательно скроется за линией горизонта. “Адмирал Виго” встаёт, невнятно что-то проборматывает, слов не разберёшь, но понимаю, что вот сейчас смотается за куревом и вернётся. На душе у меня совсем легко; мы с “адмиралом” связаны какой-то драгоценной душевной цепью, это доверие, эта мужская близость погружают меня всего в великое тепло. Зачарованно смотрю, как твёрдой походкой, слегка сутулясь, на миг обернувшись, и от этого движения светло-каштановая прядь слегка качнулась, открыв напоследок всё тот же грубый, глянцевито поблёскивающий шрам, всё дальше уходит “адмирал Виго”.

Совсем скоро, несмотря на то что шёл он, как при замедленной съёмке, “адмирал” зашёл за границу тополёвой стены, я перестал его видеть, а слышать перестал ещё раньше. Шум воды стал слышнее, запах шашлыка напомнил, что желанное наслаждение ещё впереди. Я повёл глазами по сторонам и внезапно обнаружил, что рядом с тем самым местом, где только что пребывал “адмирал Виго”, лежит толстая книга. Знакомый водолечебный том авторства неугомонно-бескорыстного старины Кнейпа. Не знаю почему, но сразу понял: наитие снизошло, что ли, — любимый “адмирал Виго” отправился в невозвратное плавание по волнам Великого житейского океана. Он не собирался возвращаться, покинул место действия, как много раз исчезал в кипящей невероятным многолюдством общежитской кутерьме. Исчезал, но рано или поздно возвращался. И вот впервые довелось воочию наблюдать уход “адмирала Виго”.

Но сейчас такого возвращения не предвиделось. Зачем он не расстался со мною сразу, на кой чёрт мне Себастьян Кнейп со всеми его разнообразными водными процедурами, свидимся ли мы, и что за неприкаянная судьба у “человека со шрамом”? Ах, вопросы, вопросы... Безответные, нескончаемые...

Совсем стемнело. Повяло ночной, серьёзной прохладой. Около часа, наверное, прошло. Не было ни горечи, ни сожаления. Потому, скорее всего, что очень быстро осознал, что “адмирал Виго” безболезненно и беспечально отошёл в прошлое. Как-то странно и явственно возмужавший,

прижимая к похолодевшей рубашке перешедшее по наследству пасторское руководство, отправился я в домашние пределы. Дорога лежала через парк, мимо танцплощадки, где под лихой фокстротный ритм или томно-ритмическое, с элегическими взлётами и падениями, иноземное танго, били каблуками в дощатый пол танцоры и танцорки. Под круглыми жестяными колпаками тускло светили скупые лампочки, великовозрастные юноши набирались алкоголя и бесстыдной наглости, девушки, грубо ругаясь, отталкивали жадно прилипающих к ним парней, табачный дым свирепо обволакивал всё и вся. Потом заварилась — с визгом, отчаянными девичьими криками и мужской матерной бранью — безобразная драка, пролилась кровь, затрещали разрываемые рубахи, залился пронзительной и долгой, захлёбывающейся трелью беспардонный милицкий свисток. Отвернулся бы старина Кнейп от всего этого непотребства и махнул бы рукою. Какие при таком бесчеловечном раскладе обтирания-обливания, какие прогулки босиком по мокрой утренней траве, какие, к чёртовой матери, “ванны со льдом”?!

Так вот что таилось на чердаке дома покойной тётушки Рофы, мир её праху, светлая память её чистой душе!.. Вот что выплыло из мрака... Несколько дней, отложив все нужные, а по большей части, совершенно ненужные дела, перелистывал я водолечебное “Евангелие от Себастьяна”. Господи, сколько же всего разного вспомнилось! Этот рассказ вместил лишь очень малую часть. Но всё-таки хоть несколько необходимых слов об “адмирале Виго” здесь сказано. Много лет, время от времени, в моей памяти, как бы наяву, появлялось смуглое, с впалыми щеками лицо, виделась узкая ложбинка давно зажившего и навсегда оставшегося на лбу глянцевого шрама. Оно возвращалось, требовательно и безмолвно о чём-то вопрошало.

“Дорогой “адмирал Виго”! Эти несколько внезапно возникших страниц посвящены твоей славной памяти. Жив ты или отошёл, как всем нам рано или поздно суждено, в мир иной, неведомо мне. Да это и всё равно. Скажу только, что этот давний-давний, словно и не бывший никогда, вечер порой странным образом возвращается в моей памяти. Непонятно по какой причине, возвращаешься и ты, аристократически-простонародно немногословный, с медленной, согревающей все встречные сердца улыбкой. Но почему именно ты, почему именно тот лишь однажды случившийся, неповторимый вечер, не знаю. Не знал и тогда, сразу после твоего исчезновения. Прими же мою признательность, не высказать которую было невозможно. А теперь так легко стало на душе, словно мы вновь в комнате студенческого общежития или — ещё лучше, ещё возвышеннее — на берегу городского арыка, когда судьба столь беззаботно и единственный раз в жизни пахнет осенними листьями и горячим саксаульным дымом”.

А подробно-наставительное водолечебное руководство великого энтузиаста здорового образа жизни, швейцарского пастора Себастьяна Кнейпа вернулось на своё место долговременного и неизвестного пребывания. Выплывет ли оно вновь из пыльного чердачного ночного мрака и дневного полумрака, и если выплывет, какие воспоминания вызовет из небытия, Бог весть...

г.Алматы.

Артём ТЕРЁХИН

“Я пока ещё только искатель...”

Когда она ушла

Когда она ушла, её запах ещё витал в воздухе, обволакивая собой всё живое и неживое... Я сидел в кресле перед окном и курил одну сигарету за другой... На потолке замерли тени деревьев, часы равномерно отсчитывали секунды, телефон молчал... Я, правда, верил, что она позвонит... Я представлял, как она идёт к себе домой... Вот она сворачивает за угол перед бакалеей, проходит мимо парка, садится на лавочку и начинает плакать... Потом дрожащими пальцами достаёт из сумочки телефон, начинает писать мне сообщение, сперва не зная как начать, а начав, стирает каждое написанное слово... Потом удаляет всё сообщение, убирает телефон, берёт телефон снова, набирает мой номер, сбрасывает, не дождавшись соединения, бросает телефон в сумочку, встаёт с лавочки и идёт домой... Дома достаёт из холодильника шампанское, которое мы не допили на день Святого Валентина, наливает его в бокал... Нет... Пьёт прямо из бутылки, включает компьютер... А там, на рабочем столе, наша фотография... Она обязательно заменит её каким-нибудь идиотским пейзажем или ещё чем-нибудь... Потом включит грустную песню и, проплакав весь первый куплет с припевом, всё-таки позвонит... Но телефон молчал... Час... Два... Три... За это время можно было посидеть на пятидесяти лавочках и написать смс-роман... Но телефон молчал... Я правда верил, что она позвонит... Но она не позвонила и ни через час, ни через день, ни через неделю... Через друзей я узнавал, что у неё всё в порядке, что она начала встречаться с каким-то парнем, который заезжает за ней на дорогой машине... И я всё ещё верил, что она позвонит... Первое время я хотел отомстить ей, к примеру, покончить с собой и в предсмертной записке написать, что в этом виновата только она... Потом хотел убить её и себя, потом её и её парня, потом только парня или только её... После я решил сделать всё для того, чтобы она поняла, какая она дура... Начал ходить в спортивный зал, знакомиться с девушками и гулять с ними

**Артём
Владимирович
ТЕРЁХИН**

родился 6 января 1984 года в Целинограде. В восемь лет сыграл свою первую детскую роль в спектакле “Кровавая свадьба” Гарсиа Лорка в русском драматическом театре имени М. Горького. В 14 лет был принят в труппу театра во вспомогательный состав.

В 2006 году окончил Казахскую национальную академию музыки г. Астаны по специальности “актёр театра и кино”. В том же году поступил в ГИТИС г. Москвы — курс Романа Виктюка на режиссёрский факультет. В январе 2011 года поставил свой первый спектакль по пьесе Мартина МакДонаха “Калека с острова Инишмаан” в г. Красноярске. Является лауреатом международных бардовских фестивалей в г. Астане, Омске, Москве.

В “Ниве” публикуется впервые.

под её окнами... Потом я хотел стать ветром, чтобы ласкать её волосы, солнцем, чтобы она улыбалась, глядя на меня, цветком, чтобы она любовалась моей красотой, щенком той-терьера, чтобы при виде меня она говорила “ути Господи”, я был готов быть кем или чем угодно, лишь бы иметь право на её внимание... И всё ещё верил, что она позвонит... Я любил её и ненавидел одновременно... Сидел вечерами в кресле перед окном, курил одну сигарету за другой и то любил, то ненавидел... Потом я выбросил все вещи, которые напоминали мне о ней, а так как о ней мне напоминало почти всё, я выбросил всё что было в доме, от телевизора до зубочисток... Диван, кресло... Всё... Просто отнёс всё это к мусорным бакам... Ушёл со старой работы, устроился на новую, потом ещё на одну, постепенно покупал новую мебель, но всё ещё ждал, что она позвонит... Смена мебели помогла, но ненадолго... Стены, балкон, потолок — всё это напоминало о ней, я сперва переехал в другую квартиру, но потом понял, что весь этот город напоминает мне о ней... И тогда я решил сменить город... Я уехал за две тысячи километров, сменил профессию, имидж, друзей, и всё равно ждал, что она позвонит... И она позвонила... Через шесть лет после того как ушла... Я сразу узнал её голос... Она говорила спокойно, немного виновато, а ещё так, как будто мы расстались только что... Будто не было этих шести лет, а она только что вышла из моей квартиры, повернула за угол перед бакалеей, прошла мимо парка, села на лавочку, достала телефон и, после неудачной попытки написать мне, решила всё-таки позвонить... И я снова оказался в кресле напротив окна, её запах обволакивал собой всё живое и неживое, на потолке замерли тени деревьев, часы равномерно отсчитывали секунды, я сидел и слушал её голос...

Когда она опять ушла... Я стоял напротив окна, курил, на потолке замерли тени деревьев, часы равномерно отсчитывали секунды, телефон молчал...

Искатель

*Вновь танцует змеиный свой танец
Моей жизни изогнутый путь.
Я как прежде, уставший скиталец,
Не успевший к чему-то примкнуть.*

*Не актёр, не поэт, не писатель,
Не философ и не музыкант.
Я пока ещё только искатель
Той земли, где зарыт мой талант.*

*Укажите заветное место,
Обведите на карте его,
Я найду, коль оно вам известно,
Не жалея в себе ничего.*

*Я найду, и я буду спокоен
На каких-нибудь десять недель,
А затем снова в путь, снова к бою,
К покорению новых земель.*

Зилову

*И снова память в танце закружила,
И всё смелее новый поворот.
Не то улыбка слёзы обнажила,
Не то слеза мне искривила рот.*

*И все мои тогдашние друзья,
От колобка до плюшевого мишки,
Глядят с тоской на нового меня,
Пытаясь разглядеть во мне мальчишку.*

*А я... Что я? Смешная борода,
Потрёпанный пиджак, улыбка клоуна,
И волосы, как шумная вода,
По голове разбрасывают волны.*

*И я насквозь пропитан табаком
Как старая, пошарпанная урна.
Мне нравится казаться дураком
Пред теми, кому хочется быть умным.*

*Мне нравится смеяться и шутить,
Когда в душе взрываются гранаты.
И я могу внезапно бросить пить
В тот самый день, когда напиться надо.*

*Мне нравится грустить по пустякам,
Смотреть на то, как ветер листья кружит,
И как луна шагает по волнам
Обычной, городской, осенней лужи.*

*Мне нравится грустить по пустякам.
Напиться в одиночку на бульваре
Или плясать по дорогим столам,
В каком-нибудь мажорном ресторане.*

*Мне нравится влюбляться и любить,
Пусть бессмысленно, наивно, безответно,
Чтоб уши опустив, потом бродить
По всей Москве, по направлению ветра.*

*Мне нравится тогда, когда нельзя,
Но только вот игрушечные звери
Глядят с тоской на нового меня,
И словно бы в меня уже не верят.*

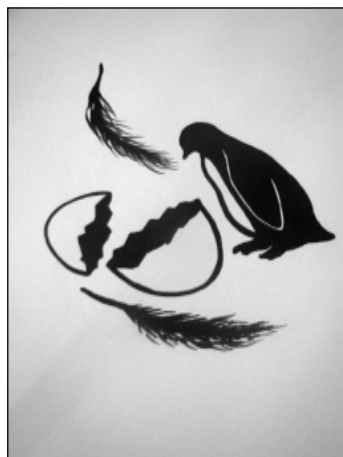

Бабочки

- А бабочки сходят с ума?
- Не знаю...
- А сверчки?
- Да откуда ж мне знать...
- А гусеницы?
- Гусеницы — это те же бабочки...
- Ты что?!! Ты бабочек видел?
- Видел...
- А гусениц? Где же они те же? Может, ты ещё скажешь, что сверчок тоже бабочка?
- Ты знаешь как бабочка становится бабочкой?
- Конечно — бабочка рождается из цветка...
- Из какого ещё цветка?
- Из любого... Главное чтобы этот цветок был красивым... С него падают лепестки и превращаются в бабочек... А как ты ещё объяснишь, что они такие красивые и летают только летом, и, как правило, там, где есть цветы? Потому что цветы — их родители, и они не улетают от них далеко... А потом, когда они становятся взрослыми бабочками, они тоже превращаются в цветы... И так постоянно... Так что если бы ты сказал, что цветок и бабочка это то же самое, то я бы поверила, а цветок и гусеница — это глупо...
- Это не глупо, это жизненно... а вот у тебя глупо... Хотя и красиво, но всё равно глупо...
- Ну и пусть, зато у меня бабочки не ползают по земле, у моих бабочек жизнь с самого начала красивая...
- Но таких бабочек нет, каждый сумасшедший в этом доме знает, что бабочки — это гусеницы, которые вырезают себе крылья из цветов в течение восемнадцати дней, а потом взлетают, но так как они плохо умеют летать, они живут только один день... Спроси у кого хочешь...
- Ну и пусть... А вот если бы ты был бабочкой, кем бы ты хотел быть? Цветковой бабочкой или гусеничной бабочкой?
- Цветковой, конечно...
- А вот и фигушки... Сначала для этого тебе бы надо было стать женщиной...
- Это ещё почему?
- Бабочка — женского рода... Ты когда-нибудь слышал, чтобы бабочка была мужского рода? Слышал, чтобы её называли бабочк?
- Нет, тогда я совсем не хочу быть бабочкой... Лучше тогда я буду сверчком...
- Сверчком быть неинтересно...
- А кем интересно?
- Страусом...
- Почему страусом?
- Потому что они когда вылупляются, то сразу улетают в тёплые края...
- Но ведь страусы не умеют летать!
- Всё они умеют, они просто назад возвращаться не хотят, вот и прикидываются...
- А пингины?
- Что пингины?

— Они тоже умеют летать?
— Нет, они не умеют, потому что у них ноги к земле примерзают..
— Почему всё так несправедливо? Одни рождаются — и улетают на юг, другие рождаются — и примерзают к северу?
— Потому что одни верят в цветковых бабочек, а другие в гусеничных..
— Но я-то теперь тоже верю в цветковых бабочек..
— Тогда полетели на юг..
— Но я же ещё не стал страусом..
— Раз веришь в цветковых бабочек — значит стал..
— Тогда полетели..

Лабиринт

Время не имеет значения для человека, знающего дорогу к выходу из лабиринта. Шаг за шагом он будет идти по узким коридорам. Медленно, но верно. Самое страшное в лабиринте не его запутанные дороги, а отчаяние, к которому они приводят. С каждым новым тупиком человек всё больше и больше поддаётся панике. И вот он садится на землю, обхватывает голову руками и начинает рыдать, как маленький ребёнок, которого закрыли в тёмной кладовке. А потом он вскакивает, и словно одержимый бежит из тупика в тупик, запутываясь ещё больше. Теперь он совершенно не различает: где он ещё не был, а где уже был, и возможно, не раз. И очень скоро он теряет всякую надежду. Он считает, что выхода нет вообще, и с

этой самой секунды, как эта мысль закралась в его пульсирующий мозг, все входы и выходы действительно исчезают. В этом суть лабиринта...

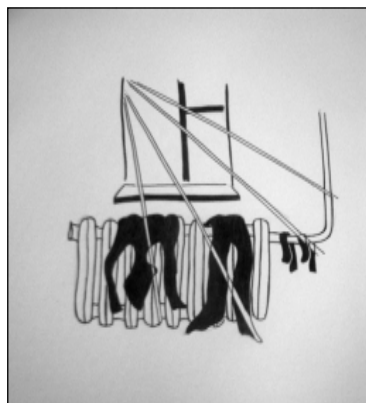
Но для того, кто знает, что выход точно есть, для кого запах свободы, как белая нитка, ведущая к огромным воротам с зелёной надписью "exit", для него каждый очередной тупик лишь повод для новой улыбки. Потому что тот, кто знает где выход, не торопится его найти, ибо, выйдя из лабиринта, он никогда не вернётся в него обратно.

Комната

Моя новая комната наконец-то оживает.. Неделью назад это была холодная, и по температуре, и по цвету, четырёхугольная конура, посреди которой стоял голый диван, в углу теснился пустой и седой от пыли шкаф, и всё это отражалось в ледяном и равнодушном зрачке окна... Теперь всё немного иначе... Теперь уж я не чувствую себя совсем чужим, когда вхожу в неё... К небрежно застеленному дивану присоседился маленький круглый столик, на котором уже успели появиться коричневые круги от кофейной чашки, они, словно печати, свидетельствуют о моём присутствии... В шкафу на открытых

полках, где обычно стоят статуэтки и разные сервизы, гордо расположились сахар, заварка и фарфоровая кружка с отколотой ручкой, в которой, как в сказочном сундучке, хранятся записки с желаниями... В дальнем углу комнаты, изящно прислонившись к стене, стоит гитара, на дверной вешалке — старая осенняя куртка, на окнах появился прозрачный, но всё-таки защищающий от внешнего мира тюль... На некогда грязной и как мне казалось раньше холодной батарее, спящими куклами сушатся вещи... Моя новая комната наконец-то стала оживать... И я словно оживаю вместе с ней... Странно осознавать, что через какое-то время ей снова придётся погрузиться в сон в ожидании нового хозяина, точно так же, как мне придётся погрузиться в заботы о поисках нового жилья... И я лишь изредка буду вспоминать о том, как моя (когда-то новая) комната постепенно оживала...

Она

*Мне в отражении оконном
Явилась музыкой она.
Я полу-пьяный, полу-сонный
От полу-сладкого вина.*

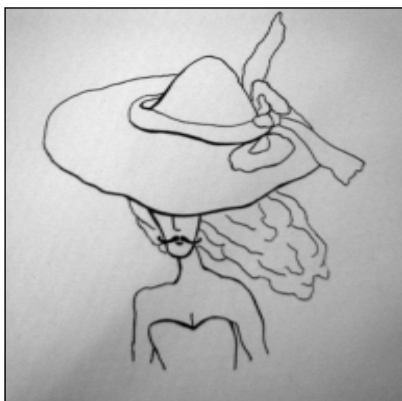
*Вдохнул чудесные аккорды
И, подпевая в унисон,
Полу-сражённый, полу-гордый,
Шагнул в её безумный сон.*

Образ

Возвращение к старому, которое было так давно, что стало уже неправдой или не было вовсе... Уже не важно... Был ли я женат двадцать лет назад или играл в игрушки, для истории не имеет никакого значения... Моя история живёт своей, особенной жизнью... Я узнаю её от посторонних людей или из жёлтой прессы... Меня разбирают и классифицируют... Обо мне спорят и не приходят к общему выводу... Для одних я плюс, для других минус, а для третьих меня вообще нет... Для одних я некий миф, переходящий из поколения в поколение, для других предсказание, которое только должно сбыться... Кто-то, где-нибудь в Праге, за утренним кофе, говорит, что видел меня у цветочной лавки, а кто-то, в это же самое время, говорит, что я был в Москве на Тверском бульваре, гулял с какой-то дамой, явно актрисой или писательницей, и гладил её по правой руке... По одной версии у меня шесть собак, девять кошек и черепашка, по другой — у меня аллергия на животных... Но самое серьёзное расхождение взглядов связано с моим полом... Многие считают, что я мужчина, и наверняка остальные бы считали так же, если бы не статья в одном из журналов, к которой прилагалась фотография, на которой был изображён некто (видимо, я), с длинными белыми волосами и грудью четвертого размера. А в статье были указаны факты, что я по определению не

могу быть мужчиной, так как я всё-таки женщина... Для убедительности были приведены показания так называемых свидетелей, которые тоже говорили, что я женщина... Самое важное в этом, что никто из них не ошибается... Я действительно плюс и минус, которого никогда не существовало, бывающий в Праге у цветочных магазинов и гуляющий в Москве по Тверскому бульвару с актрисой или писательницей, а возможно с обеими сразу, которую (или которых) я гладил по правой руке (или рукам), у меня шесть собак, девять кошек и черепашка, несмотря на аллергию, я и мужчина с длинными белыми волосами и четвёртым размером груди... Я становлюсь всем, что обо мне говорят, так как я плюс и минус, которого никогда не существовало... Ибо я возвращение к старому, которое было так давно, что стало уже неправдой или не было вовсе... Уже не важно.

Музыка

Я сплю... Ты спишь... Он спит... На этом полушарии планеты спят почти все, потому что темно... А на другом не спят, но это сейчас не важно. Потому что ты спишь, и ты совсем ни о чём не думаешь... Тебя волнуют пегасы, летящие над водой... Ты не думаешь о них, но они тебя волнуют... Высокие башни из белого камня и чёрной смолы... И музыка... Тебя волнует музыка... Потому что ты сам и есть музыка, облетающая всю планету, задевающая всех — и спящих, и не спящих... Спящие, услышав твой мотив, начинают подыгрывать тебе... Не спящие могут только слушать... Именно поэтому ты не думаешь о них, ведь это они должны думать о тебе, потому что они не спят... Когда они уснут и тоже превратятся в музыку, тогда ты будешь думать о них... А сейчас

твое время... Сейчас ты издаёшь эти еле уловимые вибрации, которые они (не спящие) и называют музыкой... Ты представляешь собой инструмент в огромном мировом оркестре спящих, самом великом оркестре из существующих на Земле, а значит, ты и есть оркестр, и те не спящие, услышав эту музыку, будут на мгновение останавливаться и прислушиваться, а начав движение, эта музыка будет с ними до тех пор, пока они не уснут, чтобы подхватить этот мотив длиною в вечность...

Относительность

Жизнь штука относительная, поскольку нет в ней ничего конкретного и никто из присутствующих не может точно ответить на вопрос, что такое жизнь и есть ли она вообще. И только смерть делает человека реальным, ибо если он умер, значит он жил... Но и смерть штука относительная, потому как многие считают, что смерть — это лишь переход к

новой, или наоборот, к старой жизни, а другие немногие считают, что это уродливая старушка с окровавленной косой, которая, как маньяк Мэнсон, ходит по подворотням и ищет себе жертву... И никто из присутствующих точно не скажет, что такое смерть, ибо если бы он мог ответить, значит он сам был бы мёртв, а мёртвые, как известно, не отвечают на такие вопросы... И лишь камни придадут смерти смысл, ибо мы, ещё не познавшие смерти, а значит не убившиеся в том, что мы реальны, потому как про нас ещё нельзя сказать, что он умер, а значит жил, высекаем из этих камней памятники, для того чтобы окончательно утвердиться в том, что их жизнь была реальна, ибо нет ничего реальнее, чем камень... Но и камни штука относительная, потому как бывают разные камни: чёрные, белые, камни, которыми можно пускать "лягушек" по воде, и камни, которыми нельзя, есть камни благородные, и такие камни, как щебёнка, полезные камни и камни бесполезные... Можно бесконечно перечислять, какие камни бывают, но суть сейчас не в этом, ибо только камень не нуждается в смерти, потому как любой камень точно знает, что он реален... Но и реальность тоже относительна, ибо никто из здесь присутствующих и не присутствующих, ни камни, ни мёртвые, ни живые, ни реальные и нереальные, никто не сможет точно сказать, что такое реальность, и даже тот, кто скажет, что реальность — это то, что мы видим, и тот, кто скажет, что это то, во что верим, и тот, кто просто промолчит — никто из них точно не будет уверен в том, что реальность это именно что-то одно, и только Бог делает реальность реальностью... Но и Бог для нас тоже понятие относительное, у каждого свой, и при этом у большинства Он един, для кого-то Он создатель всего живого и неживого, реального и нереального, а для кого-то копилка с желаниями, но при этом мы все утверждаем, что Он реален, хотя понятия не имеем, что такое на самом деле реальность, а если бы имели, то сказали бы, что Бог не реален, ибо если бы Бог был реален, значит Он бы подчинялся законам реального. А всем известно, что не Он, а реальность подчиняется законам Божьим, отсюда следует, что Он не реален... Но если послушать того, кто скажет, что реальность это то, во что мы верим, значит Бог реален, и жизнь реальна, и смерть. И камни, и реальность реальна. Всё реально кроме нас, потому что в себя мы верим меньше всего...

Шарики

По небу плывёт много белых-белых шариков...

"Это души", — подумал Саша...

"Где-то карнавал", — подумала Юлия...

"Это маленькие облака летят на юг", — подумал Пётр Иванович Моро-сейко, но прогнал от себя эту мысль, потому что он был здравомыслящим человеком...

"О! Белые шарики... — подумал Николай, — к дождю"...

“Какой крупный снег”, — подумала Настя, но решила не произносить это вслух, чтобы не показаться душой...

“Это души”, — подумал Кирилл, потом подумал, что Саша подумал то же самое, и решил, что это не души...

“Хочу быть одним из них”, — подумал Серёжа и полетел...

“Хочу как Серёжа”, — подумал Кирилл и залаял...

“Замуж бы поскорее”, — подумал почему-то Василий, потом понял, что это чья-то чужая мысль случайно залетела в его голову...

“Не хочу быть одним из них”, — подумал Серёжа и закурил...

“Нет, всё-таки это души”, — подумал Кирилл...

Страна, в которой каждый мог делать всё

Чем старше я становлюсь, тем беспомощней мои фантазии... Теперь я точно знаю, что мне никогда не погулять босиком по луне... Знаю, что нет никакого Деда Мороза и что гроза — это всего лишь грохот электрического разряда, а не грозный голос Бога... Я не помню, когда именно я перестал во всё это верить... Но знаю одно: сейчас, когда я начинаю фантазировать, мои мысли не выходят дальше моего знания элементарных законов физики и довольно скудного личного опыта... Теперь я мечтаю о полётах над Средиземным морем на личном самолёте, соответственно для этого мне нужны деньги, значит и о них я мечтаю тоже... Казалось бы, что плохого?

Просто раньше я мечтал о том, как когда-нибудь найду чудесную страну, в которой каждый может делать всё, что он захочет... Тогда эта страна существовала реально, потому что я верил в неё... И я точно знал, что и где там находилось... Названия у неё не было, потому как каждый называл её

как хотел... В центре столицы этой страны ярким золотым пятном возвышалась статуя женщины, которая была очень похожа на мою маму, она всем своим видом олицетворяла любовь и строгость... Улицы столицы были покрыты крупной каменной мозаикой, с крыш домов малиновым вареньем стекала розово-красная черепица... В городах поменьше всё было почти так же, только дома там были маленькие и уютные, и на каждой улице такого города пахло зефиром и яблочными пирогами... Все, кто жил в этой стране, спали только на крышах, потому что ночью небо было особенно сказочным... Звёзды собирались в созвездия и танцевали под музыку

ветра свои таинственные танцы... На краю одного из городов был огромный батут, прыгая на котором можно было долететь до луны... А с луны открывался великолепный вид на страну, в которой каждый может делать всё, что он захочет... Она была огромной... Но чем старше я становился, тем меньше делалась эта страна... Теперь она превратилась в маленькую точку, которая, как последняя звезда в утреннем небе, лишь напоминает о том, что существует Млечный путь...

Спор

Желаемое и действительное, пересекаясь в тонкий луч света, направленный в тебя, бьёт безостановочным фонтаном сквозь все принципы и ошибочные мнения о том, что этого не может быть... Жизнь удалась, но она коротка... Я часть истории, но она не вечна, я идеал, но я не совершенен... Это самый удачный момент взять дорогое вино. Зажечь свечи, посмотреть вверх, сказав при этом с упреком: "Ну что? Кто победил?" — и пустить себе пулю в лоб... Только потом ты поймёшь, что прав не ты... Ты проиграл с самого начала, с того момента, когда вступил в этот спор... А всё потому, что твоя душа, или что там, в какой-то момент заметалась и начала

по-детски хныкать и просить чего-то большего... И ты, послушавшись, как неопытный родитель, начал потакать... И вот дорогое вино, свечи, и смертельно холодное дуло пистолета, который тебе подарили друзья для самообороны... Вот ты и самообороняешься от самого себя, от капризной субстанции, которая, вышедши из-под контроля, как Эдип, претендует теперь на тебя... Но ты-то настолько привык считать себя свободным, что даже собственные желания стали тебе помехой... Плач и смейся, Нарцисс, ибо оставил ты после себя потомков, ибо любой, кто жаждет большего, обречён на успех, а добившись, бьёт себя по груди кулаком перед зеркалом, глядя в своё шатающееся отражение и доказывает ему (жаждущему иного), что ты достиг всего и желать больше нечего... И вот вино, свечи и адски чёрное дуло... И те, кто останутся, будут недоуменно колотить пальцами по клавиатуре о том, что ты на пике славы САМ оборвал... О тебе будут слагать легенды и говорить, что этого не может быть, тебя убило правительство или застрелили враги... Но тебе уже всё равно, ты сидишь в тёмном прохладном месте и миллион раз отвечаешь сам себе на один и тот же вопрос: "Зачем?"... И ты не ответишь... Потому что ты проиграл с самого начала, когда начал этот спор...

Письмо.

Взрослая недоСказка

Вчера утром в дверь моего дома постучали... Я не открывал, потому как если бы это были друзья, они бы предварительно позвонили по телефону, зная, что я не люблю незваных гостей, а раз звонка не было, значит и открывать было не обязательно... Но того, кто стоял за дверью, такой расклад, видимо, не устраивал... Сперва стук был монотонный и редкий, затем он начал приобретать агрессивные ноты и участился приблизительно до двух, а то и трёх ударов в секунду... Через какое-то время мне стало казаться, что в мою дверь вколачивают гвозди, я бы даже поверил в это, если бы не один весомый нюанс — у меня была железная дверь, и вбить в неё гвозди было бы довольно-таки сложно...

Я уже хотел было спросить, кто там? Как вдруг стук резко затих... Я настолько успел привыкнуть к нему за последние десять минут, что мне уже его не хватало... Окна моей спальни как раз смотрели во двор и можно было увидеть всех, кто выходит из подъезда... Так как моё любопытство победило все законы конспирации, я высунулся в одно из окон, чтобы посмотреть на столь настойчивого гостя... Но стоило мне приоткрыть оконную раму, как передо мной возникла фигура человека... От неожиданности и испуга я поздоровался и закрыл окно... Молодой человек учтиво поклонился и начал показывать мне жестами, чтобы я его впустил... Я послушно выполнил его просьбу, и он вошёл...

— Прошу прощения за столь странный визит.. Я напугал вас?

— Немного... Не каждый день в мою квартиру заходят через окно, учитывая, что у меня пятый этаж...

— Я бы с большой радостью вошёл через дверь, но вы не открывали... Но это пустяки... Я понимаю, время сейчас такое, что хочется укрыться в своей каменной крепости и никого в неё не впускать... Я в свою очередь прошу прощения, что нарушил ваш покой, но дело моё столь важно, что не требует отлагательств...

— Что ещё за дело? Кто вы такой?

— О! Тысячу раз прошу меня простить, я забыл представиться, меня зовут Эй, я посыльный...

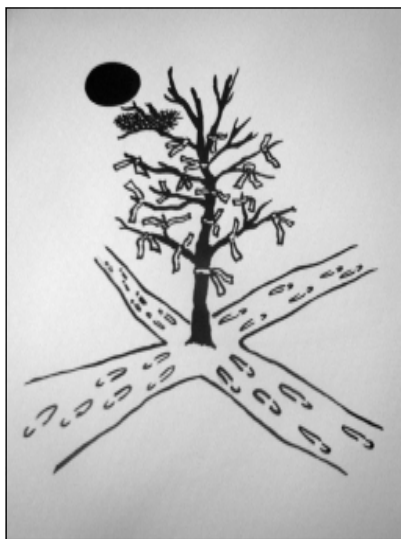
— Посыльный?

— Посыльный, причём посыльный по особо важным делам, я принёс вам письмо...

— Мне?

— В этой квартире есть ещё Афанасьев Николай Анатольевич, родившийся семнадцатого марта тысяча девятьсот восемьдесят второго года от Рождества Христова, роста небольшого, волосы русые, глаза зелёные, не женат, одна рука немного короче другой...

— Хватит! Это я... Что за письмо? От кого оно?

— Письмо по всей видимости очень важное, раз его вам принёс не простой почтальон, а я... А от кого, вы сами прочитайте... Вот письмо... А вот здесь вам надобно подпись поставить...

Я расписался в каком-то блокноте и взял письмо... На конверте были написаны только моё имя и фамилия, ни адреса отправителя, ни марки страны на нём не было... Я извлёк небольшой лист бумаги, на котором чёрными чернилами было написано следующее:

“Здравствуй, дорогой мальчик Коля, получил твоё письмо... Честно говоря, оно меня немного удивило... Но после недолгого раздумья я решил выполнить твою странную просьбу... Через день после того как ты получишь это письмо, твоё желание исполнится... У тебя есть ещё немного времени, чтобы сделать все свои дела и выбрать себе место... Рад был с тобой познакомиться, надеюсь, мы ещё встретимся”.

Дочитав, я поднял глаза на посыльного... Он стоял у стены, внимательно разглядывая однообразный рисунок на обоях...

— Уже прочли? Ну как? Узнали от кого оно?

— Нет... Я вообще ничего не понимаю...

— Деятнадцать лет назад вы отправили одно письмо с пометкой “Совершенно секретно”, в котором вы просили “Волшебного Ангела” превратить вас в дерево желаний, чтобы, цитирую: “Все люди могли не дожидаясь Нового года просить у вас всё что угодно, и вы бы им это могли дать, тогда на земле все будут счастливы...”. Вспоминаете?

— С трудом... Но это же было... То есть... Я же был маленький...

— И смею заметить, очень благодетельным... Вы своим желанием настолько растрогали, как вы его назвали “Волшебного Ангела”, что он решил незамедлительно исполнить вашу просьбу...

— Но прошло почти двадцать лет...

— Поверьте мне, это пустяки... Многие ждут столетиями, а то и больше... А теперь прошу меня простить, покорно благодарю за внимание, но вынужден удалиться, дела... Вы не могли бы выпустить меня через дверь, а то мой полёт к вашему окну и так вызвал небольшой переполох во дворе, а я, вы уж меня простите, не люблю лишнего внимания...

Я проводил его в коридор, открыл дверь, уходя, он обернулся и добавил:

— Желаю вам удачи... Кто знает, может быть, когда-нибудь я буду горд, что именно я принёс вам это письмо...

— Почему?

— Теперь вас ждёт иная жизнь... И какая?!

— Но...

— Не теряйте времени... У вас его не так уж много... Завтра утром вы превратитесь в семечко... Прощайте...

Когда он ушёл, я ещё минут двадцать стоял у открытой двери с конвертом в руках... За вечер я обзвонил всех своих друзей, сказал, что уезжаю в отпуск далеко-далеко... Весь вечер просидел у окна, смотрел на то, как плавно и равномерно, будто в танце, покачиваются верхушки деревьев... Перед рассветом я написал новое письмо “Волшебному Ангелу”, в котором попросил его превратить меня обратно в человека... Кто знает, может быть, лет через двести он снова выполнит моё желание...

Осенний сон Ромео

*Сон как прощание, сон как прозрение,
Я лежу в тишине и вдыхаю своё одиночество...
Наши тени сошлись вопреки ожиданиям времени,
Наши встретились взгляды, несмотря на усилия общества...*

*Но от взрыва любви нас с тобой друг от друга отбросило,
И теперь мы лежим по разные стороны вечного...
И остался лишь дым побледневшей листвы прошлой осени,
И не то что вернуть, даже вспомнить практически нечего...*

*Сон, события с текстом больше не вяжутся,
Я уже готов признать все свои поражения...
Я смотрю в пустоту, и порой мне как будто бы кажется
То, что ты стоишь на другом конце отражения...*

*То опять в тучах солнце увидеть пытаешься,
То шагаешь, деля свою комнату поровну...
Всё как прежде, ты будто совсем не меняешься,
Я ж — напротив — меняюсь, и часто не в лучшую сторону...*

*Сон как прощание, сон как пророчество,
Мы стоим и молчим в тёплом свете уютных светильников,
Но я чувствую, скоро всё это закончится,
Где-то там уже, слышишь, проснулись чужие будильники...*

*Значит скоро и нам возвращаться к пустой и бессмысленной осени,
Где мы будем гулять по разные стороны вечного...
Где от взрыва любви нас с тобой друг от друга отбросило,
И теперь нам не то что вернуть — даже вспомнить практически нечего...*

Сон

Ночь тёмно-синей птицей пролетела за моим окном... Будто был вечер, затем я моргнул, и уже утро. На столе разбросаны нервно исписанные листки бумаги, пепельница переполнена окурками, я сижу за столом... Что произошло? Я беру первый листок... В правом верхнем углу нарисован глаз... Посреди листка написано: "Если сегодня, то зачем? Если завтра, то кто?"

Если вчера, то поздно”, и больше ничего... По-черк мой, но я не помню, чтобы я это писал... Я не шизофреник и не наркоман... Я всегда помню всё, что делаю, а тут... Беру следующий, там на всю страницу написано одно слово: “время”... На другом листке фраза: “Одиночество бессмысленно, если не слушать тишину”... И только последние два листочка были исписаны полностью... Я начал читать:

“Можно...

Знаю, что Ты просил этого не делать. Но всё-таки...

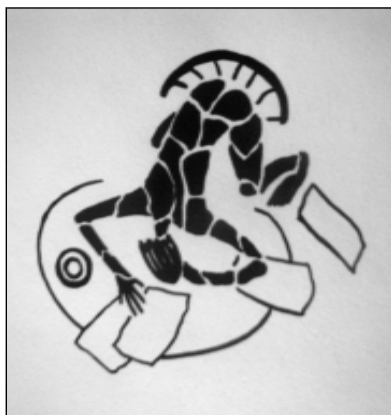
Кем бы Ты ни был сейчас и как бы Ты к себе ни относился, завтра всё будет иначе, вчера тоже всё было иначе... Ты никогда не сможешь оставаться таким, каким Ты был сегодня... Время — это не только цифры, отнимающие молодость и самых близких, Ты сам захотел, чтобы оно было таким, Ты с самого рождения поверил в то, что именно оно делает Тебя старше... Что ж, Твоё дело, пусть будет так... Но его основная задача не в этом, оно дано Тебе, чтобы Ты изменялся... Не старел, а изменялся... Чувствуешь разницу??? Я только не могу понять одного, зачем Ты решил подчиняться тому, что по праву принадлежит Тебе... Я всегда считал Тебя немного странным, но чтобы настолько... Сначала Ты просишь у меня дать Тебе время, чтобы что-то помнить, а вместо этого используешь его, чтобы что-то забыть... Наверное поэтому нам в последнее время так тяжело понять друг друга... Хотя не берусь судить, раз Ты так решил, значит в этом есть смысл... Но зачем Ты стал его бояться? Ведь Ты сам мне когда-то говорил, что вечности боится лишь тот, кто хочет в неё попасть, а остальным плевать, что она как змея, глотающая свой хвост... Впрочем... Ты этого, конечно же, не помнишь... Я просто боюсь, что однажды Ты заиграешься окончательно... Я верю Тебе и Твоим планам, но мне действительно странно всё это... Помни хотя бы, что Ты — это не только то, что Ты видишь в отражении, но и все остальные тоже... Все, кто ходят под Твоим солнцем и так ярко доказывают свою независимость... Все они это Ты, точно так же как Ты часть любого из них... Я не до конца понимаю, зачем Ты разбил себя на столько частиц... Но, как выясняется — это не единственное, что я в Тебе не понимаю... Ты говорил, что хочешь разделиться на миллиард частей, чтобы впоследствии собраться заново... Я начинаю переживать, что Ты уже никогда не соберёшься... Каждая Твоя частица стала настолько самостоятельной и брезгливой к другой Твоей частице, что это уже начинает меня путать... Когда Ты вернёшься, расскажи, пожалуйста, для чего всё это было... Надеюсь, что я всё пойму... А пока просто будь осторожен...

Ещё немного...

Мне очень понравилась гроза... Это лучшее из того, что Ты придумал... Нельзя...”

На этом запись заканчивалась...

Я открыл глаза и увидел, что спал за столом, передо мной пустая пепельница и совершенно чистые листки бумаги... Жаль... Из этого могла бы получиться чудная история...

Иллюстрации Дарияш КАСЫМОВОЙ.

Шакир а-МИЛ

Французский роман

1.

Штаб армии генерала от инфантерии Антона Ивановича Глинки находился в единственном пригодном для этого назначения здании, совсем недалеко от станции.

Утреннее совещание закончилось, и в штабе царила обычная рабочая обстановка. Сновали туда-сюда вездесущие курьеры. Гонцы лихо рапортовали, откуда и от кого и вручали со свежими сургучными печатями пакеты. Приводили и уводили лазутчиков и пленных. Молодые, юркие штабисты вносили и уносили утверждённые, вновь скорректированные карты.

Успел побывать на приёме у генерала и местный землевладелец Храпов, вернувшийся сюда с войсками и наводивший теперь порядок, не без помощи армии, на своих владениях. Огромный баул со снедью, который он оставил в приёмной, был как нельзя кстати, наступало время обеда.

Дежурный по штабу, капитан Сомов, уже успел заглянуть в баул и отхватил кусок балыка, отчего испачкал руки и искал взглядом, обо что бы их вытереть, как двери вновь открылись и в помещение вошли два рослых с виду ординарца. Они слегка придержали за собой двери, что означало одно — в штаб пожаловал высокий чин.

Так оно и случилось. Спустя мгновение в дверях появился человек, в хорошо ухоженной бурке, в прекрасном кителе из дорогого сукна и в блестящих, отражающих всякий свет, высоких ботфортах.

Вошедший, переступив порог, поднял голову и оглянулся вокруг.

Капитан Сомов тотчас узнал в вошедшем главнокомандующего вооружёнными силами России Александра Васильевича Колчака.

— Смирна-а-а! — затянул Сомов, быстро опустив руки и утирая их за спиной о китель.

Он браво шагнул к главнокомандующему для доклада, но тот жестом остановил его и спросил:

— А скажите мне, капитан, что, Антон Иванович у себя?

— Так точно! — выпалил Сомов и, сделав шаг к двери, взялся за ручку, чтобы открыть её перед ним.

Колчак уже был готов ступить вперёд, как взгляд его задержался на одном из присутствующих, в кителе без знаков различия, и он, вдруг улынувшись, прошёл и обнял этого человека.

— Поручик Млынский! — сказал главнокомандующий, откинув голову, как будто желая узнать, не ошибся ли он. — Да, это точно Вы! Как же, помню, помню! Да помните ли Вы наш ледовый поход?! А я вот всё помню и даже сейчас бросил бы всё и снова в такой поход! Ну как Вы, голубчик? Как Ваши дела?

Млынский бросил короткий взгляд на окружающих и смущённо пожал плечами.

— Понимаю, понимаю, — согласился Колчак, принимая смущение поручика за скромность. — Что же поделать, голубчик, война! Я помню Ваше мужество, поручик. Такие люди ещё будут нужны России! Берегите себя! Дай Бог свидимся!

Он ещё раз обнял Млынского и отпустил его.

Повернувшись, он увидел в дверях уже появившегося в них генерала Глинку.

— Антон Иванович! — сказал главнокомандующий. — Принимайте гостя! У меня тут паровоз сломался, обещались быстро отремонтировать. Так что приютите уж на время! Будем считать, что я к Вам с инспекцией!

— Безмерно рад видеть Вас, господин главнокомандующий! — ответил генерал и, шагнув назад, открыл проём двери.

2.

Этот день, конечно, был историческим для Антона Ивановича.

Оставшись наедине не только с главнокомандующим вооружёнными силами России, но и верховным правителем Российского государства, за обедом и непринуждённой светской беседой генерал был просто счастлив.

Он уже сейчас представлял себе, как сегодня же вечером, за ужином, в кругу близких ему офицеров будет рассказывать им об этой встрече.

Антон Иванович старался не пропустить ни слова из того, что говорил главнокомандующий. Понимая состояние генерала, Александр Васильевич баловал его своими воспоминаниями и рассуждениями о будущем России, не забывая отведать на столе всё, что было в бауле землевладельца Храпова.

“Нужно будет всё это немедленно изложить на бумаге, — думал Антон Иванович. — Это как нельзя кстати к моим будущим мемуарам!”

Генерал уже был в затруднении от складывания на полки своей памяти всего того, что говорил Колчак, как дверь спасительно отворилась, и вошёл капитан Сомов, очевидно, с докладом об окончании ремонта паровоза.

— Разрешите доложить господин главнокомандующий?! — обратился Сомов.

— Обращайтесь, обращайтесь, — ответил за верховного правителя генерал, поскольку тот сидел спиной к капитану.

— Господин главнокомандующий! Разрешите мне пояснить Вам о человеке, которого Вы назвали поручиком Млынским?

Колчак развернулся к капитану и с интересом на лице спросил:

— Что же Вы, капитан, хотите мне доложить о поручике Млынском?

Сомов бросил быстрый взгляд на генерала, и тут же собравшись, доложил:

— Млынский — красный командир, господин главнокомандующий, взят нами в плен два дня назад, приговорён к повешению и ожидает исполнение приговора. Видя Ваше к нему отношение, я решился доложить Вам.

Лицо главнокомандующего изменилось, и он в некой растерянности взглянул на генерала. Антон Иванович немедленно поднялся и почему-то решил изъясниться:

— Господин главнокомандующий! Согласно Вашему указанию...

— Оставьте, оставьте, генерал, знаю! — перебил его Колчак. Он нервно побарабанил пальцами по столу, взглянул на капитана и сказал:

— Жаль, жаль. Ну что же, исполняйте!

— Простите, не понял? — склонился к нему капитан.

— Что же непонятного? — Александр Васильевич беспомощно повернулся к генералу.

— Идите, капитан, идите. Пусть вешают! — замахал руками генерал на капитана.

Капитан искося взглянул на главнокомандующего, щёлкнул каблук-ками и вышел.

3.

Когда состав, наконец, подали, главнокомандующий в сопровождении генерала и свиты вышли из штаба и пошли в направлении станции.

Был солнечный, но довольно морозный день.

Александр Васильевич и генерал Глинка неторопливо шли впереди всех по узко очищенной от снега тропинке прямо до станции, оптимистично обсуждая состояние дел на фронтах.

Шумный крик ворон отвлёк внимание главнокомандующего, и он, подняв голову, увидел, как неприятно изменился пейзаж дороги, по которой уже проходил к штабу.

Почти у самой станции, прямо рядом с тропинкой, по которой они шли, на виселице застыли вновь повешенные по приговору красные.

Колчак сразу узнал среди них поручика Млынского, по его кителю без знаков отличия.

Виселица была так близко к тропинке, что слегка раскачивающиеся трупы, казалось, заденут проходящих по ней людей.

У самой виселицы главнокомандующий на мгновение остановился и взглянул на тело поручика. Млынский был без сапог, видимо, кто-то снял их перед казнью. Тело успело замёрзнуть и одеревенеть. На большом пальце правой ноги застыла небольшая сосулька мочи, которая стекла по штанине.

Не желая обращать внимания на свою секундную слабость, главнокомандующий продолжил путь.

Вскоре поезд тронулся, и Александр Васильевич с удовольствием сел дочитывать французский роман под стук колёс, увозивших его в глубь Сибири.

Фотограф Изя

1.

Ну, скажи ещё раз! Ты не знаешь о фотографе Изе?! Боже ж ты мой, он не знает фотографа Изю!? Да что же ты можешь знать, если ты не знаешь фотографа Изю!

Так, слушай сюда! Фотографа Изю знал и помнит весь наш город. Появился он у нас в тридцать первом, нет, вру, в тридцать втором году. Ну совсем как д'Артаньян в городе Менга, если ты, конечно, знаешь этот город. Только если отец д'Артаньяна подарил ему в дорогу свою шпагу и жёлто-рыжей масти мерина, то отец Изю подарил ему фотографический аппарат и повидавший виды свой костюм.

О да, костюм! В этом костюме, он, верно, и должен был помереть, но отдал его почему-то Изе. Судя по заплаткам, в этом костюме отец Изю пережил со своим фотографическим аппаратом и Первую мировую, и Гражданскую войны, да и к тому же он был на два размера больше. И не в том смысле, что больше размера одежды Изю. Он был в два раза больше самого Изю. Да так, что если бы у Изю был брат-близнец, они бы прекрасно уместились в этом костюме оба!

За аппарат ничего не скажу. Сразу было видно, что за ним ухаживали лучше, чем за этим костюмом, да что я снова о нём, будь он неладен!

Аппарат, весь такой блестящий, лакированный, какой-то там знаменитой бельгийской или немецкой фирмы, на треноге, вот. Я так думаю, что отец его, да и сам Изя потом, с него пылинки сдували.

Да он и сейчас в отличном состоянии, стоит в городском музее, рядом с фотографиями Изя.

Да-да, не забудь заглянуть в наш музей, там половина истории нашего города на фотографиях Изя.

2.

Так вот, появился он у нас в тридцать втором, ах да, я уже это сказал!

Такой вот весь худой и в этом костюме. Он быстро снял себе угол, тут недалеко от площади, и уже на второй день появился на площади со своим чудесным аппаратом.

Не скажу что появление Изя произвело на жителей города огромное впечатление. Увы, даже наоборот. Все с недоумением и даже как-то сердито обходили его высокую худощавую фигуру и аппарат. И только детвора весело приняла его как новое явление своей жизни. Они дружно окружили его, изумляясь ширине его штанин, и, конечно же, каждый из них хотел прикоснуться к этому странному блестящему ящику на ножках, и бедняга Изя не знал, как избавиться от них. Он заискивающе смотрел в глаза прохожих, но они важно проходили мимо, словно никогда не знали, что такое фотография, и не видели живого фотографа вообще.

Так прошло два дня. Изя уже совсем отчаялся, когда, наконец, появился первый клиент в его жизни.

Был уже конец рабочего дня, и люди возвращались с работы домой, как вдруг из толпы прохожих отошёл человек и направился прямо к Изе, окружённому шумной толпой детей.

Немного в годах, начинающий седесть мужчина, в белом костюме и широкополой шляпе на голове показался Изе каким-нибудь бухгалтером, но на самом деле это был известный в городе мастер-парикмахер Лиманский Мирон Степанович.

Этот степенный и уважающий себя человек взглянул на Изю, потом на его аппарат и произнёс волшебные и долгожданные слова:

— Ну что, молодой человек, будем сниматься?

Да-да, он так и сказал: “Будем сниматься”!

Изя растолкал мальчишек и едва сам не уронил аппарат. Он поставил стул перед Мироном Степановичем и как можно вежливее сказал:

— Конечно, прошу вас, садитесь!

Лиманский оглянулся вокруг, убедился, что на него с интересом смотрят прохожие, и со знанием дела опустился на стул, широко расставил ноги и опёрся руками на свою элегантную тросточку.

Изя слегка поправил воротник рубашки Мирона Степановича и засуетился у аппарата. Он несколько раз появлялся и исчезал за аппаратом и, наконец, сказал:

— Внимание, снимаю! — и щёлкнул заветной кнопкой на вытянутой руке.

Вот так случилось первое фото нашего дорогого Изя.

Нет, это не было фото Мирона Степановича на фоне городской площади. Это было его фото на фоне доброй половины городской детворы, отчего Лиманский казался директором местной гимназии со своими учениками или, скорее, миссионером в окружении нечёсанных и немытых бразильских детей.

Изя от волнения забыл убрать детвору за спиной Мирона Степановича. Но тот был так доволен снимком, что держал его у себя на работе на зеркале, и ещё многие годы подростки из этого фото парни с любопытством разглядывали себя на фотографии за спиной ещё, оказывается, не совсем старого тогда мастера Лиманского.

3.

Прошло ещё два дня. Однако никто больше фотографироваться не хотел. И Изя уже подумывал — не переехать ли ему в другой город. Но, наконец, наступило воскресенье, и площадь заполнили толпы людей, весёлых и нарядных. И не надо думать, что все они побежали к Изе фотографироваться, увы, нет. Они даже детей своих забрали от Изи, словно в его блестящем ящике была бомба. Но была среди них первая красавица города Оксана Приходько, ну да, она ещё у нас потом директором школы работала. А тогда была она красивая и оттого капризная девица, и в этот день она легко нашла повод для своего очередного каприза. Оксана заявила кавалеру, что хочет сфотографироваться, и тот, благо денег у него в кармане хватало, с облегчением согласился исполнить это желание. Впрочем, “исполнил желание” наш Изя, но с таким мастерством, которое потом всегда отличало его фотографии. И всё. Больше капризных красавиц в этот день не нашлось. Но на другой день Изя притащил на площадь с человеческий рост афишу, похожую на двойные раздвижные лестницы. И на этой афише он приклеил всего две свои фотографии, которые сделал в этом городе. Эффект превзошёл все ожидания! Нашлась целая рота капризных девиц, которые потребовали от своих кавалеров, чтобы их фотографии также красовались в центре города. Бедные кавалеры даже доплачивали Изе, чтобы тот приклеил фотографии их зазноб на афишу. Дела Изи сразу пошли на поправку. Ну а первое семейное фото, также украсившее афишу, вызвало настоящий бум среди жителей города. И если вы видели нарядно одетую семью, идущую по улицам города в направлении площади, можно было не сомневаться, что они шли к Изе, они шли фотографироваться. Стало модным фотографироваться с приезжими гостями. Их напряжённые, с выпученными от натуги глазами лица легко выделялись на фото среди поднаторевших позировать местных жителей.

4.

На Изю стали поглядывать местные красавицы, а претендентки и вовсе часами досаждали ему на работе, мешая клиентам и мастеру совершать очередной шедевр. Но, не они, а портниха Галя, старше его на целых пятнадцать лет, стала первой его, можно сказать, любовью в этом городе.

Так, особо в глаза это не бросалось, и только соседки Гали судачили, как по утрам из окна её спальни сначала выбирался сам Изя, а потом уж она очень аккуратно передавала ему с рук в руки его драгоценное орудие труда — аппарат. Почему в окно? Да боже ж ты мой! Потому что Галя была

замужней женщиной и вскоре их любовь закончилась, поскольку муж вернулся домой с военной службы. И этот муж, пожалуй, был единственным в городе человеком, который не знал, что костюм, который так ладно сидел теперь на Изе, был когда-то в два раза больше его. И перешитый в одну ночь его угодливой и страстной женой, придал фотографу тот шарм, который присущ, пожалуй, всем фотографам мира.

К осени власти города определили его на работу, и теперь он уже имел свою комнату, рядом с известным уже вам парикмахером Лиманским, с которым они навсегда стали верными друзьями.

Потом Изя ненадолго исчез. Оказалось, у него умер отец. Он привёз с собой доставшиеся ему в наследство несколько альбомов фотографий отца и свою подругу детства, дочь друзей семьи отца по имени Руфь.

Об этой Руфи можно было бы написать отдельный роман. Как выяснилось позже, свои отношения они успели оформить ещё в родном городе. И поэтому Руфь прибыла в наш город на полных правах жены нашего Изя. Она родила Изе четырёх дочерей и сына, красивых, как она сама, но слава богу, скромных и молчаливых, как Изя. Очень скоро Руфь располнела и постарела, но её язык от этого ничуть не утратил своей остроты.

О, этот язык Руфи! Если бы в этом суетном мире был чемпионат на самого языкастого человека, то Руфь, несомненно, вошла бы в историю города как многократная чемпионка и обладательница всех мировых рекордов. Мало того что язык Руфи работал как мельничные жернова, перемалывая, как зерно, все сплетни и слухи, но только и только она знала обо всём на свете. Неслучайно в нашем городе никогда не было справочного бюро, зачем, если для этого у нас была Руфь?!

Эта женщина всех достоинств, и её единственным недостатком была, пожалуй, бешеная ревность к Изе.

Всё свободное время, которое было у Руфи, она проводила на работе или на площади вместе со своим Изей! Интересно, когда она успевала кормить, обстирывать, воспитывать свое немалое семейство?!

Эти посещения были настоящей мукой для Изя. Руфь не только поила Изю чаем и кормила вкусными пирогами, но и бдительно следила, чтобы он, не дай бог, прикоснулся к какой-то клиентке. И увы, тогда у Изя получались не самые лучшие снимки.

5.

Будущее казалось Изе и горожанам безоблачным и светлым. Каждый надеялся только на лучшее для себя и детей. И афиша Изя была полна счастливых и беззаботных лиц.

Но вот наступил тридцать седьмой год, и многие клиенты Изя и Мирона Степановича вдруг исчезли. Сначала Изя и Лиманский спрашивали друг друга, куда же пропадают их клиенты, но потом просто молча вздыхали, если в разговоре узнавали, что снова кто-то из их знакомых уже никогда не придёт к ним.

На следующий год, весной, когда Изя снова появился на площади со своей афишей, людей, прогуливавшихся по ней, стало намного больше. Для многих Изя был как бы той самой перелётной птицей, когда его появление на площади означало, что зима кончилась, скоро придут тёплые дни и всё будет хорошо. И снова, в выходные дни, люди заполняли площадь, радуясь весне и встрече друг с другом.

Но однажды на площади появилась чёрная машина.

Она сердито сигналила людям, требуя дороги. Объезжая толпы людей, пофыркивая, обдавая всех газом и пылью, она доехала до места, где стоял Изя, и остановилась.

Из машины вышли двое военных и, поправив портупеи, двинулись к Изе.

Площадь мгновенно умолкла, было слышно, как падает вода городского фонтана. Все смотрели в сторону Изы и его афиши, от которой немедленно разошлись зеваки.

Военные не подошли к Изе, они направились сразу к афише. О чём-то переговорив, они встали по разные стороны афиши, со знанием дела разглядывали её и отрывали некоторые фотографии.

Карточки были хорошо приклеены и поэтому рвались в клочья. Эти клочки срывались с рук военных и разлетались по площади, падая под ноги людям.

Люди молча наблюдали за военными, и когда они закончили свою работу и уехали, многие тоже разошлись по домам, аккуратно обходя клочки фотографий под ногами.

Изя тоже ушёл, но на следующий день он снова был на площади. И все увидели — он ничего не сделал с афишей, и белые пятна, словно раны, зияли среди улыбающихся лиц.

И только на следующее лето Изя заклеил их новыми фотографиями.

6.

Да, когда случилась война, Изю на фронт не взяли. У него зрение было плохое. А вот Мирон Степанович сам ушёл воевать и не вернулся. Наш Изя очень переживал, когда его друга не стало. Тогда такое горе было у многих.

Люди редко приходили на площадь, и клиентов было совсем мало. И тогда Изя, зная тех, у кого мужья или отцы были на фронте, часто фотографировал бесплатно.

Он только просил:

— Улыбайтесь! Пусть они верят, что мы их любим и ждём на этой площади! И тогда они обязательно вернуться.

Но вскоре стало ясно, что многие не вернуться на эту площадь никогда. И их родные, проходя по площади, часто останавливались у афиши Изы и плакали, увидев на снимках тех, кто погиб.

И таких людей становилось всё больше и больше. Этого не могли не заметить работники горкома, окна кабинетов которых выходили прямо на площадь.

— Надо что-то делать, — сказал однажды секретарь горкома. — Нельзя чтобы это продолжалось. Это плохо действует на моральный дух народа. Надо убрать эту афишу. Но сделать это так, чтобы не обидеть Изю и не вызвать у народа ненужных вопросов.

И вот однажды, в разгар рабочего дня, когда на площади почти никого не было, он появился там в сопровождении двух сотрудников.

Вежливо поздоровавшись с Изей, он обошёл афишу и, вернувшись к фотографу, сказал:

— Изя, горком ценит тебя как одного из лучших тружеников города, а также твоё мастерство. На последнем заседании горкома принято решение определить твои фотографии в наш городской музей трудовой и боевой славы.

И не успел Изя и рта открыть, как эти два сотрудника схватили афишу и понесли в сторону музея. А секретарь, довольный своей задумкой, улыбнулся им вслед и, повернувшись к Изе, сунул тому в руку немного денег.

— Это тебе, Изя, на новую афишу, — сказал он. — Вот как одолеем фашистов, пусть на ней будут только счастливые лица.

И как в воду глядел. Очень скоро пришёл День Победы. И заблестели глянецом новые фотографии на новой афише Изи. А там все удалые и весёлые лица, все в орденах и медалях, да рядом с родными и любимыми.

И снова появилось много работы у Изи. Через пару лет афишу стали заполнять карточки с новорождёнными детьми, потом, когда они пошли в садик, школу. А выпускные школьные вечера! У Изи были фотографии всех выпускников нашего города. И у меня, конечно, да что там, у детей моих только фотографии Изи!

А афиша та, старая, так в музее и находится. Там всегда и стульчик рядышком, старенький такой, под стать афише. Так до сих пор народ к ней ходит. Я как там бываю, так обязательно кто-то на стульчике сидит и всё смотрит. Приходится в очереди стоять. Я тоже сижу там долго. У меня отец не вернулся.

7.

Когда Изи не стало, каждый знал об этом. Гости города, наверное, думали, что хоронят какого-то партийного вождя. Но это было не так. Народ хоронил Изю. Какая-то старуха вынесла из дома своё фото, которое ей сделал Изя, и так стояла на дороге, по которой должны были его пронести. И тогда это сделали все, весь город. Все стояли у дороги и держали свои фото на руках, словно иконы, благословляя усопшего в его последний земной путь.

Ты не поверишь, многие плакали, и я плакал, ты не поверишь! Такой вот он был добрый, а ведь вроде и незаметный в жизни.

Вот ведь дела такие. А ты вот глянь, видишь вон того молодого человека с аппаратом? Так это Савва, сын Изи! Тоже мастер классный, между прочим.

Ха! Когда он молодой был, они с одним своим другом решили сфотографировать всех девушек нашего города! И как они это сделали? Дружок его сел на велосипед, а Савва, так тот позади, на багажнике. Сфотографировали, да. А главное все фотографии отпечатали. Говорят, что столько плёнки и бумаги перевели на это, что Изю едва не хватил удар! Досталось, говорят, тогда Савве на орехи! Ничего, зато теперь вот при деле, старается.

А мне вот кажется, что Изя всё-таки лучше фотографировал, как-то душевнее, что ли. М-да, вот ведь как иногда о душе-то вспомнишь...

“Чусовой”

1.

— Ма! Мама! — малыш Игнат тянул одеяло с Ксении.

Та откликнулась не сразу, а, проснувшись испуганно, глянула на Игната.

— Ты чего, сынок? Али случилось что? — спросила она.

— Не-а! — бойко ответил ребёнок, пробираясь к матери под одеяло. — Тама, у печки, деда постится!

— О господи! А ты почём знаешь? — спросила Ксения, укрывая сына.

— Я пи-пи бегал, а там деда, испужался, — сказал малыш, прячась в тепло.

— Ну ты глянь, ни свет ни заря! — сказала Ксения и, поёживаясь от холода, встала и поплелась к печке.

Там она включила свет и увидела отца.

Ксения вздохнула, сунула босые ноги в валенки и, прихватив табурет, подошла к нему и села напротив.

У печки невозмутимо стоял её отец, восьмидесяти с гаком лет старик Григорий, в тулупе, опоясанным полотенцем, валенках, в шапке с опущенными ушами и метлой по правую руку.

— Ну что, часовой, стоишь? — спросила Ксения отца.

Старик не ответил. Он молча взглянул на дочь, переминаясь с ноги на ногу, и застыл в стойке.

— Ой, ты! — сказала Ксения, взглянув на ходики. — А время-то, только спать ложились! Как же ты, батя, до утра-то? Может, присядешь, а?

Она встала и подвинула табурет к отцу. Но тот, не глядя, обиженно шмыгнул носом и отодвинулся в сторону. Его взгляд застыл прямёхонько в окно, откуда ему отвечали взглядом полумесяц с дюжиною звёзд.

— Не сядешь, — печально молвила Ксения то ли себе, то ли старику и, махнув рукой, прошла к кухонному столу. Там наскоро добавила воду в самовар, щепочками разожгла его, выставив трубой в дымоход. Достала пару яиц, муки и взбила тесто для блинов.

2.

Вот такие дела были с дядей Гришей. А началось это прошлым летом.

Прибегает как-то Ксения до дому кур подкормить да живность иную, глянь, а у печки отец стоит. Да странный какой-то, в тулупе, в шапке и с метлой в руке.

Дед — он как года два с ума тронулся по-лёгкому, да только старые люди и доктор районный предупредили Ксению, что они, те, что по-лёгкому-то, могут из дома уйти, а потом ищи их где попало.

— Ба! — воскликнула Ксения. — Да ты куда собрался, батя? Али в гости, аль ещё куда?

А тот приосанился и говорит так важно:

— На посту я, часовой! Вот тут я должен стоять!

— Эхма! Часовой! Ну стой, стой, сторожи нас!

Да и побежала по хозяйству. Так час и прошёл незаметно. Забегает Ксения в дом, чая отпить, глянь, а дед-то стоит!

— Ну ты чего, батя? Уж цельный час прошёл, хватит-то стоять! — предложила Ксения.

— А он не час, а уже четыре стоит, — отозвался старший сын Ваня, вылезая из-за стола, где делал уроки.

— Четыре!? А молчишь чего? — кинулась мать на сына.

— А я и не молчу, — ответил Иван. — Сколько уж говорил, мол, пойдём, деда, чай попьём и отобедаем, а он ни в какую. “Не пойду, — говорит, — пока командир с поста не снимет”.

— Ой, беда-то какая! — всплеснула руками Ксения и побежала к соседям посоветоваться.

И вскоре привела несколько баб, да и пару мужиков знакомых, с надеждой, может, хоть они старика уговорят.

Целый час уговаривали. И силком пытались. Да только дядька Гриша не сдавался, старый вояка, побывавший на Первой мировой и в гражданскую, твердил, подайте, мол, командира, и всё тут!

Один из мужиков и мальчонку своего домой посылал за пиджаком с медалями, и важно так прохаживаясь перед дедом, пытался дать ему команду. Да только дед его командиром не признал.

Тут Ксения в слёзы, Ваньку послала с работы отпроситься. А народ, как прослышал про её беду, так всякий заходил. Кто советом поделиться, кто деда уговорить, а кто и просто поглазеть. А дед стоит! В избе полно народу, все шумят, гадают чего делать, а другие уж и просто лясы точат.

Зашла тут бабка Марья, что с третьей улицы от Ксении, просто зашла, по делу, покалякать, значит. Прошла и дивится, чего это народ тут делает. Ну ей кто на что горазд по ходу объяснили.

— Да ну, — пробурчала бабка Марья и, проходя возле Григория, сказала тому: — Ты чего, Гришка? Кака такая чусовой? Чай, войны-то нет. Ну-ка, скидай тулуп, айда чай пить.

И пошла себе мимо, к столу. А дед-то тулуп скинул, да за ней. На том и всё закончилось. И народ разошёлся, а бабка Марья за чаем посудачила с Ксенией.

Всё бы хорошо, да на третий день снова дядька Гриша встал на свой пост.

И снова прибежали соседи и пытались быть командирами мужики. Ничто не помогло. Аж из сил выбились.

Вот тут-то вспомнил кто-то, что в прошлый раз дед вроде бы бабку Марью послушался. Послали за ней. И кто бы подумал, послушался дядя Гриша и в этот раз бабу Марью!

С тех пор так и повелось: как встанет дед Гриша “чусовым”, так и посылали за Марьей. За три улицы было слышно, как ругалась она, дескать, нет ей покоя от Гришки-то, а сама, конечно, в себе гордилась, что он только её и слушает. Да Ксения за это дело доброе завсегда потчевала старую чем-нибудь вкусеньким.

Злые бабки про то судачили и говорили, что тут что-то неладно, а не было ли меж Гришкой да Марьей по молодости чего такого, что сейчас аукнулось в душе подвинутого старика. А Марья лишь посмеивалась над ними и хитро улыбалась.

3.

Как самовар был готов, да блины вкусным запахом заполнили дом, разбудила Ксения Ваню.

— Вставай, сынок, надо до бабы Марьи, дед опять чусовым встал.

— Мама, а нельзя утром? — лениво потянулся Ваня. — А то бабка Марья шибко ругаться будет. Она и днём-то ругается.

— Нельзя, сынок, — пояснила Ксения. — До утра ещё далеко. А как дед упадёт от усталости и зашибётся? А что баба Марья ругается, так для порядку, я уж ей блинов напекла.

Ваня согласно кивнул головой, соскочил с кровати и наскоро оделся.

— Ма! А где валенки? — крикнул он вскоре.

— Да уж где им быть-то, у печки, — отозвалась Ксения.

— Да нет их тут!

— Ах ты, тёпа! — вспомнила Ксения и скинула с ног перед Ваней его валенки, поёживаясь от стылого пола.

Тот с удовольствием засунул свои босые ноги в них и убежал.

Вскоре он вернулся, и Ксения услышала, как ещё у ворот бабка Марья нещадно ругала “чусового Гришу”. Досталось и собаке, которая любила облаять, непонятно почему, ставшую частой гостьей старуху.

Ваня, как вошёл, скинул валенки и телогрейку, не раздеваясь — ему ещё нужно было проводить домой Марью, забрался на печку и тут же уснул.

Баба Марья, не снимая валенок, прошла к деду, дала команду старику и только потом сняла своё видавшее виды старое пальтишко.

Ксения быстренько проводила отца до кровати, укрыла его одеялом и, облегчённо вздохнув, поспешила к бабе Марье, которая уже прошла к столу.

В печке весело потрескивал огонь от подброшенных Ксенией поленьев.

Баба Марья, как всегда, отошла после пары стаканов чая и словно забыла, что ночь на дворе, рассказывала Ксении про своего мужа, который помер ещё до войны. Ксения подливала ей чаю да подвигала блины и старалась слушать её, скрывая рукою зевоту. И только иногда, когда баба Марья замолкала, было слышно, как за печкой молодецки храпел “чусовой” дед Григорий.

Троечник Егор из 8 “б”

Когда в двери постучали, Надежда Петровна с удивлением взглянула на часы. Время было уже позднее.

Надежда Петровна жила одна. Обычно к ней в гости приезжала её подруга и коллега по школе Екатерина Ивановна, также пенсионерка. Но она жила на другом конце города и поэтому приезжала всегда рано и рано уезжала.

А ещё по вечерам к ней заходил соседский малыш Стёпа. Он очень любил бывать у Надежды Петровны. “Баба Надя”, как он её называл, угощала его чаем с вкусным вареньем, а потом читала книжки, сидя на старом, на очень удобном кресле, куда они прекрасно оба вмещались. Баловала, словом.

Внуки Надежды Петровны жили в соседнем городе, она по ним скучала и поэтому всегда была рада, когда к ней приходил Стёпа.

Но Стёпка стучал к ней совсем не так. Он стучал тихо, всего пару раз, а потом родители уговаривали его постучать ещё, но он важничал и говорил, что уже стучал и баба Надя открывает.

Стук повторился. Надежда Петровна прошла в прихожую, включила свет и открыла дверь.

В коридоре стоял высокий, чуть тронутый сединой светловолосый парень с букетом в руках. Он улыбнулся:

— Добрый вечер, Надежда Петровна! Узнаёте? Извините, конечно, что поздноват, но я пришёл к вам в гости.

И тотчас по этой улыбке и манере говорить Надежда Петровна признала в нём Егора Царёва, троечника с 8-го “б” класса, в котором она была классным руководителем с пятого класса, и Егор там отучился с пятого по восьмой.

— Ой, Егор! Заходи, конечно! — приветливо отозвалась Надежда Петровна.

Егор как-то странно шагнул в открытую дверь, и только теперь Надежда Петровна увидела в его руках костыли и что у него только одна нога.

— Принимайте, Надежда Петровна! — сказал Егор и протянул ей букет и пакет, в котором, как потом оказалось, были огромная коробка конфет, пачка чая и банка сгущённого молока.

— Ой, спасибо, Егорушка! — обрадовалась Надежда Петровна. — Да ты проходи, не стой!

Егор пытливо взглянул на неё, затем себе под ногу, на пол, будто разглядывая, где ему можно разуться.

— Тебе помочь, Егор? — тихо и участливо спросила Надежда Петровна.

— Нет, что вы, я уже давно сам научился, — ответил Егор, и действительно, каким-то особым ловким движением сбросил с ноги обувь и отодвинул её костылём в сторону.

Не решившись предложить Егору тапку, Надежда Петровна позвала:

— Ну пойдём, пойдём, проходи прямо в зал.

И проводила его в комнату, усадила на стул, бережно забрала у него костыли и поставила их в угол у стенки.

— Ты подожди, Егор, минутку, — попросила она. — Я сейчас чай организую. У меня минутку назад чайник вскипел, ты как раз вовремя!

И действительно, пока Егор мотал головой, рассматривая комнату, которая, как обычно у учителей, была забита книгами и репродукциями картин, Надежда Петровна очень быстро накрыла стол.

— Не удивляйся, Егор, — пояснила она. — Я теперь на пенсии, на работу вставать рано мне не надо и я допоздна смотрю телевизор, поэтому горячий чайник у меня всегда под рукой.

Надежда Петровна налила чай в большую синюю кружку, поставила перед Егором и подвинула к нему сахар и печенье.

— Спасибо, — сказал Егор, набирая сахар. — А что, Надежда Петровна, скучаете по школе?

— Отскачалась, — махнула рукой и вздохнула Надежда Петровна. — Шутка ли, сорок пять лет в одной школе. Едва отошла. А теперь вот, ничего, привыкла. Ребята, вроде тебя, часто заходят, навещают. Встречи выпускников не пропускаю. Учителя бывают, ты ведь знаешь, они раньше все в нашей школе учились. Машка Петрова, с которой ты учился в одном классе, в этом году в нашу школу пришла, географию преподаёт.

— Машка? — улыбнулся Егор. — А вы её так и зовёте?

— А как же, помнишь, как вы её дразнили: “Машка-ромашка”?

— Помню, помню, — засмеялся Егор. — Надежда Петровна, а кто вас больше навещает, кто хорошо учился или нет?

— Разные ребята приходят, — пожала плечами Надежда Петровна. — Сам-то, сам как, Егор?

— С Афгана такой я пришёл, — ответил Егор. — Нас много там было и много ребят там убило. За что они нас так, Надежда Петровна?

— Не знаю, Егор, не знаю, — опечалилась Надежда Петровна. — Это политика. Говорят, так надо было. Тяжело было, Егор?

— Тяжело, Надежда Петровна, тяжело. Ребят терять было тяжело. Сегодня ты с ним за одним столом сидишь, а завтра его нет. Я ведь с Сашкой Афоным там был, убило его, Надежда Петровна.

— Вот как, а я и не знала, что вы были вместе. Знаю, что убили, Егор, на похоронах я была.

— И зачем он в армию пошёл, Надежда Петровна? Ведь учился хорошо, десятый класс закончил. Тоже мне, патриот! И парень такой вот оказался. Я до армии думал, он маменькин сынок, а он ничего, хуже других не был.

— Да, — подтвердила Надежда Петровна, перебирая в руках салфетку. — Хороший был мальчик.

— Мы в засаду попали, нас четверых прикрывать оставили. Я сказал тогда капитану, не надо оставлять Сашку-то, ему учиться надо. А он сказал, что мол, мне самому, что ли, за него оставаться, чем другие ребята хуже? Конечно, он прав был, капитан этот. Потом ушли они, мы остались. Когда вторую атаку отбивали, слышу, а Сашка не стреляет. Как отбились, прибежал, а он лежит, весь раненный, без сознания. Я укол сделал, перебинтовал, как “духи” снова подошли. Отбились, я снова к Сашке, а он очнулся, сидит и плачет. Я говорю: “Чего плачешь?”, не дрейфь, мол, а он говорит: “Больно, Егор”. А я и не знаю что сказать. Вытащил из-под гимнастёрки томик Есенина, вы же знаете, я Есенина люблю, и дал ему книжку эту. “На, не плачь, — говорю. — Почитай пока”. Он взял и даже улыбнулся вроде, а тут снова “духи”. Когда снова пришёл, он уже умер. Так с раскрытой книжкой в руках и умер. Вот она, видите эти пятна, Надежда Петровна? Это кровь Сашкина была.

Егор положил перед Надеждой Петровной маленький томик, она взяла его в руки и, не открывая, погладила её.

Егор взглянул на неё, вздохнул и сказал:

— Не уберёг я Сашку, Надежда Петровна, извините. Мы многих тогда не уберегли. А я сам вот через месяц снова в переделку попал, вот таким и вернулся. Надежда Петровна, а можно мы с вами Сашку помянем, хороший он парень был.

И Егор вытащил из внутреннего кармана маленькую “чекушку” водки и поставил на стол.

— Конечно, Егор, — отозвалась Надежда Петровна и поставила перед ним две рюмки.

Егор разлил водку в них, полез в карман пиджака, что-то достал и, протянув руку перед Надеждой Петровной, раскрыл ладонь — и перед ней упали на стол пятиугольный орден и две медали.

— Вот, навоевал! — сказал Егор. — Ну, помянем!

Они выпили и помолчали. Потом Егор заговорил:

— Вы не думайте, Надежда Петровна, что этим усугубляю! Нет! Я сразу понял, если этим баловаться, то пиши пропало. И работаю я, по ремонту обуви. Будку видели, что на углу у гастронома стоит, там я сижу. Вам ничего из обуви починить не нужно, так я вам бесплатно! А ещё вот по вечерам на часовщика выучился, и ключи-дубликаты делать, совсем универсал буду. Правда, хорошо!

— Конечно, Егор! Особенно, что не пьёшь.

— Да что я! — оживился Егор. — Помните батю, ну он ещё пару раз пьяный в школу к вам приходил, и мать, был такой за ним грех, нередко поколачивал. Так я как вернулся, он вчистую с водкой завязал! Мать не нарадуется. Он всё меня обхаживает, говорит: “Я горжусь тобой, сын!”, мол, не позорил, хвастает, где может. А сам, я пару раз видел, плачет. Жалко его.

— А награды почему не носишь? — спросила Надежда Петровна, подливая Егору чай.

Егор замотал головой и показал на сердце.

— Тяжело, Надежда Петровна. Тут бы забыть это всё.

— Понятно, — сказала Надежда Петровна и, коснувшись руки Егора, попросила: — Егор, почитай из Есенина, пожалуйста.

Егор немного задумался, положил руку на книгу и, не раскрывая её, начал:

*Есть светлая радость под сенью кустов
Поплакать о прошлом родных берегов
И, первую проседь лаская на лбу,
С приятною болью пенять на судьбу.*

Когда он закончил читать, Надежда Петровна ласково взглянула на него:

— Да, Егор, ты действительно любишь Есенина.

— Почему это действительно? — спросил Егор.

— Ну, Есенина любят многие. А если попросишь что почитать из его стихов, то это обязательно что-то из “Персидских мотивов” или “Москвы кабацкой”, а ты вон какие знаешь. Молодец! — похвалила Надежда Петровна, а потом вдруг прибавила: — А ты ведь, Егор, не просто так ко мне пришёл, верно?

Егор пытливо взглянул на неё:

— А вы почём знаете?

— Да уж знаю. Не зря же сорок лет среди людей работала, научилась понимать. Ну, говори.

Егор снова взглянул на неё, подставил руку под подбородок и наконец заговорил:

— Тут такое дело, Надежда Петровна. Сижу я как-то в своей будке, на работе значит, и заходит ко мне Лена Сенина, знаете такую, она на класс ниже нас училась, помните?

— Знаю, помню, — согласно кивнула Надежда Петровна. — Да ты говори.

— Да не знаю я, как это говорить-то, — засмутился вдруг Егор. — Мы, пока её заказ делал, поговорили так малость, а она вдруг меня ошарашила: “Возьми меня замуж, Егор, я тебя ещё девчонкой в школе любила”.

— М-да, — проговорила Надежда Петровна. — Ну а ты-то что, Егор?

— А что я? Сказал ей, чтобы она эту дурь из головы выбросила, ну и пару хороших. Не матерился, конечно, так, ну как это? Красноречиво, вот.

— А Лена? — спросила Надежда Петровна.

— Ну, понятное дело, психанула. Смотрю: слёзы на глазах, схватила свои сапоги и убежала.

— Вот так история! — протянула Надежда Петровна.

— Была бы история, так нет! — возразил Егор, махнув рукой. — Через неделю снова пришла. Молчит, сунула мне туфли и потребовала, чтобы я их чуть ли не новыми сделал. Такого наговорила, так легче новые купить. И села и молчит. А я глянул, так и туфли-то не её! Чьи, говорю, притащила? А она: мол, у подружки взяла и теперь каждую неделю вот так ко мне приходить будет. Что и делать с ней, не знаю, Надежда Петровна. Она институт заканчивает, ей учиться надо, вы же знаете, как она хорошо училась, а у неё такое в голове! Пожалела, понимаешь ли!

— Да, хорошенький вопрос. Ну что, Егор, тебе я скажу, конечно, ты прав. Сердцу не прикажешь. Любовь — она не всем даётся. Надо ей сказать, чтобы она эту дурь из головы выбросила.

— Кому, ей? — опешил вдруг Егор. — Вы что, Надежда Петровна, хотите сказать, что она меня любит?

— Значит, любит, — ответила Надежда Петровна.

Егор задумался:

— Нет, тут что-то не так! Пойду-ка я домой, Надежда Петровна!

Он вскочил, взял из рук Надежды Петровны костыли, собрал награды и книгу со стола и прошёл в прихожую, где ловко обул свою обувь.

— Ладно, Надежда Петровна! Не поминайте лихом! Авось, бог даст, свидимся!

— Обязательно свидимся, — ответила Надежда Петровна. — Где ты, говоришь, работаешь? На углу у гастронома? Так я буду сама к тебе приходить. А так, ты зря всё это делаешь, Егор.

— Что зря, Надежда Петровна?

— Не дели, Егор, людей на троечников и отличников. Вот ты спросил, кто из них чаще приходит ко мне, и знаешь, чаще всего приходят добрые ребята. Какая разница, как они учились? Вот сегодня ко мне ты пришёл. И Лена приходила недавно.

— Лена? — удивился Егор. — Как Лена? Она же у вас не училась?

— А вот и пришла. С тобой вот просила поговорить, а ты и сам пришёл. Поговорили. Жалко, конечно, девчонку, любит она тебя и вовсе не жалеет.

— Как любит? Надежда Петровна, как же она любить-то меня может?

— Так и любит! А что ты хотел, Егор? На танцы ты не ходишь, на вечеринках не бываешь, что ей оставалось делать? Ладно, Егор, я, конечно, с ней поговорю, если ты так.

Егор опустил голову. Он помолчал немного, взглянул на Надежду Петровну, обнял рукой её голову и приглушённо попросил:

— Не надо ей ничего говорить, Надежда Петровна, пожалуйста, не надо! Я ведь не знал, не думал...

Недоговорив, он повернулся к двери и, дождавшись, когда Надежда Петровна открыла замок, исчез в дверном проёме.

Надежда Петровна хотела уже закрыть дверь, когда вдруг услышала его голос:

— Надежда Петровна!

— Да, говори, Егорушка!

— Надежда Петровна, а если я вас на свадьбу приглашу, вы придёте?

— Первая приду, Егор, — ответила она.

— Так я вас обязательно приглашу! — услышала она, и по лестничным пролётам снова застучали костыли её позднего гостя.

г. Сатпаев

Карагандинской области.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-7 за 2011 год)

2 ноября 1996 года

Был на совещании у акима области, где обсуждались проблемы “малой” приватизации. Речь шла о 700 объектах, в том числе 230 сельских: это клубы, бани, магазины, библиотеки и другие непрестижные учреждения. Акимы нескольких районов отчитывались о том, почему их продажа идёт недопустимо медленно. Объяснение у акимов было одно: завышена первоначальная стоимость объектов. В пример приводился клуб в селе Кузьмино Железинского района с заявленной продажной ценой в 110 тысяч тенге, хотя ему уже 30 лет. В 76 тысяч тенге оценена баня в Пятерьжске... И таких примеров, говорили акимы, больше чем достаточно. Не помогают и льготные кредиты, выделяемые для покупок такого рода, и трёхлетняя отсрочка на оплату.

Д. К. Ахметов дал задание территориальному комитету по госимуществу и приватизации в течение десяти дней разобраться по каждому объекту, вынесенному на торги, установить на них минимальные цены или даже передавать их желающим безвозмездно, но “с условием сохранения действующего профиля приватизируемого строения”.

Приватизация сельской социальной сферы — мера вынужденная: у государства нет средств для содержания этих объектов, а сами себя они не окупают. Но если перейдя в частные руки, смогут окупить себя в малом селе магазин (почти наверняка) или баня (далеко не всегда), то клуб или библиотека всегда будут заведомо убыточными, если ставится задача сохранить их профиль. Что-то тут опять недодумывают наши реформаторы, и с таким подходом скоро у нас не останется в отделенческих сёлах ни клубов, ни библиотек. Хорошо ещё хоть школы не приватизируют...

На совещании у премьер-министра А. М. Кажегельдина обсуждался ход реабилитации тракторного завода. Д. К. Ахметов на этом совещании не только отчитывался, но и предлагал новые идеи по выводу его из кризиса. Сдвиги на предприятии есть, притом очевидные: увеличилось производство тракторов, в разы — выпуск запасных частей стального и чугунного литья, а убытки, наоборот, снизились, получена небольшая прибыль.

Однако реализация тракторов за “живые” деньги по-прежнему идёт туго (у селян их попросту нет, а обещанный правительством лизинг так и не налажен), выделенных для санации денег явно недостаёт, нечем рассчитываться и за ранее взятые кредиты...

Аким области настаивал на сохранении завода ещё, кстати, и потому, что для его ликвидации денег понадобится больше, чем для поддержания производства. К тому же нельзя не видеть сделанного на заводе в последнее время. Премьер дал поручение подготовить решение о финансировании предприятия

через систему лизинга (30 процентов требуемого объёма средств). На будущий год запланировано выпустить четыре тысячи тракторов (это больше, чем в этом году), что позволит заводу удержаться на плаву и сохранить коллектив. Заводу также разрешено реализовывать часть тракторов самостоятельно для приобретения нужных ему ресурсов.

Новости эти хорошие, и не только для самих заводчан...

Население России в этом году уже сократилось на 350 тысяч человек — главным образом из-за того, что умирает людей больше, чем рождается. И это при том, что в Россию в последние годы хлынул поток переселенцев из республик бывшего Союза, но и они не покрывают естественную убыль.

Минус 350 тысяч за десять месяцев. Это если бы враз не стало целого Павлодара...

Когда российские “архитекторы” реформ долдонят о какой-то макроэкономической стабилизации в стране, неплохо было бы им напоминать эту цифру.

“Известия” дали материал о самоубийствах людей, доведённых до отчаяния тяготами жизни. Рабочие, мастера “золотые руки” бросаются с заводских крыш. Вешаются и стреляются, вспарывают себе животы, обливают себя бензином и поджигают... Адреса — Таганрог, Сочи, Кострома, Киров...

“Я больше не могу. Всем надо дать, а нечего. Выход один — умереть... Простите”. Такую записку оставил, покончив с собой, директор разорённого совхоза Н. Шастов из Кировской области.

Застрелился директор Федерального ядерного центра В. Нечай — и от отчаяния, и в знак протеста против безразличного отношения властей к нуждам науки.

И только никто из идеологов и вершителей рыночных реформ в России не покончил с собой. Не потому ли, что им всем (во всяком случае большинству) и сегодня неплохо живётся.

3 ноября

Побывав недавно в областной больнице, аким области был неприятно поражён тем, что, оказывается, больных здесь подчас не только не лечат (нечем!), но и практически не кормят. Узнав, что подобное положение с питанием и в городских больницах, аким распорядился заменить руководство горздравоотделом (почему, мол, не били тревогу?) и поручил финансовым службам и департаменту сельского хозяйства наладить полноценное питание не только во всех больницах, но и в школах, других социальных учреждениях. Рекомендовано, в частности, иметь при каждом таком учреждении овощехранилище. Как будто одним махом можно решить проблему питания при всех существующих нехватках... Про те же школы, в которых перестали кормить детей, мы писали, писали...

Всеукраинское политическое объединение “Державна самостийность України” заявило, что соорудит и установит в стране бюст Гитлера, если правительство Украины не примет до нового года решение о демонтаже всех существующих здесь памятников Ленину.

Нескучно живут братья-украинцы...

4 ноября

Из подборки откликов читателей на послание президента народу Казахстана...

Известный бригадир строителей Н. Меньшиков:

“... Прочитал в послании, что Казахстан уже признали 117 государств мира, в столице открыто 40 посольств. Это хорошо, что нас уважают, вот только плохо, что в самом нашем государстве не всегда уважают своих граждан-тружеников, кормильцев, созидателей...”

Рабочий С. Черета: “Много лет проработал на тракторном заводе, всегда был на хорошем счету. Теперь в моих услугах там не нуждаются. На алюминиевый и нефтеперерабатывающий не устроишься. Торговать не умею, да и не хочу. Хочу работать своими руками и зарабатывать. Но сегодня я этой возможности лишён...”

Р. Иванова: “Мы, учителя средней школы колхоза “Победа”, в последний раз получали зарплату за май, отпускных не было вовсе... Мы просто в отчаянии и хотим знать — известно ли областным и республиканским властям о катастрофическом положении учительства?”

Коммунист П. Гарин: “... Нужно оградить поколение, создавшее могучий Советский Союз, победившее в Великой Отечественной войне, от незаслуженных упреков в ностальгии по прошлому. Да, мы жалеем прошлое, ведь там, наряду с трудностями, было и немало хорошего, светлого, созидательного. Мы бы рады поддержать и нынешнюю политику государства, но пока все наши силы и помыслы направлены лишь на элементарное выживание. Вот и живём воспоминаниями, но такой ли это большой грех?”

Есть, впрочем, и одобрительные отклики: президент решился на трудный, но честный диалог; без потерь не бывает обретений, главное — мы живём в мире... А. Ф. Рагузов пишет: “Не понимаю тех, кто без конца ноет — как плохо жить. Встряхнитесь и оглянитесь — сколько вокруг возможностей! Инженером я тянул кое-как от полочки до полочки. Теперь зарабатываю, сколько надо моей семье, выкладывая в квартирах плитку, мозаику, научился делать и витражи, учусь делать мебель... На ногах стою крепко, и теперь мне никакая перестройка не страшна! Сначала нужда заставила думать и действовать, а теперь я про ту нужду и думать забыл”.

Что ж, такая позиция тоже заслуживает уважения.

Отличные записки трудармейца написал П.В. Лефлер — настоящая документальная повесть. И что удивительно: пишет он о временах очень трудных, но как-то так пишет, что остаётся, скорее, светлое ощущение. Есть “кусочки”, которые так и просятся в мои “блэски”. Так, например, трудармейца Шейнека более всего угнетало то, что, если ему не удастся вернуться домой, останется без потомков весь его род. Он плакал и причитал, повторяя: “Ведь я последний из Шейнеков”.

5 ноября

З. А. Суворова ездила в Успенку и написала материал о грядущих кардинальных преобразованиях в сельском хозяйстве. Успенский район по-своему уникальный, второго такого в области нет: все здешние хозяйства, за исключением одного, колхозы. Понятно, что и в них господствовала государственная собственность, но всё-таки была и какая-никакая местечковая демократия, председателей выбирали (разумеется, с благословения райкома-обкома партии), они регулярно отчитывались на колхозных собраниях, имели право на некоторую хозяйственную самостоятельность. Может, ещё и поэтому порядка в делах на фермах и полях в колхозах было, пожалуй, побольше, чем в совхозах, и большинству колхозов удавалось в советские времена оставаться рентабельными.

Неслучайно прежний аким района Виктор Дмитриевич Глазырин — в прошлом один из лучших колхозных председателей — до последнего держал оборону в “колхозном краю”, не давая реформировать (читай — разваливать) хозяйства. По сути он как был когда-то, так и остался председателем, но не колхоза, а

целого района, живущего при нём по “колхозным правилам”. Своей крестьянской душой Глазырин чувствовал, что нынешние реформы — не на пользу, а во вред делу, которому он посвятил жизнь. И, может, счастье Виктора Дмитриевича в том (как ни кощунственно это звучит), что он умер, прежде чем колхозы стали уходить в небытие.

Логика реформаторов проста: госпредприятий (совхозов) на селе, за малым исключением, быть не должно, коллективной собственности по закону теперь тоже нет... К тому же совхозы-колхозы — сплошь убыточны, и государство больше не может их поддерживать (хотя во многом благодаря бездарной государственной политике они оказались в долговой яме). А посему колхозы должны быть реформированы: каждый колхозник получит имущественный пай (полагающуюся ему долю общеколхозной собственности) и земельный пай. А дальше живи как хочешь! Хочешь — хозяйствуй самостоятельно, нет — объединяйся с другими, создавай крестьянское хозяйство (по сути тот же мини-колхоз) и т. д. и т. п.

Аким района Г. Л. Воронин говорил Зое Алексеевне, что не хотят “разбегаться” ни колхозники, ни специалисты. Они же видят, что творится вокруг, и хорошо понимают: в одиночку не выжить. Тем более что есть уже опыт деления: колхоз “Маяк” в прошлом году поделили на 12 крестьянских хозяйств. Итог: весной они смогли засеять лишь десятую часть прежних колхозных полей, животноводческие базы, мехток разграблены, значительная часть техники разворована. В разы сократилось производство продукции. А значит, нет дохода. Люди разбегаются: за год население бывшего колхоза сократилось на четверть и продолжает сокращаться. Там же, где держатся вместе, да ещё толковый руководитель в придачу, как А. А. Касицын в бывшем “Глазыринском” колхозе, хоть и затягивают потуже пояса, но выживают...

Когда-то преимуществом района была значительная прослойка немецкого населения — работающего и дисциплинированного. Теперь несомненный “плюс” обернулся сильнейшим “минусом”: немцы уезжают целыми семьями в Германию, а равноценной замены им нет и не может быть.

И хоть Зоя Алексеевна, как и её собеседник, пытались нарисовать хоть сколько-нибудь оптимистическую картину реформ на селе, она вырисовывалась больше безрадостной...

Из той же “серии” корреспонденция Ю. А. Ковхаева, побывавшего в Калкамане, на заводе “Дормаш”. В лучшие времена каждый третий бульдозер в СССР был “дормашевским”, а всего их выпускалось в год до 15 тысяч. Работало здесь около тысячи человек, сейчас осталось около трети, и то по списку, а фактически примерно пятая часть. В цехах — тишина, завод стоит. Это при том, что заявки на его продукцию есть, и предприятие могло бы выпускать по 30 бульдозеров в месяц, а также другую нужную продукцию — навесное оборудование, погрузчики, ножи для автогрейдеров, запасные части, гвозди, крышки для домашнего консервирования и многое другое. Но у потенциальных потребителей, которых пруд пруди, нет денег на оплату. А бартер положение не спасает.

Ко всему прочему тракторный завод, бывший партнёр “Дормаша”, поставлявший ему гусеничные машины, на которые в Калкамане навешивали бульдозерные ножи, стал теперь конкурентом — выпускает бульдозеры сам...

Так что перспективы “Дормаша” более чем туманны. Остались тут лишь те, кто пока не нашёл работу где-то в другом месте, или те, кому некуда идти. Нормальной зарплаты люди не видели три года: то какие-нибудь продукты выдадут, то китайский ширпотреб, то семь-десять процентов месячного заработка...

На заводе “Дормаш” держался в значительной мере и весь посёлок Калкаман, его социальная сфера, которая стремительно разваливается. В прошлую

зиму из-за аварии почти все здешние многоэтажные дома не отапливались с середины февраля по начало марта.

В эти дни доведённые до отчаяния калкаманские пенсионеры пикетируют поселковую администрацию и грозятся перекрыть автомобильную трассу. Не будет в Калкамане завода — не будет доброй половины посёлка. И эта перспектива вполне реальна.

Кажется, писал уже: когда-то П. А. Побережников в подпитии частенько “докапывался” к С. П. Шевченко: “Сергей, когда ты уже, наконец, перережешь пуповину телевидения?”. П. А. возмущало, что С. П., уже не один год работая в газете, в душе отчасти всё ещё остаётся телевизионщиком. Вот и мне кто-то может, наверное, сказать, читая эти записки: что ты всё о России да о России, ты ведь гражданин Казахстана, а ей как не было, так и нет дела до тебя и таких, как ты... Что дела нет — правда, но вот тоже никак не могу перерезать пуповину, крепко связывающую меня с Россией...

Поэтому опять о ней, а вернее, о нравах, царящих на российском политическом Олимпе. Влиятельная газета “Файнэншл таймс” прямо пишет о том, что назначение Бориса Березовского на пост заместителя секретаря Совета безопасности России стало своего рода платой за его заслуги в победе Ельцина на президентских выборах. Березовский и ещё шесть банкиров дали на финансирование избирательной кампании Ельцина три миллиона долларов, получив взамен такие выгоды и привилегии, которые другим и не снились. Кто-то остроумно окрестил нынешнюю форму правления в России “семибанкирщиной”. И не без основания: влияние этой могущественной олигархической группы простирается не только на экономическую, но и политическую линию Кремля. В частности, генерал Лебедь, заявивший, что за провалом мирного соглашения с Чечнёй стоит Березовский, чья финансовая империя наживается на войне, был изгнан из Совета безопасности, а Березовский в него вошёл...

В России всё валится, но в Кремле до этого, похоже, никому нет дела. Фермеры страны в очередной раз бьют челом главе правительства В. С. Черномырдину: “1996 год ознаменовался почти полным отказом от какой бы то ни было поддержки фермерства. Они получили лишь 6,4 процента от предусмотренных на этот год бюджетных средств...”.

Какая может быть поддержка, если не всё ещё в России поделено, не всё прибрано к рукам?

6 ноября

В “Труде” некоторые подробности самоубийства учёного-ядерщика с мировым именем, директора Российского федерального ядерного центра — Всероссийского НИИ технической физики Владимира Нечая...

Закрытый город “Челябинск-70”, некогда вполне благополучный — со снабжением, государственным финансированием, работавший на Центр, стал с 1992 года стремительно разваливаться: городское хозяйство, вся инфраструктура, поскольку государство резко сократило выделение средств для “кузнецов ядерного щита страны”. Директор не сидел сложа руки, стучал во все двери — от областных до столичных, пытался брать кредиты, займы, но нигде не находил поддержки. А кое-где в столичных кабинетах слышал, что, может быть, России и не нужен “Челябинск-70”, достаточно ей “Арзамаса-16”.

Люди, хорошо знавшие В. З. Нечая, отзываются о нём как о человеке уравновешенном, здравомыслящем. Его с распростёртыми объятиями приняла бы любая развитая страна мира. А он пустил себе пулю в висок, сидя в рабочем кабинете...

Кто ответит за его смерть? Как водится сегодня — никто...

7 ноября

Приближается звёздный час А. Н. Острового: новый завод, строительства которого он добивался не один год, практически готов к пуску. Только сам Александр Николаевич знает, чего это ему стоило! Он уверяет, что очень скоро качественная павлодарская водка вытеснит с местного (и не только) рынка “Роял”, “Распутина” и прочую заморскую гадость, выпускаемую исключительно для республик бывшего СССР.

Надо будет узнать у А.Н. — останется ли в производстве сверхпопулярная и недоступная большинству водка “Посольская”?

Самый большой в мире угольный разрез “Богатырь” достался американской компании “Аксес индастриз”. Её президент (кажется, югослав по происхождению) Л. Блаватник приезжал в Павлодар и вместе с акимом области ездил в Экибастуз. Обещает вовремя платить зарплату угольщикам, которые, похоже, в нынешнем положении готовы “отдаться” кому угодно — только бы платили.

О сумме сделки ничего пока не сообщается.

На областном совещании обсуждалась проблема бюджетных долгов совхозов и колхозов, которые не спешат возвращать кредиты, взятые весной и летом для приобретения горючего и запасных частей. Было прямо заявлено: у тех, кто долги не вернёт, их будут изымать принудительно зерном, скотом, техникой — вплоть до расформирования хозяйства. Однако уже подсчитано: одним зерном долги не погасить, его не хватит, по меньшей мере, сорок тысяч тонн... Определено 46 хозяйств — кандидатов в банкроты, хотя никто ещё не знает, как будет проходить эта процедура.

После этого совещания у меня осталось впечатление, будто завтра жить селу уже не надо будет. Ведь ясно же, как белый день: массовое банкротство бывших совхозов и колхозов не улучшит, а ухудшит экономику села. Иногда наши реформаторы напоминают мне студентов-медиков, препарирующих лягушек и подключающих к ним электроды: а что будет в таком случае, а как будет реагировать подопытная на такие действия? Судьба же самой лягушки экспериментатора нисколько не волнует.

Хорошо написала О. Григорьева про детского хирурга В. И. Мишуркина, который истине творит чудеса, да ещё в условиях дефицита всего и вся. Как это часто бывает, до собственного здоровья у него “руки не доходят”: в прошлом году перенёс тяжёлый инфаркт. Восемь месяцев не работал, теперь опять оперирует.

Всё собираюсь с ним познакомиться...

Россия продолжает удивлять мир. Оказывается, заместитель секретаря Совета безопасности (человек, обладающий стратегическими государственными секретами) Б. А. Березовский (тот самый!) ещё в 1993 году вместе с женой и двумя детьми получил израильское гражданство. И даже жил там, во всяком случае, по документам, получая льготные пособия больше года. Потом уехал, но гражданство Израиля сохранил.

В России день 7 ноября объявлен “Днём согласия и примирения”. Уж лучше бы отменили, как в Казахстане. Как можно примирить то, что в принципе непримиримо?

На фоне пошлых объявлений в частных газетах многочисленных желающих “спариться” (во всех мыслимых и немыслимых вариантах) поразительно целомудренными и трогательными выглядят “строки из писем”, публикуемые З. А. Суворовой в нашей странице “Мир семьи” от одиноких людей, желающих обрести вторую половину, помощника, друга... А мне французский любовный гороскоп на будущую неделю обещает всякий словесный винегрет, в котором ничего невозможно понять. Кроме того, что Рыбы будут буруеваемы страстями, порой взаимоисключающими.

8 ноября

Был дома у Шаферов — Наума Григорьевича и Натальи Михайловны, отдавал им на суд рукопись небольшой книжки “малого” жанра, у которой ещё нет названия. Не ожидал такой искренней, доброжелательной оценки. Н.Г. цитировал некоторые новеллы, сделал записи. Шаферы помогли мне утвердиться в том, что “иду верной дорогой” (это их слова). Как мне важна эта их поддержка!

Ю. А. Ковхаев, зная о наших добрых отношениях с С.П. Шевченко, просил его повоздействовать на меня: мол, к Поминову у меня претензий нет, но вот его ближайшее окружение делает всё, чтобы “Ковхаева устранить...”. Хотя мы с Ковхаевым уже обо всём договорились, и условия для работы ему предложены такие, каких ни у кого нет. К моменту разговора С. П. Шевченко уже знал об этом и сказал Ю. А. Ковхаеву, что ему грех жаловаться...

Необычную акцию протеста провели пенсионеры города Уштобе. До этого они неоднократно проводили митинги, требуя выплаты пенсий, которые им не выдают уже полгода. В последний раз к ним вышли заместитель акима области, прокурор области, представители городских властей, стали объяснять, почему не платят пенсии, обещая в ближайшее время погасить долги. Но на сей раз уговоры не помогли, и 500 разгневанных пенсионеров, пройдя по улицам Уштобе, блокировали местную железнодорожную станцию. Расположившись прямо на рельсах, они просидели там до трёх часов ночи. Было задержано движение пяти пассажирских и товарных поездов.

К утру пенсионеры отправились домой, пообещав вернуться, если деньги не будут выплачены. В прокуратуре области акция протеста признана незаконной. И никто не говорит о нарушении прав пенсионеров, лишённых средств к существованию.

10 ноября

Заходил Феликс Аронович Тарасуло, наш давний автор, известный павлодарский педагог и к тому же Димкин учитель. Их класс писал сочинение по истории, и Феликс Аронович передал мне Димкино, заметив, что оно выбивается из общего ряда. Задача была — рассказать об увиденном на картине художника Е. Моисеенко “9 мая” и о навеянных ею впечатлениях.

И вот что Димка написал:

“На картине изображено празднование семьёй 9 мая, дня Победы.

... Встал дедушка, сказал: “За нас, за нашу победу!” — и выпил. Все повторили: “За нашу победу!” — и тоже выпили. Я взял стакан с лимонадом, сказал: “За победу!” — и отпил немножко. Все развеселились, стали наливать по второй. Дедушка повернулся ко мне:

— Я пошёл на войну в двадцать три года. Война, внучек, страшное дело. Война — это кровь, стоны, боль. Поэтому я сейчас отдаю тебе мир и ты сохрани этот мир и отдай своему внуку.

— Давай! — пропищал я и протянул к дедушке руки, сложив их лодкой. Дед засмеялся, сказал: “За мир!” — и выпил. Все повторили: “За мир!” — и выпили. Я сказал: “За мир!” — и выпил.

Стали наливать по третьей. Дедушка повернулся ко мне:

— Ты уже большой, внучек. Пять лет — хороший возраст. В пять лет я уже пас гусей. Мы в детстве голодали. Ты же кушаешь вдоволь. И, прошу тебя, ешь пока можешь, наедайся до отвала! В войну мы ели мало и плохо. Но мы завоевали хлеб себе и вам. Поэтому — за вас, за наше будущее, — сказал он и выпил.

“За вас”, — повторили все и выпили. Дедушка вдруг сел и заплакал. Я подошёл к нему.

— Дед, ну ты чё, дед?.. На, — сказал я и протянул ему стакан с лимонадом.

— Спасибо, внучек, — сказал он, отпил и тихо добавил: а, ведь, наверное, именно за это я и воевал!

Потом мы пошли к Вечному огню, я сидел у деда на шее и кричал: “Ура! Ура!”. Потом он купил мне мороженое, и я съел его, весь обмазавшись. Потом дед встретил знакомых и отправил меня домой.

Моего дедушки уже давно нет, но я помню этот разговор в день Победы, 9 мая. Недавно отец напомнил мне об этом разговоре. И я понимаю чувства деда сейчас умом так, как тогда понимал их сердцем”.

Спасибо Феликсу Ароновичу за этот подарок. Думаю, и деду, которого Димка если и помнит, то наверняка очень смутно (главным образом — как ему нравилось ползать по необъятному животу деда, лежавшего на полу), сочинение внука понравилось бы тоже. У меня, во всяком случае, оно едва не выжало слезу.

Добавление из 2009 года. Через несколько лет я задумался над тем, что ощущали в те смутные времена мои дети, что осталось из тех лет в их собственной памяти? И я попросил всех троих написать о самых ярких впечатлениях их собственной жизни, о том, что больше всего занимало их в ту пору, когда у отца не доходили до них руки. И каждый, правда, не без моего поддавливания, прислал свои воспоминания. Разные по форме и содержанию, но также рисующие картины той нашей жизни. Поэтому я тоже включаю их в “Хронику” — по степени старшинства.

Данил

Реинкарнация

Мне, наверное, лет пять, хотя, может быть, и семь. Хорошо помню место — около нашего дома, мы идём с матерью, и свои ощущения — меня распирает от гордости, что я самостоятельно постиг, понял что-то важное. Как стали говорить лет через пятнадцать — “зашарил!”.

Из желания продемонстрировать свою интеллектуальную мощь, и лишь отчасти чтобы подтвердить правильность догадки, спрашиваю:

— Мам, а вот человек живёт всю жизнь, потом умирает, а потом он ведь снова рождается?

Мать как-то странно на меня смотрит и осторожно говорит:

— Ну, вообще-то нет..

Я несколько обескуражен таким поворотом событий, но тему развивать не стал — видимо, к маминому облегчению. Детский мозг занимает какая-то другая мысль...

Требуха

Бабушка стала жить с нами в новой квартире, когда я пошёл в третий класс. Мне кажется, вписалась в состав нашей семьи она гармонично. И привнесла некий деревенский колорит — в том числе кулинарный.

Не помню, чтобы приезжая к ней в гости в деревню, я ел или видел это блюдо. Когда она сварила требуху у нас, мы — городские, дружно стали воротить

нос. Это ведь, если не ошибаюсь, говяжий желудок — выглядит ужасно, да и пахнет...хм, специфически.

Но, попробовав сначала в пирожках, потом прокрученную через мясорубку, потом просто поджаренную требуху, мы поняли — деликатес ещё тот!

Пошли как-то на футбол с моим другом-казахом Нуриком и его отцом. Угостили их пирожками, которые бабушка с собой завернула. Они ели-нахваливали, потом отец Нурика спрашивает:

— А с чем пирожки-то?

Я говорю:

— Да с требухой!

Он расхохотался, и потом часто эту историю вспоминал и рассказывал.

Потом, я уже жил в отдельной квартире, попался мне этот продукт — дай, думаю, сам устрою кулинарный праздник! А назывался он тогда в магазине уже более благородно — рубец.

Купил, звоню бабушке:

— Баб, привет! Хочу рубец приготовить, скажи рецепт.

— Да засыпь его солью, пусть дня три постоит.

Я удивился — никогда не видел такого, но думаю, надо рецептуру соблюдать. Через день заходит мама в гости, спрашивает:

— А что тут у тебя... пованивает?

Я ей рассказываю историю. Она тоже в удивлении, начинаем выяснять. Оказывается, бабушка поняла, будто я хочу сало засолить — сделать рулет. Требуха она и есть требуха — какой ещё рубец?! Так что изысканный ужин в тот раз не удался.

Через несколько лет, оказавшись в Москве на банковской тусовке в приличном болгарском ресторане, я обнаружил в меню горячую закуску — жареный рубец. Причём по какой-то невообразимой цене, когда-то я за сопоставимые деньги полмесяца работал.

Заявив окружающим, что это блюдо моего детства, я его заказал. Увы, небольшая порция сильно зажаренных мелких кусочков не имела ничего общего с потрясающей детской вкуснятиной.

Ещё жену давно обещаю накормить требухой — так что будет продолжение истории!

Ядерная угроза

Лет в 10-12 я был очень политизированным ребёнком — или, скорее, подростком. В "Пионерской правде" уже на исходе развитого социализма стращали Америкой, дед материл Рейгана (что бы он сказал про нынешнего недоразвитого Буша — не представляю), в школе регулярно загоняли в подвал, репетируя действия при ядерном взрыве.

Как-то я принимал всё это близко к сердцу. Был ответственным за политинформации в классе — была такая дурацкая процедура раз в неделю отчитаться за события в стране. Хотя назначили им, вернее всего, из-за родительской профессии.

Помню состояние тупого оцепенения, когда прочитал, что Советский Союз возобновил испытания ядерного оружия. Ну всё, думаю, теперь точно скоро придёт в подвал лезть по-настоящему. Послал на конкурс политической карикатуры в ту же "Пионерку" свой шедевр: на западном полушарии глобуса стоит типичный пузатый буржуй в котелке и бросает очередную боеголовку вниз в сковородку, на которой очертания штата и надпись — Невада. Вроде того, что Землю собирается поджарить.

В общем, напрягало это меня совершенно не по-детски — но пока, слава Богу, обошлось. Сейчас думаю, что сверстникам моим в абсолютном большинстве тревоги эти были неведомы — что, в общем-то, и правильно.

Орудие самаритянина

Жила наша семья вплоть до моего совершеннолетия довольно-таки скромно, если не сказать бедновато. Когда я стал обращать внимание на свою одежду и другие вещи, выяснилось, что большинство сверстников гораздо лучше “упакованы”.

Вспомнил я об этом в контексте рассказа потому, что классе в третьем у меня появилась хотя и не модная и не какая-нибудь фирменная, но совершенно потрясающая и стильная хоккейная клюшка. Сделана она была полностью из металла, а в нижней части (которой ударяют по шайбе) были просверлены два ряда дырочек — то ли для облегчения орудия, то ли чтобы снег не задерживался.

Хоккеист из меня был неважнецкий, но однажды клюшка пригодилась. В то время, когда улица Набережная заканчивалась нашим высотным домом, а дальше оставался ещё “частный сектор” — старые домишки, в ближайшем из них жила знакомая девчонка. В моих действиях не было никакого романтического подтекста, ибо была девчонка толстовата и глуповата. Видимо, такой же нерасторопной была и вся их семейка, потому как весной перед воротами их дома образовалась просто огромная лужа, которая захватывала и двор дома, и, возможно, сам дом. Хозяева пробирались домой по сложной системе досточек, но видимых усилий к осушению “водоёма” не прилагали.

Как-то, играя около их дома, я подумал, что можно из этого озера сделать ручеёк к Иртышу — до него было метров сто, а работы было метров на 30 — дальше начинался естественный уклон. Сгоняв домой за своей грозной клюшкой, я принялся ею выдалбливать во льду и проковыривать в земле дорогу для воды.

Часа через три азартного долбежа дело было сделано, и неширокий, но бурный поток воды устремился в речку. На следующий день лужа уменьшилась в два раза, а через несколько дней осталось лишь небольшое озерцо под воротами, откуда вода уже не вытекала.

Теперь, если по слабости или излишней доброте приходится делать какое-нибудь благое дело — иногда вопреки здравому смыслу и собственным интересам, жена с сарказмом говорит:

— Ну конечно, ты же ещё в детстве делал добрые дела своей железной клюшкой...

Дмитрий

Деда Митя

Самое, пожалуй, раннее воспоминание детства — деда Митя. Помню, как он лежит на спине, а я, ещё совсем маленький, ползаю по его животу. Было весело, очень тепло и уютно. Под тобой — что-то большое, доброе и тёплое.

Больше про деда Митю я вообще ничего не помню. Он умер, когда мне было 5 лет.

Удар тапкой

Классе во втором-третьем меня первый и единственный раз в жизни ударил отец. Даже не ударил, а шлёпнул тапкой. Уже не помню за что, помню только, что я чувствовал — отец не в духе, лучше не огрызаться (кажется, меня за что-то ругали). Чувствовал, а продолжал “нарываться”. Ну и получил. Помню, было совсем не больно, и даже не обидно, а странное какое-то чувство — оскорбления, что ли. Думал: “Ну, я тебе это припомню...”. Без злости, без желания отомстить в будущем — просто “припомню”, и всё. И вот, уже много лет прошло — и до сих пор припоминаю.

Первая двойка

В третьем классе я получил первую двойку. Это была катастрофа, крушение мира! Произошло событие, которое просто не могло, не должно было

произойти! Это было самое сильное ощущение катастрофы, от того момента и, наверное, до сегодняшнего дня.

Помню, пришёл домой, не зная, что же теперь будет, как жить дальше. Сказал маме — она говорит: “Молодец, что ещё могу сказать! Сейчас, отец придёт...”. Помню, как, не находя себе места, ждал отца. Он пришёл с работы, довольно уставший, и отреагировал достаточно слабо — наверное, были свои проблемы, он тогда недавно стал редактором. Так что даже ругали меня не сильно. Но после этого я недели две сидел на уроках как истукан, прилежнейшим образом складывая “по-ученически” руки. Содержание учёбы полностью заменил формой — не шевельнуться, не дать слабину в форме. Руку поднимал, ставя её ровно перпендикулярно на край среднего пальца левой руки. Отвечая, стоял, вытянувшись по швам. Расслабился, только получив пятёрку двадцать.

Возвращение удочки

Когда я учился классе в пятом, мы купили дачу. Она стояла на самом берегу Иртыша. У нас были удочки, и я часто ходил рыбачить. Было два места — одно напротив дачи, второе, более рыбное — метрах в пятистах. В тот день я пошёл на более рыбное. Поймав рыбки три, пошёл на дачу назад. Тут меня догоняют ребята моего возраста — человек пять. Начали разговаривать:

— Привет!

— Привет!

— Как зовут?

— Дима.

— Где живёшь, куда идёшь?

— Живу на Набережной (улица в городе), иду на дачу.

— А дача далеко?

— Да вон там, минут десять идти.

Ребята немного отстали сзади. Я иду и думаю — вот какой я коммуникативный, общительный и обаятельный, познакомился запросто, поговорил. Настроение отличное. Тут они меня догоняют и говорят:

— Ну, давай удочку.

Я отдаю.

— А теперь — иди!

— Куда?

— Куда хочешь!

И, сворачивая налево, уходят. Я стою, не до конца понимая, что у меня забрали удочку. Мы выросли не в богатстве, но материальные ценности были не главными в нашей семье. И удочку мне было не особо жалко. Было противно, какое-то ощущение предательства, что ли. Вроде познакомился, поговорили нормально...

На дачу пришёл, как оплётанный, со своими тремя чебаками. Мама увидела, что я грустный, спрашивает — что случилось?

— Удочку забрали, — говорю.

— Тебя-то не побили? — сразу заволновалась. А мне — так лучше бы побили! Противно совсем...

Отец говорит:

— Ну пошли.

Взял меня за руку, повёл на место, где мы с ребятами разошлись. Я ему всё рассказал, как было. Он идёт, молчит. Пришли, он осмотрелся, повел меня наверх по берегу — там, оказывается, остановка была автобусная. И мальчишки эти сидят, и удочка моя там. Он меня спрашивает — кто забрал? А я говорю — не помню. Хотя сам помнил, кто. А не говорю — потому что если скажу, вроде как предам их, мы же вроде познакомились и пообщались уже! Вроде как отец — это власть, а мы с ними

— на одном уровне, и хоть они мне и враги сейчас, а если скажу — я вроде как стукач буду. Забрал отец удочку... Одного за ухо взял и говорит:

— Ну, пошли в милицию!

Я вижу — они перепугались все, и заводила не меньше других. Плакать начали... Отец говорит:

— Как же вы? Сначала знакомитесь, потом забираете... Да ещё впятером на одного...

Потом идём с удочкой на дачу. Он говорит:

— Иногда и драться надо уметь, за себя постоять.

А я иду, слушаю и думаю — да тут не в драке дело, я и физической боли никогда особенно не боялся. Я просто не могу понять, зачем так произошло, неправильно это как-то...

Библиотека

Хотя у нас дома очень хорошая библиотека, классе в шестом я пристрастился ходить в юношескую общественную библиотеку. Была в этом своя прелесть — идёшь минут двадцать по морозу, потом берёшь книгу, садишься, читаешь, идёшь домой... Что близко, то не ценишь.

Алиса Селезнёва

Классе в седьмом я посмотрел фильм "Гостья из будущего". Окончательно и бесповоротно влюбился в главную героиню. Перечитал все книги Кира Булычёва с её участием. Начал бегать по утрам. Я хотел быть достойным своей любви — сильным, смелым, умным.

Когда я лет в 18-19 уже успел сильно разочароваться в людях, я узнал, что после выхода на экран фильма "Гостья из будущего" девочке, которая сыграла главную роль, писали письма миллионы мальчишек. И я понял, что в мире много хороших людей, которые, как и я, поверили этому фильму. Тому, что добро должно победить зло. Эти миллионы тоже любили эту хрупкую девочку, хотели защитить её и помочь ей. И пока они есть и их так много — будет и страна жить, и русский дух.

(И дочь свою, родившуюся в 2007 году, Дима назвал Алисой. — Ю. П.).

Как я матерился в туалете

Классе во втором я ругнулся в мальчишеском туалете, при одноклассниках, чтобы произвести впечатление. Сказал слово "параша".

А кто-то из одноклассников рассказал классной учительнице, что я матерился в туалете. Меня отчитали перед всем классом. Помню, было чувство сильного разочарования в людях после этого случая. Я так и не узнал, кто меня сдал.

Пожар

В девятом классе я возвращался из школы домой по берегу Иртыша. Дом наш видно издалека. Иду — и вижу, вроде как у нашего балкона кругом — чёрная копоть. Раз десять, пока шёл, считал этажи — всё не мог поверить, что у нас может быть пожар, что к нам пришла беда.

Всегда верил в лучшее и продолжаю верить. Особенно сильно это вредит, когда чересчур веришь людям.

Государственный переворот

Моё детство совпало с эпохой глобальных политических перемен. Перестройка, развал СССР, образование независимого Казахстана.

Отец был главным редактором областной общественно-политической газеты — так что находился "на острие".

В 1993 году, когда Ельцин расстреливал из танков парламент, и это показывали по телевизору, пришёл отец. Я побежал в коридор его встречать и кричал,

прыгая: “Государственный переворот в Джунгахоре! Государственный переворот в Джунгахоре!” (это из Льва Кассиля, которого я тогда читал).

Отец устало улыбался. А старший брат Данил дал мне подзатыльник. Я обиделся и ушёл. Так что для меня расстрел парламента теперь ассоциируется с подзатыльником старшего брата.

Керосинщик

В десятом классе у моего друга отобрали солнечные очки дворовые мальчишки из другого района. Даже не отобрали, а взяли посмотреть и не отдали. Мы с ним тогда были вдвоём, их — человек десять. И опять я ощутил то же гадливое чувство, что и в случае с удочкой — непонятно это как-то, но гадко и неприятно.

Мой друг достаточно успешно и давно к тому моменту занимался восточными единоборствами, драться умел хорошо. Но драться тогда сразу не стали — потому что повода-то по большому счёту не было! Точнее, даже повод был, но какой-то неправильный. И мы сказали — придём на разборку на следующий день.

На следующий день собралось человек 20 с тренировки по рукопашному бою — ребята лет 13-16. Мы пришли пешком в их двор, стали сидеть и ждать. Приехали на “Москвиче-412” наши “старшаки” — мой старший брат и два его друга.

Наших противников всё нет. Потом прибегает пацанёнок лет 10 и говорит — идите в частный сектор, там будем разговаривать. Мы поднимаемся и всей толпой идём туда. Там нас ждут уже человек 10 вместе с обидчиком. Увидев, что нас больше, два человека с той стороны тут же быстро уходят в глубь частного сектора — очевидно, что за подкреплением. Если бы мы хотели их избить и отомстить — было самое время. Но бить не стали — не за тем приходили, правды ж пришли искать!

Число противников быстро увеличивалось, и скоро их стало человек 20, счёт почти сравнялся. Подъехали их “старшаки” — на старых жёлтых “Жигулях” — четыре человека, ровесники наших “старшаков”, и, как выяснилось, их знакомые. Начали разбираться, кто прав, кто виноват в этой истории. Предложили драться двоим: моему другу, у которого забрали очки, и его обидчику, один на один. Мой друг согласился, обидчик не захотел, стал жаловаться на боль в ноге, предлагал перенести бой — трусил, в общем. Ситуация стала затягиваться. А для меня на тот момент всё стало ясно и правильно — вот мы, вот враги, это хорошо, это плохо. И хоть мне и страшно было, я стал подходить к своим и говорить — раз собрались, надо драться! Мне, конечно, и покрасоваться хотелось, но и действительно — я чувствовал, что нас оскорбили, и непонятно было тогда, что делать, а сейчас — всё ясно! Ясно, как поступить правильно, и это — самое ценное ощущение. Если оно есть, ни боли по большому счёту не боишься, ничего.

А один из наших “старшаков” услышал мои речи и говорит “Ты чего, керосинщик? Сейчас и так всё решим”. В смысле, не подливай масло в костёр, не будоражь народ.

Бессмысленно мы тогда съездили, и очки не вернули, и не подрались, и в том районе авторитета у нас поубавилось. Не хватило у меня тогда смелости и решимости, наверное, до дела встречу довести.

До сих пор обидно.

Павел

Когда мне было 3-4 года, мы с отцом пошли гулять. Посреди дороги был вырыт котлован, и мы решили пройти по его разным сторонам. Папа, захотев проверить меня на самостоятельность (а вернее — как я буду вести себя в сложной ситуации), ловко спрятался. Когда выглянул, меня уже не наблюдалось. В

каком он был состоянии, представить нетрудно. Два часа он ходил по городу, опрашивая прохожих, не видели ли они мальчика. Так ничего и не добившись, он вернулся домой, где увидел меня, целого и невредимого. А я (кстати, отлично помню этот случай) логично рассудил: отца нет — значит, надо идти домой. Один я ещё ни разу не гулял, но дорогу помнил. Дошёл. Лифт у нас был с ограничением веса, я поднялся по лестнице и сообщил домашним, что я потерялся. А с отцом по возвращении мама и бабушка провели воспитательную беседу...

Родителям по работе всегда нужно смотреть новости, и я, как-то раз решив нарушить эту закономерность (не то чтобы она меня сильно угнетала — просто захотелось), попросил их однажды в мой день рождения этого не делать. Но они отнеслись к этому как-то несерьёзно, и просьба была не выполнена, что я потом им долго припоминал.

Когда я учился примерно в третьем классе, у меня был котёнок Барсик. Животные в доме периодически появлялись и исчезали, в детстве я вообще относился к ним очень трепетно. Как-то мне намекнули, что было бы неплохо отдать его кому-нибудь, я кивнул и забыл. А на следующий день, когда я пришёл из школы, Барсика дома не было — его уже унесли к каким-то знакомым... Это было такое детское горе, которое я помню до сих пор. Утешала меня бабушка.

Помню день, когда стало известно о смерти Влада Листьева. Мне было около шести лет, и я даже не особо представлял себе, кто это — был включён телевизор, по некоторым каналам показывали подъезд, в котором он был убит, или то, как велось расследование... Но был один канал, по которому просто транслировалась, без всякого звукового сопровождения его фотография на чёрном фоне. И я каким-то образом почувствовал, что случилось что-то очень плохое. Потом пришла бабушка, спросила, что происходит, и я сказал: “Убили какого-то Листьева”...

В своей жизни я тонул два раза, оба раза в возрасте около семи лет — плавать я ещё не умел, а на дне Иртыша иногда попадались промоины, в которые всегда попадаешь абсолютно неожиданно. Оба раза меня почти сразу же вытаскивал отец, но эти случаи мне запомнились паническим страхом, который долго не проходил, даже когда мы были уже дома.

Мой детский сад расформировали за год до моего поступления в школу. Видимо, его выкупил кто-то, нам просто сказали однажды: “Забирайте, что хотите, и уходите”... Меня пришла встречать бабушка, и мы с ворохом игрушек пошли домой... Ощущение было абсолютно нереальное, что-то вроде исполнения желаний — всё кругом твоё, бери что хочешь — и всё-таки чувствовалось, что мало в этом хорошего, и, насколько я помню, особенной радости я не испытывал...

12 ноября

Наш Иртышский собкор Г. Жаманбалинов пишет о том, как в районе решают проблему выплаты пенсий. Здешние пенсионеры ещё недавно чуть ли не ежедневно осаждали здание районной администрации, требуя выплат. И тогда аким района Т.В. Сыздыков обязал здешние хозяйства в счёт погашения долгов перед пенсионным фондом выделить по сто тонн зерна и по семь голов крупного рогатого скота. Скот сдают местной фирме “Дархан”, которая взамен выделяет пенсионерам сахар, масло, макароны, овощи. А пшеницу, которой набирается в

общей сложности около двух тысяч тонн, в Иртышске надеются продать и расчитаться с пенсионерами “живыми деньгами”. Боюсь, однако, что некоторые из пенсионеров до этого времени не доживут...

Когда-то, ещё в корреспондентах, я любил ездить в Баянаульский район — летал на “кукурузнике” или ездил на автобусе-“пазике”. Приходил в райком партии или райсельхозуправление, где меня “подцепляли” к парторгу, директору совхоза или зоотехнику, оказавшимся по своим делам там же, с наказом “передать потом корреспондента соседям...”. Так я ездил по району на перекладных два-три дня, ночевал то в совхозах, то на чабанских отгонах и возвращался домой, полный впечатлений и с блокнотом, разбухшим от записей.

Теперь в Баян мало кто из журналистов заворачивает — разве что летом... Но вот Кульпаш Конырова всё же выбралась и привезла хоть и небольшой, но впечатляющий материал.

Вот описание быта чабанской семьи переселенцев из Монголии, обосновавшейся на дальнем отгоне несколько лет назад. У них две отары овец: 600 государственных и 300 собственных. Живут убого. Из благ цивилизации — деревянная будка с надписью “монша” (баня). По сути это нечто вроде душа. А отапливается баня печкой-“буржуйкой” с трубой, выходящей в окно.

В семье девять детей, в том числе двое школьного возраста. Но в школу они не ходят — не во что одеть, потому что зарплаты чабаны не видят уже полгода. Нет и пенсии (глава семьи уже пенсионер), как и “инвалидных” пособий (пятеро детей — глухонемые).

Кульпаш считает, что детей-школьников в школу (вернее, в интернат) можно было отправить, но родителям без них трудно будет управиться с хозяйством, вот и хитрят.

Схожая картина и на других отгонах: полное натуральное хозяйство и полная оторванность от внешнего мира из-за отсутствия электричества. Это при том, что когда по этим местам ездил я — без малого двадцать лет назад — электричество было если не на всех, то на очень многих отгонах: либо были подведены электролинии, либо работали специальные электродвижки. И цветные телевизоры, которые, конечно, никогда тут не давали полноценного цвета, первыми появлялись у чабанов. У многих были личные автомашины — в то время вообще большая редкость на селе. Конечно, и в ту пору чабанская жизнь была далеко не курортной, но работающие и умелые животноводы никогда на отгонах не бедствовали. А теперь...

— Зарплаты не видели два года, — делился с Кульпаш Сабит Бегимбетов, на попечении которого 150 голов “общественного” крупного рогатого скота да 120 собственных овец, которые принадлежат не только его семье, но и семье брата, — это в общей сложности почти два десятка человек. — Да, можно продавать овец, но денег за них никто не даёт. Не везти же мне самому их в Павлодар или Экибастуз... А заезжие коммерсанты обдирают нас, требуя барана за две пары кирзовых сапог. А ведь надо ещё и одеваться, что-то есть кроме мяса...

Другой авторитетный чабан, выбившийся в руководители собственного крестьянского хозяйства, Гинаят Сейфуллин приводил такую арифметику:

— Вот я продаю корову или быка, рыночная цена их не меньше 12-14 тысяч тенге. Но до рынка их ещё довезти надо — за полторы-две с половиной сотни километров, да и кто там меня ждёт — перекупщики всё равно обманут. Здесь коммерсанты тоже денег не дадут. И я прощу за корову два мешка муки, мешок сахара, по мешку вермишели и рожек. Всё это стоит по максимуму не более шести-семи тысяч тенге. Но и на таких условиях договариваемся далеко не всегда:

у коммерсанта таких “партнёров”, как я, пруд пруди. А у меня выбора чаще всего нет. Можно ли так жить? Думаю, в Баяне скоро овец совсем не останется, разве что на подворьях...

“О, казахи мои, мой бедный народ; На одной щеке жир, на другой — пот”, — заканчивает словами Абая свой материал Кульпаш, добавляя, что тут уместнее русская пословица: не до жиру, быть бы живу...

13 ноября

В одном из аулов Уральской области мать, в одиночку растившая четверых детей и уставшая от борьбы за каждодневное существование, отравила себя и их всех. Спасти врачам удалось только младшего сына. (“Караван”).

14 ноября

Из номера в номер информируем народ о героических усилиях властей, изыскивающих всё новые способы погашения пенсионных долгов. Теперь кроме продуктов питания (муки, сахара, чая, лука, соли), выдаваемых в счёт пенсий, можно будет также “отовариваться” углём, дровами, детской обувью и школьными принадлежностями (для внуков) и прочая, прочая, прочая... Заставить бы самих власть имущих — во всяком случае, столичного и областного масштаба — жить в подобных условиях...

Национальный банк выпускает в обращение новую банкноту достоинством в две тысячи тенге. До сих пор самой крупной была тысячетенговая.

Наш подписчик из Павлодара В. Скитенко пишет о незавидной судьбе детского сада, в который ходила когда-то его дочь, а затем и внук. И само здание, и внутренние помещения в нём всегда были как картинка. Родители помогали делать ремонт. Нынешним летом подлатали кровлю, вместе с воспитателями подновили группы. И вот награда: почти сразу после ремонта детсад закрыли — в городском бюджете нет денег на его содержание, а у родителей не хватит средств, чтобы оплачивать реальные затраты на содержание детей... Что должны чувствовать эти люди, для которых детсад уже стал вторым домом? Особенно когда они видят, как оставшееся без присмотра здание варварски разграбляется: в нём не осталось стёкол, растаскиваются двери и оконные рамы... Подростки по ночам устраивают здесь посиделки, жгут костры прямо в помещениях.

В Барнауле работники крупнейшего предприятия “Сибэнергомаш” более чем на четыре часа перекрыли движение по одной из главных транспортных магистралей — проспекту Калинина. Причина недовольства по нынешним временам типичная — хронические невыплаты зарплаты.

Производство на “Сибэнергомаше” остановлено, что чревато бедами для всей алтайской энергетики уже в эту зиму. И в подобном положении очень многие предприятия Алтая. А через несколько дней здесь должны пройти губернаторские выборы.

16 ноября

Из сегодняшнего “Курьера “ЗП””: новые хозяева разреза “Восточный” (а также Ермаковского ферросплавного завода и Ермаковской ГРЭС) отказались выплачивать ежемесячные пособия семьям погибших на производстве. Раньше вдовы погибших горняков получали небольшую пенсию от государства и доплату от предприятия, в итоге выходила средняя зарплата бывшего работника на сегодняшний день. У новых хозяев своя логика: мы выполняем все свои

обязательства в соответствии с заключёнными договорами и не несём ответственности по обязательствам прежнего руководства.

Профсоюз, у которого пока мир с новыми владельцами разреза, раздумывает, как ему поступить...

Рекордсменом по намолоту зерна в Иртышском районе (и в области тоже) третий год подряд становится комбайнер совхоза “Суворовский” Егор Высоцкий. На комбайне “Дон-1500” он намолотил за время минувшей жатвы 2300 тонн хлеба. Столько не намолачивают иные хозяйства.

Была в советские времена такая рубрика в центральных газетах — “их нравы” — о всякого рода безнравственных и прочих деяниях в странах капитала, несовместимых с социалистической моралью. А к какому разряду отнести то, что сделала недавно группа подростков из Павлодара? Убили собаку (и, как оказалось, не в первый раз), чтобы полакомиться шашлыком из неё. В итоге все десять человек заразились трихинеллёзом — опаснейшим заболеванием, переносчиком которого являются дикие и домашние животные, в том числе свиньи, собаки, лошади. А личинки трихинеллы могут жить в организме до 40 лет.

Мальчишек, к счастью, спасли. Среди любителей шашлыка, кстати, оказался и хозяин собаки...

Отныне отправляющимся на историческую родину немцам предстоит пройти ещё один барьер — сдать экзамен на знание немецкого языка. Такое решение принял федеральный суд ФРГ. Что ж, это усложнит и без того непростую процедуру отъезда немцев, но большинство всё равно не остановит.

Если бы у нас была своя областная книга рекордов, то в неё можно было бы занести и такой факт: директор одного из самых мощных хозяйств области, совхоза “Суворовский”, собравшего в этом году около 30 тысяч тонн зерна, Владимир Иванович Видикер, уже семь лет не был в отпуске...

Любопытный материал С. П. Шевченко “Павлодар: сто и двести лет назад”. Вот например:

1814 год. В окрестностях посёлка Ямышевского урядник Земнухин убил тигра.

1815 год. Воспрещено покупать “киргизов, калмыков и других азиатцев”, но для пополнения недостатка женщин на Иртышской казачьей линии можно выменивать у сопредельных с нею кочевников детей женского пола.

1826. Основано казачье поселение Баянаул. Желающих поселиться там не оказалось, и на Иртышской линии была проведена жеребьёвка. Первыми поселенцами Баянаула стали казаки, которым достались билеты со словом “переселение”.

Наконец, в книге путешественника, доктора медицины, профессора истории, обладателя многих других титулов Петра Симона Палласа, изданной в 1770 году, также есть немало сведений о нашем крае (здесь он тоже побывал). Песчаное, например, оставило в памяти Палласа следующие ощущения: “Вся сия страна так сыра и водою изобильна, что комаров воздух напоминающих не менее того было, как я натерпелся от них на Каспийском море”.

Вычитал в нашей газете (“Со всех континентов”): система брачных отношений Саудовской Аравии пополнилась нововведением, которое можно охарактеризовать “феноменом приходящего или блуждающего мужа”. В отличие от обычного мужа “приходящий” избавлен от необходимости при вступлении в брак платить калым — до 15 тысяч долларов, достаточно будет суммы, эквивалентной 800-1500 долларам, что для здешних, как правило, не бедных мужчин, совсем необременительно. Если женщина захочет иметь “приходящую половину”, она добровольно отказывается от других (кроме уже упомянутого небольшого калыма) имущественных прав и доли в семейном бюджете.

И хотя для многих женщин — “перестарок” или вдов и “блуждающий” муж — благо, большинство из последних предпочитают не посвящать своих законных супружниц в то, что у них есть ещё и жёны-“резервистки”.

По большому счёту никакого нового слова в семейных отношениях в Саудовской Аравии не сказали — многие русские мужики годами имеют подобных женщин “на стороне”, разве что вовсе без всяких для себя обязанностей — моральных и имущественных.

Больше ста лет назад в Павлодаре был учреждён водомерный пост. И вот уже 50 лет при нём служит Вячеслав Дмитриевич Шарапов — фронтовик, бывший водолаз, один из основателей спасательной службы на Иртыше. Пост — это частокол свай, по которым определяется уровень воды в реке, а сведения ежедневно передаются в Омск и Алматы, российским и казахстанским пароходствам.

В. Д. Шарапов и живёт “на посту”, вернее, рядом с ним, в небольшом деревянном домике. Он человек многих талантов: отличный рассказчик, поэт... Но, наверное, самый удивительный его дар — резьба по дереву. Когда художник Виктор Поликарпов впервые привёл меня к нему в дом, я был просто поражён этими невероятно выразительными фигурками из дерева. Есть среди них и большой деревянный гусь. В. Д. Шарапов рассказывал, что пролетающие над домом дикие гуси часто принимали его, стоящего во дворе, за своего собрата — снижались, кружили на небольшой высоте, кричали, звали с собой...

Не перестаю удивляться тому, сколько вокруг интересных, талантливых людей.

18 ноября

Был на самых грандиозных похоронах, которые мне приходилось видеть. Умерла мать бывшего акима одного из наших районов, работающего теперь в другой области заместителем акима области. Мать для него значила очень много, растила сына одна, вывела в люди — я даже когда-то хотел написать материал об их взаимоотношениях. И вот — похороны...

Казахи и вообще-то хоронят родных с большим размахом, а те, у кого есть возможности — с пышностью. Это давняя традиция, имеющая свои древние корни (я уже писал об этом). Но эти похороны собрали сотни людей. На них присутствовали акимы трёх областей, высокопоставленные представители из Алматы и Семипалатинска, приехавшие на шикарных лимузинах в сопровождении автомашин ГАИ. Это — не считая всей руководящей номенклатуры нашей области. Одних легковых автомобилей было за сотню.

Аким нашей области чуть-чуть припоздал, оказался легко, не по сезону одетым, и вокруг него быстро организовали “живой щит” из рядом стоящих, чтобы прикрыть от пронизывающего ветра.

Ритуал похорон у казахов очень хорошо отлажен — никакой суеты и отсебятины, как это часто случается у нас, русских. Был траурный митинг, на котором,

помимо прочих, выступили акимы трёх областей. А микрофон был установлен в кузове грузовика с откинутыми бортами. Выступали с речами и позднее, на поминках, организованных в трёх местах: в кафе — для высшего круга приглашённых, в большом общем зале местного Дома быта — для областной и районной номенклатуры, и в совхозе, неподалёку от кладбища, — для всех остальных.

Потом мне сказали, что всего на поминках накормили около тысячи человек. Таким образом, помимо всего прочего, сын покойной, простой казахской женщины, никогда не занимавшей никаких партийно-советско-хозяйственных постов, дал всем понять, кто есть кто в этой жизни.

Мне не раз говорили умудрённые жизнью казахи о том, что не будет благополучия и счастья живым без благословения мёртвых. Именно поэтому всякий уважающий себя казах обязан сделать всё возможное и невозможное, чтобы достойно проводить усопшего в лучший из миров. Но размах и пышность этих похорон на фоне общей деревенской неустроенности (а подчас и нищеты) повергает меня в уныние...

В России не прекращается действие театра абсурда. Доку Завгаева, бывшего партийного руководителя Чечено-Ингушетии, направленного в Чечню с задомо неисполнимой миссией, вновь вышвырнули оттуда за ненадобностью и теперь подправляют конституцию республики, дабы дать возможность участвовать в предстоящих там президентских выборах Шамилю Басаеву. Тому самому, бандиту, устроившему “поход на Будённовск”, в результате которого погибли десятки ни в чём не повинных людей, а Басаев и его боевики ушли от возмездия.

На Кавказе вообще страшная неразбериха — борьба кланов, бесконечные разборки. В Дагестане взорван многоэтажный жилой дом, под завалами которого оказались десятки людей, много погибших.

Плохо идёт подписка. Главным образом потому, что у людей нет денег.. А ещё — холодно: и на работе, и дома. Плохо топят.

19 ноября

Отчитывались с А. М. Мухамеджановым на заседании коллегии областной администрации, как наши газеты освещают вопросы национальной и языковой политики. Мы с самого начала протестовали против такого отчёта: что это за возврат к партийным временам? Но нас уверили, что к нам никаких претензий нет, нам и выступать не придётся...

Заведующая отделом внутренней политики А.К. Жакина сделала сообщение спокойно, ровно, без эмоций, и, казалось, вопрос уже исчерпан. Как вдруг взвился один из замов акима: написали в проекте решения: “положительно оценить практику освещения”, а “Звезда Прииртышья” не удосужилась перепечатать опубликованную в республиканских газетах концепцию языковой политики, это что — уважение к государственному языку? И понёс, и понёс, всё более распаляясь, будто прищипывая себя самого. И царившее было благодушное настроение в зале сменилось напряжённым ожиданием.

Я же лихорадочно соображал: как себя повести — реагировать или нет? У меня был на этот счёт разговор с А. К. Жакиной, и мы договорились, что перепечатаем, если будет рекомендация сверху, но её не последовало. Зато появились язвительные комментарии в “Караване”, “АиФ”. А “Сарыарка самалы” концепцию перепечатала. И я вполне мог оказаться теперь мальчиком для битья.

И тут встала Жакина и так же бесстрастно, не повышая голоса и как будто даже не оправдываясь, сказала, что одна газета концепцию уже напечатала, а с редактором другой договорились напечатать в ближайших номерах.

Затем всё же возникла лёгкая перепалка и пришлось выступить: на критику я никак не отреагировал, сказал о курсе газеты на самодостаточность, который себя оправдывает (подтверждение — высокий уровень подписки), о здравомыслии и ответственности газеты при освещении межнациональных проблем и языковой политики, об ужасающем качестве полиграфического исполнения “ЗП”.

Поддержал нас руководитель аппарата акима области Р. М. Гафуров, заметивший, что газеты не могут отвечать за все провалы в этой большой и многосложной работе. А затем уже и Д. К. Ахметов дал понять, что у него нет претензий к работе редакций, деятельность которых направлена на достижение национального согласия.

Вопрос, таким образом, был исчерпан. Однако я получил ещё один урок: надо просчитывать последствия тех или иных своих шагов и в отношениях с властью имущими никогда расслабляться нельзя.

20 ноября

Смотрел по ТВ “Час пик” с участием балерины Ильзы Лиэпа. Какое поразительное умение держаться перед камерой, сколько сдержанного достоинства, обаяния, чувства меры. И ко всему прочему — прекрасно поставленная, грамотная русская речь. Ни одного лишнего или случайного слова, постоянная собранность, прекрасная реакция.

Откуда у неё всё это: что тут природное, а что благоприобретённое? Многое наверняка от отца — выдающего артиста балета. Я просто любовался ею.

В Акмоле наконец напечатали книгу стихов В. Лукова (Б. В. Исаева) тиражом в тысячу экземпляров. На следующей неделе собираемся с ним поехать туда на машине и забрать тираж.

21 ноября

В российском городе Каспийске взорван девятиэтажный жилой дом, из-под развалин извлечено 42 погибших и 39 раненых. Всего тут проживал 131 человек, в основном российские военные и члены их семей. Версии случившегося две: взрыв организовали либо чеченские боевики, либо главарь рыбной мафии, которым стали прижимать хвост на Каспии пограничники.

Китай вышел на первое место в мире по производству мотоциклов. В прошлом году их было собрано почти восемь миллионов штук — около 44 процентов мирового производства. В основном мотоциклы используются внутри Китая, но также и экспортируются. В прошлом году, например, было продано более 80 тысяч мотоциклов в 104 страны. Наверняка и в Казахстане они уже есть, но мне их пока что видеть не приходилось.

Оказывается, человеческий голос так же индивидуален и неповторим, как отпечатки пальцев. И именно голос становится своего рода ключом доступа в банковских операциях развитых стран. Это Ольга меня на днях просветила — она готовит материал о Елене Николаевне Ивановой — крупном специалисте по части фониатрии вообще и лечению голосовых расстройств в частности. Она занимается этим с 1975 года, а десять лет назад создала фониатрическое отделение при второй горбольнице — первое в республике — при поддержке главврача А. Д. Короткова и заведующего облздравоотделом Б. Д. Оразгалиева.

Сама Е. И. Иванова человек разносторонних интересов и многих талантов: вела в музыкальном училище предмет “Голосоведение и сценическая роль”,

за что её до сих пор благодарят бывшие ученики. В качестве ведущей она незаменима на некоторых вечерах — музыкальных, поэтических и прочих, выстроенных по типу “от всей души”. Мы с ней знакомы, но, к сожалению, лишь чуть-чуть.

23 ноября

Депутаты Успенского маслихата на очередной сессии приняли обращение, адресованное акиму области и областному маслихату. Речь в нём о тяжелейшем положении сельской экономики и всего населения. Производство падает, люди остаются без дела, а те, что работают, не получают зарплаты. И т. д. и т. п. Районные депутаты критикуют правительство и просят помощи. Как будто аким действительно может помочь.

Опубликовали 21 соболезнование в связи с кончиной главы фирмы “Нави” И. И. Вагнера. Работал строителем, мастером, прорабом, директором строящейся, а затем действующей станции техобслуживания “Жигулей”, спонсировал местную футбольную команду. И вот кто только теперь его близким ни соболезнует... Это я к тому, что в городе и области уже давно идёт какая-то “другая” жизнь, о которой я практически ничего не знаю.

Всё же хорошо поработала в недавней командировке в Баянауле Кульпаш Конырова. Материалы её оттуда незатейливы, но это мозаика реальной жизни, которой так недостаёт газете.

Пишет, что в ответе на вопрос специальной анкеты “Кем ты хочешь стать?” мальчишки-шестиклассники одной из школ райцентра поголовно ответили: “бизнесменами”, а девчонки написали, что хотели бы стать продавцами коммерческих магазинов, за исключением двух, мечтающих о профессии учительницы.

В районе закрыты почти все детские сады, бани, магазины, в сёлах много брошенных и уже основательно разграбленных домов. Люди в аулах застыли в каком-то оцепенении.

Тем временем многочисленные выходцы из Баянаула, выбившиеся в большие люди, не только никак землякам не помогают, но и стремятся именно здесь отпраздновать свои юбилеи — разумеется, за счёт земляков. Как будто не видят, что некогда благодатный край всё больше напоминает зону бедствия.

Хорошо что Кульпаш и об этом написала.

В Павлодаре остались всего три государственные аптеки, все остальные проданы в частные руки. И вот теперь дошла очередь до этих трёх. Заведующая одной из них Н. Борисенкова пишет в редакцию, что именно эти три аптеки обеспечивали лекарствами павлодарцев по льготным и бесплатным рецептам. Именно они по-прежнему занимаются изготовлением сложных лекарств — микстур, мазей, смесей и т. д. А это технологически довольно сложная и не слишком материально выгодная работа, от которой поголовно отказываются ставшие частными аптеки.

Разницу в стоимости льготных лекарств государственным аптекам должен погасить бюджет, а из него они в этом году не получили ни одного тенге. В то же время только в аптеку № 22, которой заведует Н. Борисенкова, пришли в этом году с льготными рецептами более 45 тысяч человек. Куда они пойдут после приватизации последних трёх аптек? — спрашивает она.

Такое впечатление, что реформаторы столичные (правила ведь устанавливают они) — отнюдь не врачеватели нашей больной экономики, а патологоанатомы, действующие по принципу: вскрытие покажет.

Павлодару повезло: у нас живёт сестра кинорежиссёра Владимира Хотиненко Татьяна Ивановна Кузина — человек неуёмной энергии, руководитель Славянского культурного центра. Благодаря ей к нам время от времени наезжают её звездный брат (кстати, бывший павлодарец), другие представители российской культурной элиты. На днях павлодарцы смогли посмотреть российскую премьеру “Ревизора”, снятого Сергеем Газаровым. Фильм представляли сам Газаров и Евгений Миронов, сыгравший Хлестакова. Тот самый Миронов, что блестяще сыграл такие разнохарактерные роли: молодого сверхобаятельного лейтенанта в “Анкор, ещё анкор!” Петра Тодоровского и солдата, вернувшегося из афганского плена мусульманином, в “Мусульманине” Владимира Хотиненко.

Ольга встречалась с Мироновым, подготовила большой материал. Он рассказывал, как готовился к съёмкам “Мусульманина” — изучал Коран, ходил в мечеть, встречался с имамом. И сыграл великолепно, да и сам фильм очень хорош, потому что, помимо прочего, в нём запечатлён абсурд нынешней российской жизни.

В “Ревизоре” играет целое созвездие российских актёров: Никита Михалков, Олег Янковский, Зиновий Герд, Армен Джигарханян, Марина Неёлова, Владимир Ильин. И этот фильм павлодарцы благодаря Т. И. Кузиной увидели раньше москвичей.

Из абсурдов нашей нынешней жизни. П. И. Оноприенко написал о семейной истории, случившейся в Экибастузе. Здесь городской суд рассмотрел необычное дело о лишении родительских прав. Вот его суть: жила обычная, дружная семья: муж, жена и четверо их детей. Жена умерла, и её мать, живущая в России, взяла двух внуков к себе погостить. Там они задержались, а отец спустя какое-то время женился вторично. Но о дочерях не забывал — ездил к ним, посылал деньги, помогал чем мог. Появились дети от второго брака — жить стало труднее, потом работу потерял. Как жить с четырьмя детьми при себе да ещё содержать двух в России? Так и родилось его заявление в суд: “Прошу лишить меня родительских прав, чтобы мои дети могли получать в России ежемесячное пособие...”.

26 ноября

По заданию областной администрации публикуем почти в каждом номере список должников пенсионного фонда: предприятие, сумма долга, фамилия руководителя. В этом списке почти все бывшие совхозы и колхозы, задолжавшие каждый от четырёх до 16 миллионов тенге. И у большинства нет никаких шансов погасить эти долги, поэтому их взимают натурой — зерном, скотом.

27 ноября

Чем выше человек по должности, тем дальше он от людских бед, конкретных человеческих судеб. В этом мне признавался в порыве откровенности один из сильных мира сего. Я же думал о том, каким вообще мерзопакостным существом может быть человек. Способен привыкнуть и приспособиться ко всему. С одной стороны, чему тут удивляться — иначе порой не выжить. А с другой — не может человек смириться с какими-то вещами, если он человек.

28 ноября

Написал очерк про Григория Левановича Осипяна. Вроде многовато получилось, но ведь и судьба такая, что на несколько жизней хватило бы.

Набирают в одном из павлодарских издательств мою небольшую книжку “малого жанра”. Назвать думаю “Характеры”.

29 ноября

Иногда мне самому становится тошно читать собственную газету: что ни номер — материалы о том, как разваливаются предприятия, ещё недавно прочно стоявшие на ногах.

Опубликовали корреспонденцию о Щербактинской птицефабрике, которая стремительно деградирует: продуктивность кур-несушек снизилась почти в шесть раз, около половины производственных объектов бездействуют, долги предприятия с начала года превысили 82 миллиона тенге, зарплату деньгами люди не получают с января, а только яйцами, курятиной и бартером, который фабрике удаётся добыть.

Главная причина бед — рухнула существующая много лет государственная система снабжения птицефабрик качественными комбикормами, сбалансированными по всем нужным птице компонентам. Теперь кур кормят тем, что удаётся добыть. Отсюда и продуктивность. И перспективы никакой, потому что самой фабрике наладить качественное кормопроизводство не по силам. Значит, она и дальше будет хиреть. Между тем на ней так или иначе “завязано” до трети взрослого населения Щербактово, которое уже ощутило на себе кризис, а может и вовсе лишиться работы.

Судьба птицеводства — одной из самых успешных в советские времена отраслей, похоже, никого не интересует в правительстве. Ведь уже давно прекратила существование Экибастузская птицефабрика. Законсервирована и растаскивается Ермаковская бройлерная фабрика. В катастрофическом положении бывший птицесовхоз “Авангард”, ещё недавно по всем показателям образцово-показательное хозяйство.

Худо-бедно держится Павлодарская птицефабрика, которую объединили с бывшим совхозом “Кызылжарский”, но и тут дела далеко не блестящие.

Похоже, скоро совсем в области не будет ни своих яиц, ни, тем более, собственной курятины. Зато в торговле стали появляться мороженые американские куриные окорочка. Оказывается, легче привезти чужое за тридевять земель, чем вырастить собственное, что в прежние времена с успехом делалось.

Обнародованы цифры российских потерь в Чечне с начала военных действий: 986 военных погибло, 4642 ранено, 35 пропали без вести, 19 находятся в плену.

А кто считал потери мирного населения — убитых, раненых, лишившихся крова и бежавших от войны куда глаза глядят?

30 ноября

Иртышанин Нурлан Копбергенов стал одним из победителей чемпионата мира по гиревому спорту, проходившему в Минске. За одну минуту он толкнул две двухпудовые гири (по 32 килограмма) 47 раз, установив новый мировой рекорд (прежний был — 44 толчка). Помимо прочего, это достижение будет занесено в Книгу рекордов Гиннеса.

Ещё один, двенадцатый по счёту, детский сад закрыт в Экибастузе. В выбоженных помещениях детсада, кроме разного рода государственных контор, разместились кожно-венерологической диспансер и клуб собаководов.

Франция требует от России уплаты долгов по “царскому займу” и “царскому золоту” на общую сумму 400 миллионов долларов. Подписан меморандум, по которому эта сумма должна быть выплачена в течение четырёх лет.

Хорошо, видать, живёт Россия, принимая на себя подобные обязательства в такие времена.

Ольга Фролова ездила в Лебяжье и привезла историю, вполне типичную для наших дней. Отчим и двое его пасынков, 15 и 13 лет, залезли ночью в магазин, набрали в сумки хлеба, консервов, конфет, спичек и были задержаны на месте преступления — сработала сигнализация. А какое-то время назад они же “взяли” столовую, поживившись несколькими килограммами сахара, муки и рожек. Причина воровства: в семье, где шестеро детей, нечего было есть. Мать и отчим безработные, состоят на учёте в центре занятости. Пособие на каждого — по тысяче тенге, но и его задерживают. Пособия на детей не получали четыре месяца.

Итог: отчим и старший пасынок получили по три года условно, а их младший подельник взят на учёт милицией.

С. П. Шевченко продолжает подпитывать газету любопытными сведениями об истории Павлодара и его окрестностей, на этот раз из губернской газеты “Степной край”, издававшейся в Омске...

“В 1887 году при кочевом населении один врач приходился на 102179 человек и один фельдшер на 31931 человека.

... Книг в Павлодарской библиотеке в 1899 году было 626 названий.

14 октября 1897 года. Событие — продажа именитым гражданином нашего города А. И. Деровым своих рудников, находящихся в Каркаралинском и Павлодарском уездах, французской компании. Мудрено ли, что павлодарские обыватели только и толкуют о продаже... и что перед ними и во сне и наяву будущее величие города: заводы, пароходы, железные дороги, электричество, трамвай и рубли, рубли, рубли...”

Самое удивительное: всё сбылось почти век спустя. И снова зарубежные концессионеры (по-новому — инвесторы) “окучивают” богатства края.

Наш нештатник Е. Бочаров сигнализирует из Качир: каждое утро с семи часов у хлебного магазина, где “отовариваются под пенсию” пожилые люди, собирается толпа. Магазин открывается в десять утра, хлеба на всех не хватает. Между тем это единственный хлебный магазин в райцентре, и часто, отстояв три-четыре часа, пенсионеры возвращаются домой ни с чем.

Ездили с А. М. Мухамеджановым в Железинку на открытие памятника акыну К.Альсеитову, имя которого было хорошо известно в Северном и Центральном Казахстане. Его выступления неизменно собирали в аулах всех от мала до велика, а его песни, острые реплики в айтысах передавались из уст в уста. Акын не очень жаловал собственную знать, но и советскую власть не принял. Был гоним и умер в голодном 1933 году на территории нынешнего Черлакского района Омской области.

Десятки лет имя Альсеитова предавалось забвению, и вот оно возвращается людям. Торжество проходило в большом и холодном зале местного ДК, где не было ни одного свободного места, многие стояли в проходах, сидели у сцены на полу. Больше трёх часов продолжалось действо, а люди не расходились и особенно живо реагировали на айтыс акынов. Как жаль, что мы, русские, не знающие казахского языка, не способны оценить это уникальное, искромётное искусство импровизации...

1 декабря 1996 года

В тяжелейшем положении города Каратау и Жанатас. Предприятия “большой химии”, некогда их породившие, затухают. Люди разбегаются кто куда, многоэтажные дома почти не отапливаются, нет света, в квартирах стоят “буржуйки”.

В эти дни акционерное общество “Каратау” отмечает полувековой юбилей и в качестве погашения долгов по зарплате всем работающим выделило по три литра керосина. Очень нужная вещь — и для керосинок, и для разжигания “буржук”...

Любопытные иронические заметки в “Труде” Олжаса Сулейменова, ныне посла Казахстана в Италии. Речь в них о том, что судьба СССР, да и история значительной части мира, могла бы пойти совсем по другому пути, если бы в своё время кубинский комар не укусил в зад одного из первых секретарей обкома партии Казахстана. Всё бы ничего, пишет Олжас, но на месте укуса образовалась шишка, доставившая обладателю партийного зада временное беспокойство. Над последним обстоятельством постоянно подшучивал отдохнувший с ним вместе второй секретарь казахстанского ЦК партии В. К. Месяц, что не понравилось укушенному в зад. И по возвращении он, докладывая первому секретарю и члену Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаеву о том, как они с Месяцем отдыхали на Кубе, между прочим заметил, что Валентин Карпович нехорошо сказал о супруге Кунаева Зухре Шариповне, мол, не должна жена первого руководителя республики вмешиваться в его партийные дела. И этого оказалось достаточно, чтобы уже через несколько недель В. К. Месяц с партийной работы был выдвинут на хозяйственную — министром сельского хозяйства, правда, всего СССР. Вроде рост, но уже не партийная обойма, а хозяйственная...

А ещё через несколько лет умер секретарь ЦК КПСС, курировавший сельское хозяйство, и первым кандидатом на его пост стал В. К. Месяц. Вопрос был почти решён, потому что кандидат подходил по всем статьям, но осторожный Брежнев решил после всех согласований посоветоваться ещё и с Кунаевым: “Ты ведь с ним работал, как он тебе?”. И Кунаев отвечал, что работник тот хороший, справится на 99 процентов... Разумеется, Брежнев стал уточнять, почему не на все сто, и Кунаев, будто нехотя, пояснил, что иногда Месяц работает против “первого”, но если с ним позаниматься, то лучшего кадра не надо... Этого было достаточно, чтобы кандидатура Месяца не прошла. А кандидатом номер два был М. С. Горбачёв — первый секретарь Ставропольского крайкома партии, которого двигал Ю. В. Андропов...

Что случилось потом, хорошо известно...

Может, всё это не более чем байки, но очень похоже на правду. Ведь и наш Б. В. Исаев рассказывал мне, как попал в немилость всесильному Д. А. Кунаеву лишь за то, что его жена отказалась идти на день рождения Зухры Шариповны, с которой даже знакома не была. А Б. В. Исаев лишился не только уже практически согласованного членства в ЦК КПСС, но и спустя какое-то время должности первого секретаря Павлодарского обкома партии. О причинах его смещения ходили разные слухи (и в “Хронике” уже шла об этом речь), но в любом случае без согласия, а может, инициативы самого Д. А. Кунаева, которому наверняка тоже немало напели в уши о “строптивости” и прочих недостатках Исаева, тут дело никак не обошлось.

Но Кунаев всё же вернул Исаева в высшие эшелоны власти, хотя к партийным постам больше не допускал.

3 декабря

Сессия областного маслихата по проблемам здравоохранения. Я знал, что у нас всё плохо в медицине, но не знал, что настолько плохо... По сравнению с 1991-м, далеко не лучшим годом, средняя продолжительность жизни по области снизилась более чем на три года и составила у мужчин 60,7 года, а у женщин 71,1 года. Уровень рождаемости снизился в полтора раза, в прошлом году он был самым низким за последнее десятилетие — 13 человек на тысячу населения. Смертность, наоборот, выросла в полтора раза и в Павлодаре даже превысила рождаемость.

Нечем лечить, кормить больных туберкулёзом. В этом году, по сравнению с предыдущим, более чем в три раза выросла заболеваемость сифилисом.

В ходе так называемой оптимизации системы здравоохранения закрыты три районные больницы (объединены с городскими), 19 сельских больниц реорганизованы в амбулатории, 16 амбулаторий реорганизованы в фельдшерско-акушерские пункты, двадцать таких пунктов закрыты... На бюджетном финансировании оставлено 18 здравпунктов из 150 имевшихся... За последние три года по области сокращены 4102 больничные койки, или почти каждая третья... Зато появилось более сотни частных медицинских предприятий, частными стали почти все аптеки. Правда, при этом практически невозможно стало купить лекарства по льготным рецептам.

Разработана и уже утверждена программа по охране здоровья населения до 2000 года, которая предусматривает дальнейшую оптимизацию системы здравоохранения, т.е. сокращение больничных коек, расходов на питание... Цель — не просто держать больных в стационарах, а обеспечивать им интенсивное лечение, долечивание же их в других отделениях может быть и частично платным.

На словах всё вроде правильно: жить надо по средствам и лечить быстро и эффективно. Но оптимизация социальной сферы на селе уже лишила многие деревни и аулы таких объектов, как бани и клубы, участковые больницы, фельдшерско-акушерские пункты. Да, последние были кое-где бедненькими, если не сказать — убогими. Но человек мог в любое время дня и ночи прийти к врачу или фельдшеру. Теперь же в малых сёлах люди и этого будут лишены, а в райцентр или, тем более, в Павлодар не наедись... Вот и будут вымирать, что по сути уже происходит...

Почти в каждом номере печатаем отзывы читателей о “ЗП” — в качестве подписной “агитки” и большой читательской “летучки”...

Вот что пишет, например, учительница средней школы № 2 Павлодара Р. Султанова, выписывающая газету 35 лет: “Каждый из нашей семьи всегда находит в газете то, что ему нужно для учёбы, работы, иногда — только для души... Материалы газеты дают мне, учителю, много дополнительной информации, которой не найдёшь в устаревших учебниках и пособиях. Материалы эти нужны не только для работы с классом, но и с родителями, для внеклассных мероприятий. Приобщаю к работе с газетой своих учеников... Не мыслю без газеты своей духовной жизни...”.

Кто-то, наоборот, больше ругает нас, чем хвалит, но всё равно как-то по-доброму. Верный коммунистическим идеалам П. Гарин раскритиковал материал Ю. Сакина “Философия бомжа”, особенно строки: “Он (бомж) живёт как ему хочется. И как бы мне ни чуждо было его мировоззрение, я очень рад тому, что он имеет на это право”. “Вот так, — пишет П. Гарин, — оказывается, быть бродягой — это большое завоевание демократического общества”.

Не приемлет он и статьи типа “Сладкой женщины”, поскольку они чужды самому облику “ЗП”. А ещё ругает нас за гороскоп.

5 декабря

В России за десять месяцев этого года произошло одиннадцать авиакатастроф, в результате которых погибли 204 человека — почти в три раза больше, чем в прошлом году.

А в Таджикистане всё воюют. Шесть часов правительственные силы бились с вооружённой оппозицией за райцентр Гарм. Итог: 40 убитых, в руках оппозиции не только Гарм, но и 120 военнослужащих, которые, надо полагать, теперь будут воевать на стороне вчерашних “бандитов”.

В. Луков (Б. В. Исаев) в пространной статье “Кто виноват и что делать” рисует безрадостную картину нынешнего состояния дел в сельском хозяйстве и промышленности. По его мнению, едва ли не все наши беды оттого, что из реформ выпало главное звено, на котором всё и всегда держится — производство. Пока именно оно, а не мифические макроэкономические показатели, не будет поставлено во главу угла, не будет ничего — ни зарплат, ни пенсий, не обещанной счастливой жизни...

Похороны совести властей края и города устроили во Владивостоке сотрудники и “контингент” Приморского краевого дома-интерната для инвалидов и престарелых. Траурное шествие из нескольких сотен человек — кто на костылях, кто с тросточкой, а кто и вовсе в инвалидной коляске — сопровождали кумачовый герб с венком, установленные на крыше микроавтобуса. В руках демонстранты несли плакат с надписью: “Хороним совесть администрации края и города”.

Процессия хотела перекрыть федеральную автомобильную трассу, но милиция не дала это сделать.

Большая часть населения богатейшего Приморского края попросту нищенствует.

Из “Комсомолки”. На одном из золотодобывающих приисков Магаданской области задержаны две женщины. У первой обнаружено 103, а у второй 50 граммов золотого песка в самых что ни на есть укромно-интимных местах. У обеих есть дети, которых нечем кормить, потому что зарплату на прииске не платят уже полгода.

6 декабря

Бывает иногда, что не записываю ничего несколько дней. И не потому, что ничего не происходит, а потому что жизнь временами тягучая, невыразительная, пустая. Вот и теперь уже который день на душе тревожно, неудобно: живёшь и не знаешь, какая ещё гадость случится. И как будто всё время её ждёшь.

Любопытные заметки в “Известиях” А. Плутника “Товарищи первые секретари в роли господ президентов”. Речь о том, что в большинстве республик бывшего СССР “рулят” их бывшие первые секретари коммунистической партии: в Казахстане — Н. А. Назарбаев, в Молдавии — П. К. Лучинский, в Грузии — Э. А. Шеварднадзе, в Узбекистане — И. А. Каримов, в Туркменистане — С. А. Ниязов, в Азербайджане — Г. А. Алиев, в Литве — А. М.-К.Бразаускас. Сюда же можно добавить бывшего президента Украины Л. М. Кравчука.

Так что это — “не отдельные случаи удачного стечения обстоятельств, но грандиозное явление, требующее изучения и объяснения”, — пишет А. Плутник, добавляя: вот и в ряде российских регионов к власти уже на новые, демократически именуемые посты, возвратились прежние секретари обкомов.

Между тем парадокса никакого тут нет: многие из тех, кто был состоятелен как профессионал-управленец, дальновидный политик тогда, востребованы и сейчас. А признанные перестроечные ораторы — кумиры митинговых площадей, придя во власть, оказались никудышными управленцами, совершенно неготовыми к черновой хозяйственной работе.

Вот что пишет по этому поводу А. Плутник: “Многие новобранцы политической власти не только своим вопиющим дилетантизмом в вопросах управления, но и своей амбициозностью, самим, если угодно, своим образом напугали людей настолько, что возвышение прежних первых лиц стало практически неизбежно, — в этом случае хотя бы понятно, чего можно ждать...”

Да, где они теперь — “властители дум” — московский мэр Гавриил Попов, питерский Анатолий Собчак, кумир грузинских демократов первой волны Звиад Гамсахурдия, азербайджанских — Эльчибей?

Пример российского абсурда — разгул демократии в Красноярске. Здесь выбирают мэра и городских депутатов. Среди кандидатов в депутаты один 15 раз доставлялся в милицию за пьяные дебоши, другого судили за злостное уклонение от уплаты алиментов (идёт в депутаты от блока “Порядок, честь, справедливость”), третий — ранее судим за убийство, четвёртого как раз судят, а он не ходит на заседания суда, регулярно красуясь на телеэкране, ещё двое состояли на учёте у психиатров...

Есть и более “авторитетные” кандидаты, которые были осуждены за разбой, грабежи, хищения. В их числе главарь шайки, обчистивший несколько лет назад 64 квартиры, трижды судимый в Армении, на Украине и в Красноярске и находящийся под следствием.

Все эти данные обнародовало краевое управление внутренних дел. (Из газеты “Известия”).

7 декабря

З. А. Суворова побывала в бывшем колхозе имени Энгельса, где с 24 лет председательствует Герман Геринг, сын знаменитого Якова Геринга, и пока что не даёт хозяйству развалиться. Здесь по-прежнему сеют хлеб, держат три с половиной тысячи голов крупного рогатого скота, сохранили свиноферму и звероферму, колбасный цех и мини-маслозавод, мельницу. По-прежнему работает детский сад, и родители отправляют сюда своих детей за символическую плату. Не дали оптимизировать (читай — разорить) врачебную амбулаторию, в которой работают шесть медиков. И даже есть своя “скорая” (у бывшего колхоза кроме центральной усадьбы ещё три отделения). И Дом культуры при деле, и два сельских клуба, и библиотека, и три школы, и два магазина...

Это при том, что за последние семь лет из колхозных сёл уехали в Германию свыше 1700 человек. На смену им устремились переселенцы из Киргизии, с юга Казахстана, из соседних разваливающихся хозяйств, из России(!)... Даже из Германии вернулись обратно пять семей. И конца этому великому переселению не видно...

Ну а беды те же, что и у всех: диспаритет цен на продукцию села и промышленности, обесценивающий крестьянский труд, постоянная нехватка наличных денег, неподъёмные банковские кредиты под дикие проценты, дамоклов меч очередного реформирования (колхозы теперь — вне закона), растущие долги...

Надолго ли хватит молодого Геринга, чтобы и дальше противостоять этому валу реформаторского безумия?

9 декабря

Съездили с Б. В. Исаевым в Акмолу за его книжкой. На машине, по хорошей погоде... Уже снег лёг, в степи так чисто-светло, просторно...

Книжка получилась хорошая, солидная. Редактировавший её В. Р. Гундарев оставил практически все стихи, написал доброжелательное предисловие, так что поэт Василий Луков сразу громко заявит о себе: 13 печатных листов, да ещё на хорошей бумаге... И стихи в большинстве своём тоже хороши, иные строки разойдутся на афоризмы. Ну, например:

*“Позади гнилой застой,
Впереди мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж...”*

Или вот:

*“Мы самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот”.*

Или:

*“Коммерцией заняты дети,
Голодные мрут старики!
Мы сами сплели эти сети,
Советских вождей дураки”.*

Но, кажется, я всё это уже цитировал. И хотя мне больше по душе Луков-лирик, нежели Луков-трибун, я уверен, что будут востребованы и те, и другие его стихи. И сам он, похоже, счастлив как никогда, говорит: “Себя зауважал”. Мне подписал книгу так: “Организатору и вдохновителю поэта Василия Лукова”. Не знаю как насчёт “вдохновителя”, потому что не было, наверное, у Лукова критика язвительнее меня, а насчёт “организатора” — справедливо: я за эту его книжку, наверное, больше чем за свои переживал и немало сделал для того, чтобы она появилась на свет.

Я тоже вернулся из Акмолы не с пустыми руками: “Нива” напечатала очередную порцию моих “блесток” и две новеллы из задуманного мной нового цикла будущей “Хроники”: “Ошибка”, “Как мой друг в депутаты ходил” и ещё очерк про дядю Колю Хухарева.

Гулял на днях, и всё время попадалось на глаза объявление: “Продаётся добротный дом из шести комнат, с надворными постройками, вода во дворе, в 15 километрах от Павлодара, цена — 50 тысяч тенге”. Это примерно 700 долларов — наша с Ольгой месячная зарплата, которую я не считаю большой, скорее, сносной. Оказывается, за эти деньги мы можем купить хороший дом в деревне, который наверняка люди строили не один год и который был и остаётся главной ценностью в семье.

Л. П. Гришина решила раздарить свою книжку “Родные и близкие”, изданную нашим малым предприятием “Тривиум”. Дали об этом заметку в газете, и к Людмиле теперь не зарастает народная тропа, тем более что скромно изданная (зато тираж — три тысячи) книжка очень хороша по содержанию, а вошедшие в неё две повести были опубликованы одна в “Просторе”, а другая — в “Ниве”.

Наш же “Тривиум” скорее мёртв, чем жив: собранные для него деньги, в том числе и наши собственные, практически закончились, а обещанных дивидендов от “Космофарма” Р. Х. Гарифуллина мы так и не дождались. В этом он, наверное, не виноват, поскольку не мог предположить, чем обернутся “ускорение” и “революционная перестройка”. Однако же и на него самого в последнее время выйти не удаётся — всё время в разъездах. Так что и “Тривиуму” скоро конец придёт.

А у меня самого хранятся три акции одного из предприятий Гарифуллина, купленные за три тысячи ещё полновесных советских рублей, и справка о том, что мне полагается пять акций другого предприятия, купленных уже на дивиденды от первого, которые, впрочем, уже практически ничем другим нельзя было отovarить.

Похоже, не зря надо мной потешалось семейство, когда я раздумывал, куда их деть и решил (по совету того же Гарифуллина) истратить на новые акции.

Большая статья профессора-экономиста Николая Шмелёва в “ЛГ”, того самого, вынесшего аргументированный беспощадный приговор директивно-плановой (читай — социалистической) системе экономики. Его статьёй “Авансы и долги”, опубликованной в сверхпопулярном в перестроечную пору журнале “Новый мир”, зачитывались, о ней спорили... Наверное, ещё никто и никогда столь убедительно не объяснял нам, почему мы живём так плохо и почему так необходимы перемены.

И вот они, эти самые перемены, наступили, и профессор-экономист всё с тем же, если не большим обличительным пафосом, клеймит сегодняшний дикий рынок: “По глубине социальной несправедливости мы уже вдвое (и даже больше) превзошли все развитые капиталистические страны: разница между верхними и нижними по доходам 10 процентами населения у нас составляет 20:1 при неофициально признанной в мире “норме социальной безопасности” 10:1 и реальных 5-6:1 в большинстве, например, стран Европы”.

Н. Шмелёв так ярко живописует все мерзости нынешней российской жизни: цинизм и бессовестность власти, а также новых хозяев жизни, нищету простого люда, и особенно пенсионеров и получателей пособий, утечку за рубеж “мозгов” и капиталов, что этой статье впору было появиться в оппозиционных новой власти “Советской России” или агонизирующей “Правде”. Но никак не в “Литературке”. Но выступать в первых двух известному экономисту-публицисту “западно”. К тому же в тех газетах у него наверняка бы спросили: а что же ты ни словом не упоминаешь о своих совсем недавних воззрениях? Не ты ли был одним из идеологов немедленного отказа от экономики директивной и перехода к экономике либеральной, к этому самому рынку? А если так, то хотя бы словом обмолвись о том, что, мол, мне и моим сторонникам по межрегиональной депутатской группе рыночные преобразования виделись совсем иначе, мы стучали во все двери, били во все колокола, но нас не послушали...

Ничего этого в статье нет: набор давно известного, а за обличительным пафосом и начитанностью проглядываются, скорее, банальности, нежели открытия.

Но, впрочем, и тогда, и теперь пусть (как в том анекдоте про цирковой трюк) все будут в дерьме, а наш герой-автор опять весь в белом — элегантен, респектабелен, всегда и всё готов объяснить.

10 декабря

Готовлю материал о недавнем семинаре в одном из сёл Аксуского района, где руководителям хозяйств и специалистам демонстрировали “новые подходы к ведению животноводства”. По сути новаторство заключается в следующем: вместо трактора и на фермах всё больше используют лошадь, вместо других форм механизации (кормораздача, удаление навоза и т. д.) — вилы...

Пытался убедить будущих читателей: всё это не так плохо, во всяком случае, не позорно. Зачем, мол, использовать дорогой трактор там, где можно обойтись лошадью, а если фермы теперь без электроэнергии, то, что же — скот пускать под нож?

Убеждал-убеждал и даже самого себя не убедил: нет ничего хорошего в том, что на рынок мы пытаемся въехать не на тракторе, а на облезлой лошади.

Набирает обороты подготовка ко Дню независимости Казахстана — в этом году десятилетие декабрьских событий 1986 года. По горячим следам их характеризовали как “выступления хулиганствующих элементов”, несознательной молодёжи, подстрекаемой неведомыми, но влиятельными силами. Были суды над участниками беспорядков, получивших различные сроки заключения. И

даже смертные приговоры были. Впоследствии всех осуждённых за участие в акциях протеста реабилитировали, а сами декабрьские демонстрации 1986 года названы первым проявлением национального самосознания в СССР, событием международного масштаба, которое способствовало освобождению от московского ига не только Казахстана, но и других республик бывшего СССР.

Примерно так высказывается в своей основополагающей статье, приуроченной к декабрьским событиям, академик, писатель, высокопоставленный чиновник. В чём-то и, может быть, даже во многом он прав, но далеко не во всём. Почему-то никто давно не вспоминает о дружиннике, погибшем в те дни от рук демонстрантов.

Беда в том, что как тогда никто не осмеливался выступать против официальной точки зрения, так и сегодня, когда она сменилась на прямо противоположную. Конечно же, партийная власть действовала в декабре 1986 года дуболомно-цинично, а нынешняя делает на тех событиях политику.

Указом президента присвоено звание “Халык Кахарманы” парню, осуждённому на смертную казнь за участие в декабрьской демонстрации. Высшую меру заменили на 20 лет отсидки, но выйти из тюрьмы ему было не суждено — он был найден в камере мёртвым (по одной из версий был убит уголовниками).

В связи с этим вспоминается августовский путч 1991 года в Москве, когда трагически-нелепо погибли под гусеницами танка трое молодых ребят, им через несколько дней было присвоено звание Героев Советского Союза. Трагедию сразу превратили в фарс...

Все они жертвы: и три молодых москвича, и казахский парень, не доживший до освобождения, и дружинник, защищавший государственное добро, жертвы бессовестной и бездарной политики властей. И, к сожалению, никто из конкретных виновников их смертей не понёс наказания.

11 декабря

Всё хуже и хуже работает городской пассажирский транспорт, что, в общем, неудивительно. Денег, собираемых на проезд, транспортникам ни на что не хватает. Зарплату водителям не платят без малого год, многие из-за этого увольняются, а на смену им никто не приходит. Часть уволившихся отсудили зарплату у своих автопарков, но получить деньги не могут — денег нет. Долги перед пенсионным фондом у обоих предприятий — около 20 миллионов тенге, в то время как только бюджет Павлодара должен им 80 миллионов за бесплатный проезд 31 категории (!) льготников.

Денег нет ни на что: ни на обновление парка автобусов, ни на ремонт, а часто и на бензин. В этой ситуации отчасти спасают положение частные перевозчики, есть теперь и такие. Готовятся к акционированию и приватизации и городские автобусные парки.

На этом фоне островом стабильности и надёжности остаётся трамвайное управление. Ежедневно на маршруты выходят 105 трамваев, и по интервалам их движения можно сверять часы. Более того, трамвайное управление финансирует значительную часть работ по строительству новых трамвайных линий до Усольского микрорайона. Движение здесь будет открыто в ближайшее время. Проектируется трамвайная линия до Восточного и Дачного микрорайонов.

Впрочем, это строительство, которое по идее должен финансировать город, способно посадить трамвайное управление в долговую яму — оно уже задолжало строителям 50 миллионов тенге. Как будет развязан этот финансовый узел, пока никто не знает.

Казахский музыкально-драматический театр имени Жусупбека Аймаутова получил новую прописку — в здании бывшего Дворца культуры металлургов.

Здание не совсем “театральное”, но выбирать не приходится, надежд на то, что в ближайшее время удастся выстроить специальное, нет никаких. Новые же хозяева алюминиевого завода даже рады были “сбросить” свой ДК на местный бюджет.

В общероссийской забастовке шахтёров участвуют коллективы 151 шахты и 23 разрезов. Долг по зарплате угольщикам составляет 2,6 триллиона рублей. Трудно даже представить себе эту цифру “в натуре”.

Третий съезд Федерации независимых профсоюзов России признал социально-экономическую ситуацию в стране критической и потребовал от президента, правительства и Федерального собрания смены курса экономических реформ.

У нас в редакции весьма иронично относятся к Д. П. Приймаку. Между тем именно он приносит иногда материалы, которые не напишет никто другой. Вот и сегодняшние его заметки про Чалдайский ленточный бор содержат массу любопытнейшей (сейчас принято говорить — эксклюзивной) информации. Ну вот, например: когда-то бор выходил к Иртышу километрах в 30-40 южнее Павлодара. Оказывается, сосна плодоносит не каждый год, а через пять-семь лет... Когда-то один Чалдайский лесхоз собирал более ста тонн живицы в год, потом её разделяли на канифоль и скипидар и отправляли на промышленные и фармацевтические предприятия. Теперь всё это в прошлом, но живицу добывать не перестали, хотя и снизили добычу более чем в пять раз. Специалисты лесхоза намереваются вновь наладить первичную переработку живицы на месте.

12 декабря

Из российского “театра абсурда”. Празднование дня Конституции. По ОРТ сначала показывают явно затянутый отчёт с пресс-конференции лидера коммунистов Г. А. Зюганова, который, само собой, камня на камне не оставляет от нынешних российских реформ. Затем столь же затянутый отчёт о праздновании семилетия (!) ЛДРП — либерально-демократической партии В.В. Жириновского. Торжества заканчиваются фуршетом, на который, помимо прочих, приглашены Горбачёв, Ленин, Сталин, Гитлер (их двойники), и Ленин лихо отплясывает нечто молодёжное.

Затем — пресс-конференция Амана Тулеева — нынешнего российского министра по связям с СНГ. О каких связях и перспективах может идти речь, заявляет Тулеев, если Украина держит курс на сближение с США, а в Казахстане вся крупная промышленность продана иностранцам?

Тяжёлый разговор с директором некогда крепкого совхоза “Маяк”. Он и сегодня ещё держится, но из последних сил... Директор И. И. Колодий общаться со мной не хотел, заявил, что не верит в силу нынешнего печатного слова, а за откровенность свою может запросто пострадать. Я предложил поговорить “не для печати”. И он, мало-помалу разговорившись, с обидой и болью вспоминал, как нелегко было налаживать жизнь в этом степном хозяйстве, какое замечательное у них село, которое, если и держится ещё, то на прежнем запасе прочности, которого уже почти не осталось. Говорил Иван Иванович о бездарной и бездумной политике реформаторов по отношению к селу, о том, как не хотят здесь люди разбегаться в единоличники и фермеры...

На одном из последних общих собраний представитель районного акимата сказал сельчанам, что больше они не могут существовать ни в виде совхоза, ни в виде коллективного сельхозпредприятия — нет таких форм собственности в Казахстане.

— Как же так? — спросил кто-то, — мы — есть, посмотрите — целый зал, и нас уже вроде нет?

— Вы должны сами решить — будет ли каждый, забрав свой имущественный пай и земельную долю, работать поодиночке, или объединяться заново, создавать крестьянские хозяйства.

— Да нам один хрен — как, — послышался голос из зала, — лишь бы с Иван Ивановичем!

И теперь в “Маяке” объединяются заново — под началом всё того же И.И. Колодия. Как хорошо было бы написать обо всём этом, но Иван Иванович категорически против. Может быть, когда-нибудь позже напишу...

13 декабря

Первый раз был в трамвайном управлении, правда, не на самом предприятии, а в конторе, где сохранился уголок социализма: на почётном месте выстроены красные знамёна разного ранга — от отраслевых и республиканских до все-союзных. Ими это транспортное предприятие было в разные годы награждено за победы в социалистическом соревновании.

Трамвайное управление, как в советские времена, так и теперь железной рукой ведёт его начальник Д. Д. Махмутов. Мы с ним сошлись понемногу в совместных поездках на сессии Ассамблеи народа Казахстана (он возглавляет на общественных началах азербайджанский культурный центр).

В этот раз Джафар Джафарович показал мне целую коллекцию поддельных проездных трамвайных билетов, которые каждый день вылавливают контролёры. Некоторые с ходу не отличишь от настоящих — так насобачились их изготовители на подделках. И теперь управление выпускает в свет новые проездные — с условными знаками, которые выступают только при подсвечивании специальными детекторами с инфракрасным излучением. Детекторами будут обеспечены все кондукторы.

Кульпаш Конырова написала о судьбах двух женщин-“декабристок”, не оставивших своих любимых после того, как те получили сроки за участие в декабрьских событиях 1986 года.

У Сапаргуль с Бакытбеком уже был назначен день свадьбы, на которую не явился жених со своей роднёй. Невеста увидела его лишь в зале суда (свидания были запрещены), а потом получила письмо, в котором Бакытбек предлагал решать ей самой — отказаться от него или ждать, но ждать придётся долго... На семейном совете отец решительно выступил против брака, а старший брат Сапаргуль сказал, что выбор она должна сделать сама.

Брак зарегистрировали в тюрьме, где отбывал срок Бакытбек, а медовый месяц уложился в три дня и проходил в тюремном лазарете. Бакытбек отсидел около трёх лет, потом был реабилитирован. Теперь они с Сапаргуль актёры Павлодарского музыкально-драматического театра...

А вот вторая судьба. Алма с Курмангазы уже были женаты, она ждала ребёнка. Записку от жены с сообщением о том, что у него родился сын, Курмангазы передали в зале суда, перед самым оглашением приговора. Курмангазы ещё не знал, что его ждёт, но известие затмило все его прежние переживания, теперь он уже ничего не боялся.

Пока муж отбывал трёхлетний тюремный срок, Алма жила в ауле вместе с его пожилыми родителями, став и для них главной опорой, а когда Курмангазы перевели “на химию” в Мордовию, отправилась с сыном к нему. Теперь он также играет в Павлодарском казахском музыкально-драматическом театре.

Через сто шестьдесят лет казахские женщины повторили подвиг российских декабристок. Чем не сюжет для книги, хорошего фильма?

16 декабря

Пятилетие Дня независимости, государственный праздник. На торжественном собрании в столице по этому поводу говорилось, что по датам он совпадает с 530-летием зарождения казахской государственности, 80-летием национально-освободительного движения против российской колониальной политики, десятилетием декабрьских событий в Алма-Ате.

Кстати, примерно в эти дни Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали печально известное Беловежское соглашение, упразднившее СССР.

Двое последних уже заплатили за “Беловежский сговор” политическим бесславием. Не стяжал славы своими последующими деяниями и Ельцин — скорее, наоборот..

По справедливости говоря, СССР, наверное, распался бы и без Беловежской встречи — слишком далеко к тому времени зашёл парад суверенитетов — вслед за Россией его объявили уже все республики. И ничего путного из горбачёвского союзного договора получиться не могло, Союз в прежнем виде вряд ли можно было бы спасти. Но развалили его так бездарно, что “беловежская тройка” навсегда останется в истории с клеймом предателей-разрушителей.

Заметка в “Труде”: обмотавшись аммонитом, взорвал себя 35-летний Василий Зоркин — забойщик шахты в городе Партизанске Приморского края. В этот день жена в очередной раз напомнила ему: у них двое детей, которых нечем кормить и не во что одеть, и заявила, что уходит к матери. Зарплату Зоркину, как и другим забойщикам, не платили много месяцев. И немногословный, работящий, добрый парень решился на крайнюю меру. Никому ничего не сказав и не оставив никакой записки...

17 декабря

Четвёртый день отдыхаем. Многовато для нормального человека.

По радио повторяют речь Н. А. Назарбаева на торжественном собрании в честь Дня независимости. Президент призывает соотечественников избавляться от ностальгии по прошлому, принять новые исторические реалии, стать сопричастными делам суверенного Казахстана. Н. А. говорит, что только историки будущего оценят величие сделанного казахстанцами за эти пять лет. Историки, может, и оценят, но чего стоят эти перемены людям, живущим сегодня?

Данька вчера опять сказал Ольге, что твёрдо намерен оставить учёбу. Основных мотивов два: “не нравится” и “всё равно сессию не сдам”. Из первого отчасти вытекает и второе.

Сколько мы с О. пережили из-за его поступления! И вот всё коту под хвост...

Можно было бы сказать ему: “Не хочешь учиться — отделийся, живи сам, зарабатывай на пропитание и прочие потребности...”. И это будет справедливо, но целесообразно ли? Ему и без того плохо, а его ещё из дома выталкивают...

Надо, наверное, смириться с неизбежностью его ухода из института.

18 декабря

Первый рабочий день после четырёх выходных. День рваный, суетный... Ворох телетайпных лент с восторженным описанием недавних празднеств (куда всё это ставить?), звонок из акиматовской пресс-службы с дурацкими рекомендациями (в итоге поругались), визит плачущей посетительницы (не туда поставили её благодарности), неразбериха с номером (наорал на зама).

Эту вспышку гнева застал С. П. Шевченко, стал увещевать: от подобного только себе хуже, а если привыкнешь — потом сам себя распалить будешь.

Какое-то тяжёлое моральное состояние — сам не знаю почему. Наверное, просто нервы поизносились, хотя вроде ещё рановато... Почему-то вечно у меня

проблемы — то одно, то другое. Не помешало бы добавить моей сверхответственной натуре немножко “пофигизма”.

Часть подписки потеряли? Ну и хрен с ней — нет у людей денег, что тут поделаешь... С финансами стало хуже? Да пропади оно пропадом — у кого сегодня с доходами хорошо? Бумага заканчивается? Пускай хоть раз соучредители почешутся, им что, газета не нужна?

И так далее, и тому подобное. Но ведь не получится — натуру не переделаешь.

Кстати, о подписке... На какие только ухищрения не идут в районах, чтобы помочь людям... В Иртышском районе большую часть подписки почтовики приняли в долг — под гарантию районной администрации, собравшей для этой цели с бывших совхозов пшеницу нового урожая. Так ведь её ещё продать надо, и деньги свои мы получим, в лучшем случае, несколько месяцев спустя.

В Павлодарском районе почтальоны берут в счёт подписки у жителей сёл и сметану, и масло, и яйца, затем их перепродают и оформляют подписку ежемесячно (теперь можно и так). И нам помогают, и себе: не будет подписки — не будет и работы у почтальонов и, следовательно, хоть и мизерной зарплаты.

Мне часто приходится ругаться с почтовым начальством, а почтальонам надо в ножки поклониться.

В “Часе пик” выступал американский хирург, 29 лет назад первым в мире сделавший операцию на сердце. Сухой, поджарый, энергия из него так и прёт. Ему 74 года, поделился с российскими телезрителями новостью: скоро у него родится сын. Вот как надо жить! Хотя приходит на ум анекдот: мужик в семьдесят с лишним лет женился на молодой и спустя какое-то время обзванивает друзей, сообщая, что у него сын родился. “Поздравляю, — отвечает ему приятель. — А кто отец?”.

В редакцию после восьмилетнего перерыва (по странному стечению обстоятельств — день в день) возвращается Г. А. Бабин. Я после университета около восьми лет оттрубил под его началом в сельхозотделе “ЗП”. Потом был назначен замом, редактором, и уже он стал моим замом. Потом его взяли в обком партии заведовать идеологическим отделом, который курировал газету. Потом он был помощником у первого секретаря обкома и председателя областного Совета... Попытлся наладить собственное дело, но неудачно. И вот просится обратно.

В редакции у нас с Геннадием всегда были хорошие отношения, и в сельхозотделе мы работали душа в душу. Наверное, он был отчасти в обиде, когда не его, а меня назначили замом, но, надо отдать ему должное, он эту обиду никогда не показывал. Отношения наши стали портиться после его перехода в обком — по должности Геннадий должен был обеспечивать партийную линию в газете, чему я подчас противился, не будучи согласным с ней. Приходилось ругаться, хотя ругаться Бабин не любил, да и не умел. И тут уже я на него обижался, хотя, понимаю это теперь, зря: с какой стати он должен был расплачиваться за мои “идейные шатания” (несогласие с линией “первого” в отношении “неформалов” и т. д.).

Если верить Геннадию, однажды первый секретарь обкома партии Мещеряков, которому изрядно надоела моя строптивость, вызвал его и спросил: “Ну что, будем подыскивать Поминову работу?”. Но Бабин его разубедил, сославшись на то, что давно меня знает, что мы дружим семьями, что со мной можно иметь дело.

Впрочем, теперь для меня это уже не имеет значения. По большому счёту я всегда относился к Бабину хорошо, он — труженик, настоящий газетный пахарь. Вот только не потерял ли форму?

19 декабря

Большой, на две газетных полосы доклад Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвящённом пятилетию независимости Республики Казахстан. Примерно половина его посвящена многострадальной истории попыток становления казахской государственности в 15-18 веках, закончившихся присоединением Казахстана к России, которое теперь характеризуется как “процесс колониального захвата мирными и военными средствами”.

Касаясь причин развала СССР, Н. А. Назарбаев говорит: “Время — лучший судья, и сегодня очевидна простая истина: это был стратегический проигрыш — экономический, геополитический — одной из сверхдержав... Главное состояло во внутреннем кризисе системы. Это прежде всего неадекватность экономики современным требованиям...”.

Н. А. считает, что “нам удалось вернуть страну в русло эволюционного развития и последовательно провести фундаментальные институционные реформы”, и призывает соотечественников “помнить о колоссальном по своим масштабам пути, по которому Казахстан прошёл дистанцию от провинциального уголка разваливающейся империи до независимого государства, уважаемого мировым сообществом...”.

21 декабря

Пашке сделали срочную операцию — острый аппендицит. Ещё с вечера жаловался — живот болит. Утром — то же самое, да ещё температура. Вызвали врача, тот — “скорую”... В больнице взяли анализы — и сразу на операцию. Повезло, что в это время был на работе заводчелением В.И. Мишуркин, который уже собирался уходить. Он и сделал операцию, разрешил Ольге остаться с Пашкой. Когда Пашка проснулся ночью после наркоза, не мог сразу сообразить, где находится.

Сегодня утром отвозил им с Ольгой куриный бульон, компот. Рассказывал Пашке, как мне самому в четвёртом классе вырезали аппендикс в Михайловской больнице. Про несколько уколов в живот — так мне место будущего разреза заморазживали. Как после операции стал носки надевать — внул себя, что пока они на мне, всё будет хорошо. Это потому, что их мать мне на ноги натягивала перед отправкой в больницу, и я их талисманом считал. Потом я даже написал новеллу об этом, которую так и назвал “Талисман”, она вошла в книжку “Помню и люблю”.

Ещё помню плакат в больнице про грязные руки и ногти, чреватые страшными болезнями — я уже на следующий день после операции стал просить мать, чтобы она мне ногти подстригла.

В Михайловской больнице не было специальных детских палат, и я оказался в обычной взрослой с парнем лет двадцати. К нему почти каждый вечер приходила медсестра, и они трепались в полутьме до полуночи. Она ему жаловалась на своего то ли парня, то ли мужа, а мой сосед ей всё время повторял: “Да знаю я его, он же слепец, мы его так и звали — “слепец...”. И рассказывал, как они играли в волейбол уже в сумерках, и тот, побежав за мячом, вместо него схватил руками коровью лепёшку.

Вспоминал, как мы старались в больнице рассмешить друг друга, а этого делать было нельзя: когда смеёшься, начинает трястись и живот с ещё не зажившим швом, а это очень неприятно.

... Спасибо великое за нашего Пашку Владимиру Ильичу Мишуркину, с которым я так и не удосужился познакомиться...

22 декабря

В этом году в мире погибло 29 журналистов, в том числе четверо — в России. А всего за последние десять лет на планете были убиты 600 журналистов (Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”).

Опубликовали материал Натальи Дворяниновой о поистине трагической судьбе тепличного комбината “Весна”, созданного в кратчайшие сроки председателем колхоза имени 30-летия Казахской ССР Я. Г. Герингом. Это было поистине уникальное предприятие: 30 гектаров теплиц, в том числе десять — закрытого грунта. Здесь работало 350 человек. “Весна” давала в год два урожая овощей — по 40-60 тонн за каждый, а кроме того, десятки тысяч штук цветов. Продукция комбината выставлялась на ВДНХ СССР и завоёвывала медали. Огурцов собирали до 45 килограммов с квадратного метра, они перестали быть зимой дефицитом в Павлодаре, самолётами отправлялись на север страны, на знаменитый БАМ.

Теперь всё это в прошлом. “Весна” с прошлого года приходит в упадок, разваливается и разворовывается на глазах. Из-за взлёта цен на тепло подскочила себестоимость продукции, комбинат перестал быть самоокупаемым, из-за долгов его отключили от тепла. От некогда образцового хозяйства остаются рожки да ножки. И никому до этого нет дела...

Читал материал и думал: “Хорошо, что Яков Германович Геринг до этого не дожил...”

Полгода не платят зарплату сотрудникам городской поликлиники ветеранов Великой Отечественной войны. И бартера никакого им не полагается, поскольку поликлиника как бы ничья. В ней нет самого элементарного. И платных услуг она оказывать не может.

Сотрудники доведены до отчаяния, пришли на днях в редакцию, мы опубликовали заметку, после чего им выплатили зарплату за июль...

24 декабря

КазТАГ сообщает: началась передислокация министерств в Акмолу. Первую группу — работников Министерства транспорта и коммуникаций — проводжали в Алматы с большой помпой. Вслед за ними отправились в новую столицу представители Министерства сельского хозяйства.

Наверное, у всех “переселенцев” на душе кошки скребут: менять Алматы на Акмолу добровольно немного найдётся охотников.

П. И. Оноприенко написал большой материал о ситуации на энергостроительных и энергоремонтных предприятиях Экибастуза. Ситуация эта катастрофична: заказчики почти полтора года не рассчитываются с ними за уже выполненные строительные, монтажные и ремонтные работы. Соответственно, люди всё это время не получают зарплату, долг по которой превысил 760 миллионов тенге.

“Кинуло” экибастузцев, как теперь стало модно выражаться, и родное государство в лице национальной компании “Казахстанэнерго”: она должна была выплатить часть долгов, но сама оказалась банкротом.

Экибастузцы писали Н. А. Назарбаеву, были на приёме у руководителя его аппарата, в Совете федерации профсоюзов, Мажилисе и правительстве... Даже Архиепископу Алматинскому Алексию челом били... Больше всех они клянут теперь “своего” министра В. Храпунова, который им много чего наобещал, а теперь почти от всего отрекается.

Суды Экибастуза завалены исками о погашении долгов по зарплате. По некоторым из них приняты решения, но денег всё равно нет — имущества предприятий-банкротов хватит в лучшем случае, чтобы оплатить десятую часть долгов.

Что дальше? Никто не знает. Похоже, никого в столице не волнует тот факт, что практически развалился мощнейший строительно-ремонтный комплекс,

создавший и поддерживающий в рабочем состоянии энергетiku Экибастуза, без которой никакие реформы в Казахстане невозможны.

“Без пенсии” — назвали подборку писем читателей в сегодняшнем номере. Пишут из Качир, Прииртышска (Железинский район), Восточного (Лебяжинский), Баянаула... Люди просто в отчаянии. Эти письма, от которых мы оставляем только строки, в оригиналах читать невыносимо...

25 декабря

Новые веяния... Заместитель акима Павлодара Л. Г. Орловская и заведомо культуры В. Ф. Истомина придумали вечер творческой интеллигенции, на котором чествовали литераторов, художников, музыкантов, журналистов. Десять человек получили премии акима Павлодара, в их числе Ольга и С. П. Шевченко. Ольгину получил я (она сидела дома с Пашкой, которого только выписали из больницы).

Хорошая была атмосфера на вечере — добрая, возвышенная. Наверное, ещё и потому, что вела его Е. Н. Иванова, та самая, врач-фониатор. И обо мне тоже сказала добрые слова, в мою честь был исполнен душещипательный романс. И первое, и второе стало для меня полной неожиданностью.

А Е. Н. Иванова уезжает в Москву. Очень жаль, потому что никто не сможет заменить её в Павлодаре...

Хочу написать очерк о Викторе Николаевиче Васильеве — брате поэта, который и сам поэт, прозаик, яркая личность. Записал рассказ В. Н. на диктофон, сфотографировались с ним. Уже придумал заголовок “Виктор, брат Павла”.

А как здорово читает Виктор Николаевич стихи — и брата Павла, и свои... У него есть просто замечательные строки. Про Павла:

*“Он был и есть поэт из самых лучших.
Поэзии разбойный атаман”.*

Великолепны стихи про деда Корнилу:

*“Дед Корнила был дед здоровый —
Рост саженный и бычий глаз.
Он на игрищах гнул подковы,
Четверть водки хлестал зараз...”.*

Дальше рассказ о том, как парят деда в бане сыновья, который после этого:

*“Толым лешим по снегу скачет,
Топит телом своим сугроб...
А потом дед, весьма довольный —
В телесах ещё жар и пар —
Крестит лоб и велит ведёрный
Ставить медный на стол самовар.
Он сидит, словно дуб, и дети,
Снохи, внуки расселись в ряд,
Головами рыжими светят,
Дуют в блюда, на деда глядят.
Скажет он, и в огонь, и в воду —
Хоть куда пойдут сыновья...
Сразу видно его породу,
Сразу видно — Корнилы семья!”*

Хочу вместе с очерком предложить журналу “Простор” стихи Виктора Николаевича.

Отмечали в ресторане “Сарыарка” юбилей В.В. Шершнёвой. Нет, наверное, человека, который бы относился к Валентине Васильевне плохо. В её честь читали стихи, пели песни, ей признавались в любви.

26 декабря

На заседании коллегии областной администрации обсуждали проблему скотокрадства, принявшую масштабы стихийного бедствия. С начала года разными способами уворовано свыше восьми тысяч голов крупного рогатого скота, около 16 тысяч овец, свыше 2500 лошадей. Крадут также свиней, домашнюю птицу: гусей, уток, кур.

В некоторых сёлах, отчаявшись дожидаться помощи от милиции, создают “группы самоохраны” — пешие, конные и моторизованные. Кого-то из скотокрадов ловят и даже судят, но вернуть похищенное удаётся редко.

Мне позвонил директор винно-водочного завода А. Н. Островой, поделился радостью: выпущена первая партия павлодарского спирта. Обещает павлодарцам качественную и недорогую водку. Кроме того, спирт будет поставляться в больницы для медицинских целей и в ветеринарные лаборатории, а также в соседние регионы.

Сколько нервов и сил стоил Александру Николаевичу этот завод. И теперь он радуется как ребёнок.

31 декабря

Праздничный номер уже выпустили. И хотя сегодня рабочий день, решили народ распустить, а начальству посидеть — хотя бы до обеда. И вот сидим — сами не знаем зачем.

В кабинете у меня холод собачий, то же и дома: то ли городские ТЭЦ не выдерживают натиска капитализма, то ли топят плохо. А вернее — всё сошлось: и к зиме станции как надо не подготовились, и топлива мало, да и холода пришли, как всегда, некстати.

Уходящий год хоть и был високосным, хаять его не буду — не был он для нашей семьи таким свинским, как его предшественник, и прожили мы его без особых потрясений.

Собираюсь по дурацкой традиции в отпуск. Кое-как обследовался и оказалось, что уже заработал гипертонию, правда, в начальной стадии. Говорят, надо завести дома тонометр и контролировать давление и не надо ходить в баню (париться).

Вчера принесли набор книжки “Характеры” — из нового цикла, который мы задумали — Семерьянов, Гришина, Ольга и я. Моя — карманного формата, который по идее должен соответствовать “малому жанру”. На обложке — моя лысая голова, “заштрихованная” газетными строками, а на внутренней странице обложки — мозаика из маленьких фотографий моих друзей и родни — этакий “иконостас”-фото-витрина. Это Светлана Петрова придумала, дизайнер, и, по-моему, удачно.

Всё ещё сижу на работе, уже один, отвечаю на звонки: нет газа, нет воды, нет тепла, отключили свет. Такое у нас наступило светлое будущее...

Пойду-ка лучше домой, где уже всюю готовятся к Новому году под руководством сразу двух бабушек — Антонины Тимофеевны и Александры Яковлевны. Может, уже и рюмку в обед предложат?

Продолжение в следующем номере.

Наш адрес: НИ ДОМ И НИ УЛИЦА...

(Окончание. Начало в №№ 6,7 за 2011 год)

Часть III

Ак Жаик, Яицкий городок. Уральск

Итак, Уральск, в старину Яицкий городок. Вот уже четыре века стоит на берегу реки, которая у казахов никогда своего названия не меняла — Ак Жаик, в то время как русские её вначале называли как и татары и башкиры — Яик. Императрица Екатерина II после Пугачёвского бунта переименовала реку в Урал.

Моя бабушка и родители, одним словом, старшее поколение, называли город по-своему — “Теке”, в переводе “Козёл”.

В смутные 90-е годы конца прошлого столетия, когда страну захлестнула эпидемия топонимической “революции”, отдельные реформаторы предлагали переименовать Уральск в Теке, мотивируя тем, что это наиболее правильное решение для восстановления исторической справедливости! Это вызвало гром возмущений, особенно среди потомков яицких казаков, коренных жителей Уральска.

По моему мнению, старики называли город Теке по одной простой причине. Там был большой базар козьего пуха, а при разговоре они постоянно твердили: “Помнишь на Теке-базаре?”.

На скудных полупустынных пастбищах с бухарской (азиатской) стороны Урала козы чувствовали себя гораздо лучше, чем овцы. Более неприхотливые, они и размножались быстрее овец. По продуктивности пуха козлы в два с лишним раза превышали коз, посему их и разводили в этих краях. Мясо козлов не употребляли в пищу из-за специфического запаха. С началом весны животных вычёсывали. Пух доводили до необходимых кондиций, многие мастерицы вязали из него платки, и всё везли на Текинский базар, где это добро перекупали оптовики-коммерсанты, преимущественно местные татары, затем перепродавали. Семьями, от мала до велика, вязали пуховые платки изумительного качества, которые легко протаскивали через обручальное кольцо!

Это уже потом, в середине XX века знаменитая певица Людмила Зыкина прославила пуховый платок в популярной песне, правда, под названием “оренбургский”.

Находясь на оживлённом перекрёстке Европы и Азии, город — свидетель зарождения Евразии. Как научная концепция, евразийство появилось на свет в 1921 году, когда в Софии вышел сборник статей “Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение Евразийства”.

Зародившись в эмигрантской среде, данное научное направление не получило своего дальнейшего развития именно там, где по логике должно было развиваться. Наиболее сжатая форма евразийства дана князем Н. С. Трубецким.

“Национальным субстратом, который прежде назывался Российской империей, а теперь СССР, может быть вся совокупность народов, населяющих это

государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация, и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, её территорию Евразией, её национализм — евразийским. Ведущая роль в данном случае отдавалась территории. Это особый исторический и географический мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии”.

Если принять данную концепцию за исходную, то, как считал Л. Н. Гумилёв: “Большая роль здесь принадлежит наследию, которое досталось от Чингисхана”. Согласно его завещанию, территория, по которой впоследствии кочевали племена Среднего и Младшего жузов, была отдана во владение старшего сына Джучи. Её центром во времена правления сына Джучи хана Батые под общим названием “Золотая Орда” был бассейн Волги. Регион Старшего жуза был отдан второму сыну Чагатаю, где сформировался Жагатаевский улус.

По мнению академика В. В. Бартольда, “Культура Золотой Орды опровергает мнение, которое теперь должно быть оставлено. Будто бы культурная отсталость России зависит от монгольского ига, что без него Россия находилась бы на той же степени культуры, как Западная Европа!

Теперь можно сказать, что именно в период монгольского ига, когда караванные пути проходили через Россию, Россия вступила в более тесную связь и с Востоком, и с Западной Европой. Вступление Новгорода и других городов в ганзейский союз раньше не было бы возможным. Культура при монгольском иге придвигается к России, и если сравнить жизнь московскую с жизнью предшествующих периодов, например, киевского, то увидим большее развитие по сравнению с прежним временем.

Отсталость России от Западной Европы объясняется тем, что она, будучи православной, не принимала участия в крестовых походах и т. д. На Западе арабские сочинения переводились на европейские языки, а в России православие, заимствованное из Византии, было настолько сильно, что, несмотря на непосредственные сношения с Золотой Ордой и Хорезмом, не было ни одного случая прямого заимствования какого-нибудь восточного литературного памятника и перевода его на русский язык.

Мы знаем, что были переводы на русский язык некоторых восточных произведений, но эти сочинения появились в России в XIV веке окружным путём, через Западную Европу, и те же евреи, которые на Западе были главными переводчиками между восточной и европейской культурами, переносили эти произведения в Россию”.

С Уральском, а в те годы Яицким городком, связаны имена грозных атаманов, которые с некоторым перерывом в течение полутора веков были головной болью Власти, вселяя грабежами страх в местах своего пребывания. Их имена в недалёком прошлом романтизировала Власть.

Свои деяния атаманы совершали под популистским лозунгом: “Я пришёл дать вам волю!”.

Позже большевики, действуя подобным методом, но под руководством грамотных людей, добились захвата власти, о чём атаманы только мечтали.

Итак, первый из них Ермак Тимофеевич родился между 1532-1542 г., неизвестно где. Считается донским или волжским казаком, по другой версии — переселенец из Центральной России. Погиб в бою с сибирским ханом Кучумом в 1584 или 1585 году, положив начало освоению Сибири Русским государством.

Степан Тимофеевич Разин родился около 1630 года. Донской казак, атаман. Предводитель крестьянской войны (1670-1671), совершил с отрядами казацкой голытьбы поход на Волгу и Яик (1667), в Персию (1668-1669). Выдан властям, казнён (четвертован) 4 июня 1671 года в Москве.

Емельян Иванович Пугачёв родился в 1740 или 1742 году. Донской казак. Под именем императора Петра III поднял восстание яицких казаков в августе 1773 года. Выдан властям. Казнён (четвертован) 10 января 1775 года в Москве на Болотной площади.

На Руси предусматривались пять видов казней, которые зависели от вида преступления. Четвертование применялось за оскорбление государя, за покушение на его жизнь, за измену и самозванство.

Имя первого атамана значится среди Ста великих путешественников. Второго и третьего — среди Ста великих авантюристов и Ста великих казней.

Первые двое — герои популярных русских народных песен. Все они вместе занесены в книгу “500 самых великих людей России”.

Коротко об их деяниях:

Ермак Тимофеевич. Почему-то мало кто обращает внимание на следующие обстоятельства. Поход Ермака по времени совпадает с эпохой испанской конкисты (завоевание, захват, грабёж) Центральной и Южной Америки. Имена конкистадоров знает весь мир — Бальбоа, Писарро, Кортес, Каседа и другие. По жестокости и коварству ни испанские, ни русские конкистадоры ни в чём не уступали друг другу.

Не исключаю версии, что Ермак новоиспечённый православный христианин, потому как с особой жестокостью и цинизмом в течение всего похода относился к местному люду, которые были мусульманами.

По возвращении с войны (1581) Ермак неожиданно появляется на Каспии и начинает грабить торговые суда. Теснимый правительственными войсками, был вынужден бежать.

Соединив свои силы на Яике с другим атаманом Иваном Кольцо, вдвоём начали громить Ногайскую Орду, что совершенно не устраивало Власть.

Казачий круг также отверг эту затею, приняв решение направить отряд в 540 казаков в неведомый доселе Сибирский край, определив Ермака предводителем, Ивана Кольцо и Богдана Брязгу — помощниками, придав им четырёх есаулов. Нашлись, выражаясь по-современному, и спонсоры похода — известный уральский солепромышленник Михаил Строганов и его братья. В 1584 году Ермак завоёвывает Искер — столицу сибирских ханов, стоявший на месте впадения Тобола в Иртыш. Впоследствии здесь возник город Тобольск — административный центр края, откуда организовывались все операции по дальнейшему завоеванию края.

Покорение Сибири Ермаком красочно и с документальной точностью изображено в известной картине русского художника В. И. Сурикова.

Главной движущей силой этих завоеваний была “мягкая рухлядь” — меха, коими монопольно торговала Россия в те годы. Одним словом, “бизнес”.

Подобных стремительных темпов освоения новых земель не знала ни одна из колониальных стран мира.

Степан Тимофеевич Разин (Стенька Разин). После удачных совместных действий с калмыками против ногайцев (1661) его пригласили в Москву. За бунт среди казаков был повешен его брат Иван. За гибель Ивашки Стенька с братом Фролом поклялись отомстить боярам и воеводам.

В 1667 году Разин, собрав отряд, начал свои грабежи на Дону и Волге. Вскоре напал на караван с хлебом, который спускался в Астрахань из

Новгорода. Барки были разграблены. Люди, сопровождавшие хлебный транспорт, подверглись пыткам и были убиты.

Атаман прослыл колдуном, который одним окриком останавливает корабли, взглядом повергает в оцепенение охрану, от его тела отскакивают пули...

Всё было продумано и обставлено довольно просто и обыденно — плати дань. Но денег всё равно катастрофически не хватало. “Аппетит приходит во время еды!”.

Он нападает на Яицкий городок, который не оказывает ему никакого сопротивления. Отсюда Разин совершает опустошительные набеги на крымских татар, ходит “на промысел” к устью Волги против мусульманских купцов. Каспий в то время был морским транзитом Великого шёлкового пути. Своими деяниями атаман наносил огромный ущерб государственной казне.

В 1667 году из Москвы пришла грамота: “Чинить “происк” над воровскими казаками и не допускать их разбоя в море!”. Напрасно. Теперь уже стрельцы и солдаты с большой охотой перебегали на сторону Разина, нежели воевали против него.

Вскоре разинцы вышли на море, совершая набеги на персидские провинции вдоль побережья Каспия. Начался самый блестящий период карьеры атамана как морского пирата.

Опустошив каспийское побережье от Дербента до Баку, корсары достигли порта Решта, губернатор которого открыл рейд пиратам. Разин собирался обосноваться на персидской земле, послав свою просьбу шаху Сафи II, внуку прославленного шаха Аббаса, при котором Персия впервые за тысячи лет стала мощной и независимой державой. Однако переговоры затянулись.

При Сафи II престиж Персии значительно упал. Шла борьба за власть, усугубившаяся голодом, инфляцией, коррупцией, эпидемией чумы и набегами казаков. Возможно, шах и рассчитывал на Разина?

Тем временем жители города напали на корсаров и убили 400 казаков. Надо полагать, что на самом деле всё обстояло несколько иначе.

Пока атаман вёл политические дебаты — торг с посланниками шаха, его подручные вели себя так, как привыкли вести при прежних опустошительных набегах. Не неся строгой караульной службы по уставу в ожидании результатов переговоров, которые их не особенно интересовали.

Пираты забыли, что находятся в чужом мире, глубоко мусульманской стране со своими нравами, традициями, и поплатились за это сполна. Так жители города ответили неожиданным “гостям”.

Флотилия Разина срочно покинула враждебный порт и жестоко отомстила за свои потери, напав на персидский флот и уничтожив его. Адмирал едва спасся от плена всего с тремя судами, оставив на милость победителю своих сына и дочь, которую Разин незамедлительно превратил в наложницу.

Похождения пиратов начали принимать опасный оборот. Переговоры провалились. Стенька и его корсары не знали, что делать дальше. Как поступить с награбленной добычей?

Тем временем, выполняя высочайший указ, астраханский воевода тщательно готовился к встрече с корсарами, выставив 36 судов с 4000 стрельцов.

Не разобравшись в ситуации, пираты бросились в бой с профессиональными войсками. Потерпев поражение, сдались.

Следуя инструкции, астраханские воеводы, князя Прозоровские, на переговорах пошли на большие уступки.

Пиратам предложили вернуть всё, что они награбили на русской территории. Разгром персидских владений посчитали как ответ за их набеги.

25 августа 1669 года Разин и его корсары принесли торжественную повинную. Атаман, сложив свою булаву, клятвенно обещал выполнять принятые на себя обязательства, послал в Москву прошение, отделавшись снисходительным выговором.

Стенька пировал с воеводами, одарив их награбленными в Персии товарами. Бил челом царю городами, отнятыми у шаха. Достиг своей цели — ему позволили вернуться на Дон с остатками добычи.

В Астрахани пираты вели себя, как подобает вести себя людям их ранга, представ во всё своём великолепии в шелках и золоте. На лодках красовались шёлковые канаты и паруса. Корсары шатались по кабакам в бархатных кафтанах, расплачиваясь драгоценными жемчугами! Вызывая этим всеобщую зависть недавних своих победителей. Главный пират, державший в страхе свою рать, представлялся всюду ласковым, щедрым, великодушным. Воеводы по сравнению с ним казались жестокими, требовательными и строгими к бедному люду.

Разин настаивал, чтобы ему оказывали царские почести, приходившие к нему должны были становиться на колени, кланяться лбом до земли. Рядом с ним постоянно находилась наложница-персиянка. Её красота и знатное происхождение ещё больше поднимали авторитет атамана, вызывая всеобщую зависть.

Этим, вероятнее всего, объясняется неожиданный поступок. В разгар пиршества опьянённый вином и страстью Разин бросает прекрасную персиянку в Волгу. Но, скорее всего, это из области легенд.

Атаман, как и все подобные ему авантюристы, относились пренебрежительно ко всему, в том числе и к человеческой жизни. Возможно, он убил свою наложницу в условиях не столь мелодраматических... В практике были случаи, когда он, присвоив себе роль верховного судьи, приказал повесить за ноги женщину, уличённую в измене, и утопить её соблазнителя.

Пираты Разина своей разгульной жизнью надоели городу, наконец, ко всеобщему удовлетворению, они покинули Астрахань. По пути на Дон атаман посетил Царицын, где поил своих людей за счёт жителей. Сорвал выкуп у царицынского воеводы.

После Астрахани Разин проникся сознанием своего величия и могущества. В его резиденцию на Дону стали собираться авантюристы всех мастей, искатели приключений. Наслушавшись молвы о персидских набегах, они с нетерпением ждали новых походов атамана, подливая масла в огонь всеобщего хаоса и неповиновения. Волнения охватили огромный регион от донских степей до Тулы. Начались поджоги усадеб, грабежи, убийства представителей власти.

Вскоре во главе семитысячного отряда Разин сухопутным путём двинулся к Царицыну. Жители города покорно открыли ворота. Не сдавался один начальник. Башню, где он засел, взяли приступом. Несчастливого воеводу с петлёй на шее протащили до Волги и утопили.

Здесь у Разина возник грандиозный план — подняться по реке, расправиться с воеводами, взбунтовать население и пойти на Москву.

В это время пришло известие, что к Царицыну направляются войска. Разин, разгадав намерения, наголову разбил их. Военачальников постигла участь царицынского воеводы.

Теперь атаман, отвергнув первоначальный план наступления на Москву, повернул войска на Астрахань с целью разграбления и правления в южной торговой столице России!

Умирающего воеводу, который годом ранее способствовал свободе атамана, сбросили с колокольни на крепостные стены. Было казнено более четырёхсот пленников.

Такая же участь постигла старшего шестнадцатилетнего сына воеводы, которого убили после страшных пыток, чтобы узнать, где хранилась городская казна.

В ходе мятежа была сожжена вся астраханская флотилия во главе с военным кораблём “Орёл”, спущенном на воду летом 1669 года.

Россия претендовала на главенствующую роль в геополитике Каспийского транзита, который был основной дорогой доставки шёлка на Запад, а западных товаров на Восток. Флотилия должна была обеспечивать безопасность торговых караванов.

Захватив город, Разин и его подручные бражничали с утра до ночи, устраивали непрерывные оргии. В сладострастном экстазе вседозволенности и величия Разин и его разбойники находили новые жертвы для расправы. Атамана неудержимо манила Персия. Однако все переговоры заканчивались неудачно. В ярости он казнил брата своей любовницы, зацепив железным крюком за ребро.

Город, захлебнувшись в разбоях и крови, медленно умирал. В один из моментов Разин почувствовал, что Москва может собраться с силами — и тогда с нею уже не совладать. Он приказал выступить в поход. Однако время было упущено.

Разин постепенно начал терпеть поражения. Но авантюрная его натура не знала границ. Тем более, что народные волнения на Дону, в Поволжье и центральной полосе России приобретали громадный размах. Крестьяне убивали помещиков, управляющих имениями, массами переходили на сторону бунтовщиков. Всюду возникали новые отряды восставших, при их приближении городская голытьба бросалась на воевод и их подчинённых, заменяла их избранными атаманами, которые устанавливали новый режим, занимаясь грабежами.

Надо признать, что в ходе крестьянской войны Степан Разин проявил себя умелым организатором обездоленных масс и руководителем. Однако царские войска, ведомые более опытными военачальниками, справившись с растерянностью и собравшись с силами, решительными действиями стали усмирять разрозненные отряды восставших огнём и мечом с не меньшей жестокостью.

Отступив вниз по Волге, Степан Разин отчаянно сопротивлялся, прибегая к различным ухищрениям. В частности, распространял слухи, якобы вместе с ним находятся патриарх Никон и царевич Алексей, ставший жертвой бояр.

В действительности же наследник престола к тому времени умер, а Никон после разрыва с царём ещё в 1658 году оставил патриаршество, церковный собор 1666-1667 годов снял с него сан патриарха, сам же опальный иерарх православной церкви был сослан.

Тем не менее Степан Разин окружил глубокой таинственностью две старательно оберегаемые лодки его флотилии, в которых за красными и чёрными бархатными драпировками будто бы находились Никон и царевич.

Но хитрость не помогла. Из Симбирска Стенька бежит в Самару, где перед ним закрываются городские ворота. Он уже не колдун, уже утратил сверхъестественную силу. Не принял его и Саратов. В конце концов казачья верхушка выдала Разина царскому правительству, и атаман был казнён в Москве в 1671 году.

Емельян Иванович Пугачёв.

“Ужас XVIII столетия” — так охарактеризовала Екатерина II восстание Пугачёва — самое крупное социальное потрясение за 34 года её правления. Родился Пугачёв в станице Зимовейская, где и его именитый предшественник Степан Разин. Будучи донским казаком, участвовал в Семилетней (1756-1763) и русско-турецкой (1768-1770) войнах в чине хорунжего. Затем в течение трёх лет — искатель приключений, авантюрист. Постоянно в бегах. Его хватали. Сажали. Он убегал, скрывался, пока в Яицком городке не сошёлся с идейным единомышленником старообрядцем Пьяновым. Здесь и состоялся их первый разговор, сыгравший решающую роль. Самозванец Пугачёв, действуя умно, осмотрительно, тайно доверился гостеприимному хозяину дома: “Я не купец, а государь Пётр Фёдорович!”.

Но, как говорится, “шила в мешке не утаишь!”. По доносу его сажают в тюрьму, где он пробыл до конца мая 1773 года. А затем бежал к своим новым единомышленникам. Уже к августу распространился слух, будто бы Пётр III скрывается у яицких казаков. Весть эта, разрастаясь как снежный ком, будоражила умы казаков, в памяти которых был ещё свеж бунт в Яицком городке в начале года.

Эти события вызвали поддержку и одобрение у всех казаков на Волге, Дону, Тереке, Днепре. А тут неожиданно-негаданно объявляется претендент на роль лидера. К нему стали приглядываться местная элита, участники недавнего мятежа.

Наконец Пугачёв появился в широком кругу как “Пётр III” — со своей “программой”. Смотринами стороны остались довольны.

Не мудрствуя лукаво, окончательно войдя в свою роль, претендент на императорский трон поведал о посещении Киева-града, Польши. Это понятно и объяснимо, в тех краях он воевал. Но чтобы всех убедить, что он и есть император Пётр Фёдорович, свергнутый в результате дворцового переворота его женой Екатериной, но не был убит в 1762 году, а сумел скрыться, красочно рассказал о многолетних скитаниях, которые якобы и привели его через Египет, Иерусалим, Рим, Царьград на Терек, Дон и наконец в Яицкий городок. Легенда сработала!

Стремительно развиваясь, события приняли необратимый процесс. В сентябре “Пётр III” в присутствии яицких казаков, калмыков, башкир объявляет Первый манифест, написанный Яковом Почиталиным — секретарём неграмотного Пугачёва.

“Мудрые” казаки, не имея единства в своих рядах, решили использовать самозванца в своих целях, сделав его фактически своим заложником. Они женили его на 16-летней местной красавице Устинье Кузнецовой. “Молодожёнов” венчал по всем канонам православной веры священник С.Михайлов в Петропавловской церкви. В то время как на Дону у Пугачёва осталась жена Софья, сын Трофим, дочери Аграфена и Христина.

Казаки знали, что “Пётр III” не особенно доверял крестьянам, тем более киргизам-“бусурманам”, как презрительно казаки называли местных степняков-кочевников. По этой причине жалование в его войсках получали

только яицкие казаки — основная опора Пугачёва, остальные довольствовались награбленным. В октябре 1773 года весть о бунте достигла Петербурга. Трёхтысячное войско мятежников осаждало Оренбург, но осада затянулась.

Перед этим по инициативе Пугачёва состоялась его тайная встреча с лидером Младшего жуза ханом Нуралы. О чём могли говорить степной аристократ “белая кость”, прямой потомок “потрясателя Вселенной”, в руках которого была реальная власть, и самозванец, выдававший себя за царя Петра III, трудно представить.

Тем более, что после убийства отца Абулхаира Нуралы со всеми почестями был возведён в ранг хана Младшего жуза, дав клятву верности империи на Коране. Он мог бы запросто прогнать самозванца, но что-то удерживало его. Что?

Наверняка он был уже осведомлён, что Пугачёва поддерживали яицкие казаки, башкиры, калмыки — вечные враги казахов. Идти напролом опасно. К тому же и в своём окружении врагов у него было предостаточно.

Он отправил губернатору Оренбургского края И. А. Рейнсдопу донесение, открыто заявив о готовности оказать помощь правительственным войскам в подавлении бунта и поимке Пугачёва.

По сведениям переводчика, наблюдательный хан прокомментировал: “... Похож на бурлака, в чёрном худом кафтане, в шляпе, в лаптях, лицом смугловат, борода русая, возраста среднего...”.

На переговоры со степняками Пугачёв прибыл в сопровождении двадцати яицких казаков. Они находились в ставке хана несколько дней, занимали две юрты, где их ежедневно угощали баранами и кумысом.

Через несколько месяцев “Пётр III” снова прибыл в ханский аул, но на этот раз как и подобает подлинному императору — в сопровождении большого многонационального отряда, чем он надеялся окончательно склонить на свою сторону правителя Младшего жуза. Но и этот визит оказался безрезультатным.

Тогда Пугачёв обратился к султанам, старшинам, простому люду, в коих и нашёл полную поддержку. Они выторговали себе право на обогащение за счёт грабежей во время военных походов. Недовольная элита претендовала на место хана в случае смещения Нуралы. На эти условия самозванец с удовольствием согласился. Не скупясь на обещания.

Малообученные мятежники Пугачёва воевали с регулярными войсками, которыми командовали талантливые военачальники, среди которых был будущий генералиссимус А. В. Суворов. В открытых столкновениях пугачёвцы терпели поражение, но после каждого из них возрождались, словно птица Феникс из пепла.

Такова великая притягательная сила мятежа, анархии, грабежа. Стихия Крестьянской войны охватывала многие губернии и становилась неуправляемой. И хотя многие историки считают, что Пугачёв проявил выдающиеся военные и организационные способности, однако, на мой взгляд, он не слишком доверял крестьянству и в критической ситуации растерялся. Особенно ярко это проявилось летом 1774 года, когда перед атаманом открылся путь на Москву, лежавший через районы, где его поддерживали крестьяне.

Паника, охватившая помещичьи усадьбы, дошла до столицы. Императрица Екатерина II в минуты отчаяния сама была готова возглавить карательные войска.

И тут самозванец совершил стратегическую ошибку, повернув на юг, что и привело его к разгрому. Убедившись, что мятеж будет подавлен, богатые яицкие казаки, примыкавшие к восстанию, схватили Пугачёва и выдали его властям.

После подавления восстания и казни Пугачёва указом Екатерины II от 15 января 1775 года Яицкий городок был переименован в Уральск, река — в Урал, Яицкое войско — в Уральское. Для придания всему случившемуся полного забвения станица Зимовейская, давшая России двух предводителей восстания, была переименована в Потёмкинскую.

Самостоятельность казачества была ликвидирована. Назначение атамана становилось прерогативой исключительно императора. В город, теперь Уральск, был введён, на всякий случай, постоянный воинский гарнизон.

Шаг за шагом Власть проводит свои реформы. Казачьи чины были уравнены с армейскими. Жизнь казака — как военная, так и гражданская, определялась законом.

Образовались 10 полков, вводились форменный мундир, единообразное вооружение и снаряжение. Нововведения вызвали бурю негодования среди вольных казаков, для подавления которых направлялись войска. Смутьянов усмиряли, отправляли на каторгу в Сибирь, прогоняли сквозь строй.

Историю Яицкого (Уральского) казачества принято делить на три периода.

Первый. Независимые казаки строили свои отношения с Властью на договорных условиях. В их внутренние дела никто не вмешивался. Войсковой атаман избирался казачьим кругом, им его и смещали. Идя на службу, казаки не принимали присягу. Одним словом, полная свобода и демократия.

Второй — 1680-1774 годы. Время ожесточённой борьбы казаков за свою автономию. Делами казачьего войска уже ведал Казачий приказ.

Третий — после подавления Пугачёвского бунта по 1917 год.

Близилось время, которому суждено было превратить Кушку в русскую крепость, а яицкую линию — в дремотное рыбацкое захолустье империи, с чем гордые и своевольные казаки не хотели мириться.

Грязный, неблагоустроенный, лишённый элементарной медицины, Уральск нередко становился жертвой пожаров и эпидемий.

Основатели Уральска — яицкие казаки не могли быть носителями культуры и просвещения. Это был неграмотный, агрессивный люд, который прилагал свои усилия не к тому, “чтобы воспользоваться богатыми дарами природы, прокормить себя своим трудом”. Напротив, казачество выработало другой, более лёгкий способ наживы: грабёж покорённого инородца, расхищение природных богатств края!

Уральск выделялся своим выгодным географическим положением. Отсюда значительное количество товаров поступало на знаменитую нижегородскую ярмарку.

Из Уральска шли известные гужевые тракты: Самарский, Бузулукский, Чижинский до Балакова, Оренбургский, который потерял своё значение после проведения Урало-Рязанской железной дороги.

Край, наряду с рыбной и животноводческой продукцией, стал популярен и как зерновой. Знаменитая Лбищенская пшеница пользовалась спросом даже в Англии. Недаром в Уральске была построена первая в Казанском крае промышленная мельница, которая действует и поныне.

Местные купцы и коммерсанты считали менее затратным продавать главное богатство края — скот в натуре, чем в переработанном виде.

Только с началом первой мировой войны для снабжения войск продовольствием армейское интендантское управление построило в Уральске крупный мясоконсервный комбинат, ныне канувший в небытие, как, впрочем, и многие другие его собратья по стране.

Тогда край стал одним из крупнейших поставщиков продовольствия для Российской империи.

К началу XX века бедняк — уральский казак — был по имущественному положению равен середняку Самарской губернии: имел 2-4 лошади, пару коров, десяток овец, все необходимые принадлежности для рыболовства. При этом он не эксплуатировал чужого труда: хозяйство обслуживала семья!

С экономикой всё понятно, а как же с культурой и образованием? Первое училище в городе было открыто в 1812 году. В 1871 году в Уральске появилась гимназия. Действовали женское училище, 45 народных школ, в которых среди славян обучалось и 22 казаха.

Согласно переписи населения 1897 года, в Уральске славяне составляли около 32 тысяч человек из 36,6 общей численности. В 1913 году в Уральском реальном училище обучалось 14 казахских детей. Это были дети местных богачей, плата за обучение составляла 250 рублей в год (что равнялось стоимости поголовья более 200 овец).

В том же году открылась первая учительская семинария на 23 учащихся, где обучались 2 казаха и 7 детей крестьян. В начале XX века в городе на одного грамотного приходилось 18 неграмотных.

С медицинским обслуживанием было гораздо хуже. Один врач приходился более чем на 6 тысяч человек, фельдшер осматривал более 3 тысяч, одна больничная койка приходилась более чем на 200 человек.

В 1850 году появился первый театр, открытие которого было большим событием для культуры края. Через некоторое время стала печататься газета.

Уральск посещали В. В. Даль, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, И. С. Аксаков. Сюда ссылались революционеры Сигизмунд Сераковский — польский патриот, посвятивший свою жизнь освобождению страны от России, за что был казнён, поэт-петрашевец А. Н. Плещеев и многие другие.

В 1768-1769 годы край посетил доктор медицины, профессор натуральной истории, член Петербургской академии наук и Вольного экономического общества, а также Римской императорской академии естествоиспытателей и Королевского английского учёного собрания, учёный с мировым именем Пётр Симон Паллас. И оставил свои записи, в объективности которых сомневаться не приходится.

“... Город многолюден. Главным начальником яицких казаков почитается живущий в Яицком городе войсковой атаман, который подсуден Государственной военной коллегии. Под ним состоят 20 старшин. Но никто из некрещёных казаков не может произойти в оные высокие чины и никогда больше не бывает как сотник, да и то очень редко случается.

... В городе находится много некрещёных татар, калмыков и так называемых кызыбашей, которые произошли от туркменов и персиян. Они по большей части содержат дынные и арбузные огороды, занимаются садоводством. [Кизибаши. Из этого тюркского клана вышел знаменитый Надир-шах (1699—1747), прозванный “персидским Наполеоном”. Впоследствии был убит приближённым из своего клана. Кизибаши стали подвергаться гонениям, появившись в Яицком крае, приняв православие, пополнили ряды казаков].

... Яицкие казаки, как в правлении их дел, так и в житии совершенно вольны. Молодые люди препровождают дни в забавах, и многие казаки вдалились в праздность и пьянство. Женский пол также любит увеселение и, кажется, что имеет склонность к щегольству и к любви.

Во все большие церковные праздники и торжественные дни народ обыкновенно собирается по окончании Божией службы к канцелярии, где для потчевания его бывает выставлено несколько вёдер вина, и на древесной коре положен хлеб и рыба.

В канцелярии снимают зеркало со стола долой и ставят крепкие напитки, вяленую рыбу, пресную, паюсную икру и хлеб. Потом атаман и старшины пьют при пушечной пальбе за здоровье главных начальников и всего казачьего войска.

Главный промысел и упражнение яицких казаков состоит в рыбной ловле, которая нигде в России столь широко не распространена и законами не ограничена, как в здешнем месте.

В реке Яик бывает лов только четыре раза в году, и три лова можно почесть главными.

Первый и самый важный лов в году бывает в январе месяце, тогда таскают рыбу баграми, и называется потому багрение...".

Вот что писал об этом виде рыбной ловли видный учёный, историк края П. И. Рычков, посетивший Яицкий городок в 1748 году: "Белуги и осетры на реке Яик вкусом гораздо лучше волжских. Летом их ловят неводами — это называется плавня, а зимою баграми или багренье — особым способом.

Зимой эта рыба всегда ищет глубокие места, где ложится стадами и рядами так, что от самого дна до поверхности льда одна на другой, и воды между рядами их бывает, как на ладони. Такими стадами они занимают глубокие места или ямищи, которые яицкие казаки зная, присматривают. Узнав, где рыба лежит, атаману и старшим объявляют, а от них крепкое наблюдение чинится, чтоб в тех местах до назначенного времени никто не ловил и рыбу не тревожил.

Второй севрюжный лов (весенняя плавня) бывает в марте месяце и продолжается до июня.

Третий и не столь важный лов (осенняя плавня) случается в октябре месяце, ловят рыбу сетями.

В начале декабря ловят рыбу также сетями подо льдом, на других реках, степных озёрах, только не в Яике, которое можно назвать четвёртым ловом. Он немаловажен, потому как ловят только мелкую рыбу на домашний обиход"...

Урал издавна славился своими рыбными богатствами. Именно рыба являлась главной притягательной силой новых пришлых людей.

Коренной народ, в те времена кочевники-ногайцы, довольствовался мясом скота. Так проще и привычнее. По моему мнению, это особая примета номадов. Поясню на примере XX века. Когда работал в Монголии, крайне редко видел монгола-рыбака. Хотя чистые, хрустально-прозрачные горные реки кишели благородными видами рыб: хариус, ленок, таймень. Рыбалка была любимым видом не только отдыха, но и промысла местных русских, коих в стране, особенно на севере, достаточно и, конечно, советских специалистов, для которых рыбалка — любимое занятие.

С 1645 года низовья Урала были безвозмездно переданы астраханскому рыбопромышленнику Михаилу Гурьеву, который обязался вместо

деревянного острога построить каменный городок. Он платил дань местным ногайцам, скупал у них кирпич с каменных построек города Сарайчик, находившийся рядом с новой крепостью.

По легенде, хитрый М. Гурьев маскировал свою стройку парусами, создавая видимость — тут стоят торговые суда.

Когда он выстроил крепость, отказался платить дань. К тому же ногайцам было не до него. Они занялись традиционной междоусобицей!

Предприимчивый купец нашёл простой и очень эффективный способ увеличения добычи рыбы, когда её просто черпали из воды. Он перегородил реку учугом. Это обычная изгородь от берега до берега.

Подобная затея была причиной частых споров, доходивших до конфликтов, в том числе военных, гурьевских рыболовов с яицкими казаками.

Давний спор был решён в 1743 году с приходом первого губернатора края И. И. Неплюева, с именем которого связана организация рыбного промысла на реке и всего рыбного хозяйства края, который был передан из ведения Астраханской губернии в Оренбургскую.

Издан указ, согласно которому гурьевский учуг был уничтожен. Яицкие казаки стали владеть всеми рыбными угодьями от Уральска до Каспия.

Сам учуг был перенесён к Уральску. Просуществовал с 1752 по 1917 год. С 1900 года — металлический. Осенью 1917 года в период безвластия его не разобрали, и весной в половодье учуг унесло в море.

С конца XIX века на Урале были начаты работы по искусственному разведению севрюги и осетра, связанные с именем ихтиолога-исследователя Н. А. Бородин. Он создаёт первую ихтиологическую лабораторию, первую коллекцию всех уральских рыб.

В самой организации рыбного промысла было немало положительных моментов. Главное — законы общественной рыбной ловли, которые создавались самими ловцами. Они были хозяевами рыбных угодий. Законы диктовались необходимостью сохранения рыбных богатств — основной жизни казаков. Например, во время весеннего лова севрюги все другие виды осетровых, попавших в сети, выбрасывались обратно в воду, так было выгоднее — лучше их ловить зимой. Каждый участник рыбной ловли следил за соблюдением этих правил. Виновник строго наказывался.

Н. А. Бородин писал: “Как земледелие, питающее большую часть населения России, является в глазах простолюдина не простым занятием, а делом священным и окружается особым поэтическим ореолом, так рыболовство у уральских казаков, представляя любимый промысел населения, имеет свою поэзию: почти во всех бытовых песнях фигурирует “Яикушка” — сын Горынович с золотым донышком, серебряными крылышками”, заменяющий здесь “мать-сыру землю!”.

После уничтожения казачества в их владениях наступило безвластие — буйным цветом расцвело браконьерство, которое приобрело невиданный размах.

С середины 60-х годов XX века с внедрением контролируемого биологически обоснованного режима рыболовства промысловый лов осетров был сосредоточен в районе Гурьева (ныне Атырау). Это позволило довести уловы на Урале до 10 тыс. тонн, что составило более одной трети мировых уловов этой ценной породы рыбы!

Кризис рыболовства наступил в 90-х годах прошлого столетия и продолжается до сих пор.

Но вернёмся к рыбной охоте, иначе которую не назовёшь. Она не уступает по азарту и страсти охоте на диких четвероногих животных на суше. Цитирую П.С.Палласа:

“Перед наступлением назначенного к лову дня раздают до полудня всем записанным на службу казакам ярлыки с канцелярской печатью.

Отставной или ещё не записанный в службу казак может от другого, который сам ловить не хочет, купить право на годовое время и взять себе помянутый ярлык.

Никто не получает больше одного ярлыка, кроме только канцелярских членов. Войсковому атаману даются четыре, знатнейшим старшинам по три, а всем прочим и войсковому дьяку по два ярлыка; сверх того ещё жёнам старшин и главным канцелярским служителям по одному.

Писарям двум один ярлык, и напоследок каждому из здешних духовных по одному ж ярлыку, которые все могут свои ярлыки продавать, и потому отставные или ещё малолетние казаки к тому права не имеющие, вместо них рыбу ловят.

В тот день, в который должно начать ловить рыбу, собираются все имеющие ярлыки казаки в запряжённых санях, ещё до восхода солнца, на обыкновенное место перед городом, становятся рядами по порядку, как кто приехал, прежде или после.

Выбранный к сей рыбной ловле атаман там их осматривает, всякий ли казак имеет при себе ружьё, чтобы в случае нападения киргизов-кайсаков, можно было дать отпор. Потом два войсковых есаула увещевают собравшийся народ к наблюдению порядка, и как скоро настанет день, то из города дают знак двумя пушечными выстрелами, после чего каждый скачет во всю конскую прыть к назначенному к рыбной ловле стану, чтобы занять выгоднейшее место, которое наперёд приметил. Однако никто не смеет прорубь рубить прежде, пока все по своим местам не станут, и тогда уже атаман даёт к тому знак ружейным выстрелом.

Всякий казак прорубает на том месте, где он вознамерился ловить, посредственную круглую прорубь: ибо позволено становиться друг подле друга столь близко, как хотят, но никто не может присвоить себе две проруби, разве что другой, оставив, прочь отойдёт. Частыми переменами мест и новыми опытами проходят ловлею всё назначенное на один день и много вёрст занимающее пространство.

Часто случается, что два казака вдруг изловят одну рыбу, и тогда по их обыкновению делят оную пополам. Так же должен и тот, который, будучи не в силах вытащить большую рыбу на лёд, призывает ближнего товарища на помощь, разделит с ним изловленную рыбу.

Во время сей удивительной ловли нередко имеет казак счастье вытащить в один день десять больших рыб, а иногда и больше. Напротив, другой стоит целый день и больше, не выдав ни одной рыбы, и потому иногда во весь месяц не изловит столько, сколько он должен дать подати на вооружение и заплатить имеющиеся на нём долги. Каждый казак при своём отъезде обыкновенно обещает церкви первую рыбу или больше, если ему будет в ловле счастье.

Теперь следует описать обыкновенное употребление и приготовление рыбы, икры и других частей. Наипаче во время багорной и севрюжьей ловли приезжают к Яику купцы из дальних стран России. Наловленных зимою осетров и белуг казаки продают, не вынимая из них потроха по

договорной цене, а купцы, приготовив рыбу и икру, уложив в возы и заморозив, развозят по городам.

Цена рыбы не во всякий год бывает одинаковая. Самые большие белуги, коих ловят в Яике, бывают весом до 25 пуд, а иногда и больше. Икры вынимают до пяти пуд.

Осетры длиною около сажени и самые большие обыкновенно бывают с молоками или самцы весом до пяти пуд. Впрочем, случаются превеликие с икрою, и нередко вынимают из них икры по пуду. Солёную икру готовят трояким образом.

Самая простая называется паюсная. Очищают икру от больших жёлок, кладут до двух фунтов соли в пуд икры и расстилают на циновках для сушения на солнце, потом давят ногами.

Хорошая икра называется зернистая, но не всякому вкусом приятна, потому что она бывает очень солонa. Очищенную икру солят в долгих корытах, кладут от восьми до десяти фунтов соли на пуд икры, мешают лопатами и потом кладут на решёта или в частые сетки, чтобы сделать гуще. После чего валят в бочки и угнетают. Обыкновенно почитается она постною пищею простого народа.

Самая чистая и лучшая по виду, состоящая из целых зёрен икра, называется мешочная, по способу её приготовления. А именно: сперва разводят крепкий рассол, берут длинные узкие, из толстого холста сшитые мешки, которые наполняют свежю икрою до половины, а потом наливают сполна рассолом. Как скоро икра просолеет, то сии повешенные между обыкновенными поперечными шестами мешки выжимают сильно руками; после чего дают висеть икре в мешках ещё 10 или 12 часов, чтобы она несколько проветрилась, и напоследок валят в бочки и угнетают...”

Вот она — жизнь яицких казаков, полная свободы, романтики, опisanная великим путешественником.

С нынешней никакого сравнения! Не тот уже кормилец — маловодный, зарегулированный, батюшка Яик Горыныч! Не те уже казаки! Да и время совсем другое... Чёрная икра уступила место “чёрному золоту”, красную рыбу разводят и размножают уже в питомниках...

Многовековую историю города и казаков совершенно невозможно сравнить с тем, что происходило в короткий период с момента Февральской революции, свержения царя и последовавшим за этим Октябрьским переворотом.

Гражданская, а на Урале она зовётся братская, война. Кровавое пиршество, вакханалия, от которой стынет кровь в жилах. Всё это вмещается в три коротких слова “Борьба за Власть”.

Хроника событий.

С 20 по 29 марта 1917 года в Уральске работает войсковой съезд казаков — выборных от станиц, который восстановил должность выборного войскового атамана. Вернул войску наименование — Яицкое. Городу Уральск — Яицк. Реке Урал — Яик.

Первый выборный атаман — генерал-майор, уральский казак П. В. Мартынов, который после драматических событий после Нового года подал в отставку.

Причина? В Рождество городская пьянь увлекла за собой вернувшийся с фронта Уральский казачий полк, в котором были сильны большевистские настроения, и все сообща пошли грабить купеческие лавки и спиртовые склады.

Одновременно со съездом уральских казаков состоялся съезд Алаш-Орды, который в отличие от местных казаков поддержал Временное правительство. Съездом была создана земская управа, взявшая на себя обязанности по управлению казахской частью населения области. Вначале штаб Алаш-Орды размещался в Уральске. Затем переместился в Джамбейту (ныне Срым).

В декабре 1917 года в Оренбурге состоялся общекиргизский съезд, который, выработав программу, принял постановление: образовать национально-территориальную автономию, присвоив ей название "Алаш". Избрал коллегияльный орган — народный совет Алаш-Орды из 25 человек, народную милицию. По существу, это было войско для борьбы с новой Властью.

Председателем Алаш-Орды А.Букейхановым был подписан документ о создании Западного отделения, которое действовало на правах Центрального правительства под председательством Джанши Досмухамедова. Оно учредило Чрезвычайную следственную комиссию по ликвидации большевиков, утвердило инструкцию по мобилизации джигитов в милицию.

Затем правительство Алаш-Орды обращается в главный штаб Оренбургского казачьего войска с просьбой — ввиду наступления большевиков на Уральск оказать помощь в вооружении, выделить две-три сотни людей, которые могли бы явиться примером для молодой и неопытной в военном деле народной милиции, командировать в качестве инструкторов 15 офицеров и до 20 урядников.

В свою очередь командующий Уральской казачьей армией генерал-майор В. С. Толстов предписывает председателю военного отдела Алаш-Орды полковнику Ерыклинцеву:

"... Недопущения вывоза припасов, скота и лошадей в сторону красных. Не стесняться никакими мерами, исключительно для достижения указанных выше целей..."

С алашординцами всё ясно, а что же с казаками?

27 июня 1917 года в Уральске избран первый Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В город направляется уральский казак Ф.М.Неусыпов с мандатом В. И. Ленина, но тот был арестован и расстрелян Уральским войсковым правительством.

В октябре-ноябре того же года, не признав Советской власти, оно разогнало местный совет. Противостояние нарастает. В декабре В. И. Ленин подписывает "Обращение к трудовому казачеству", такой же притягательной силы документ, как для крестьян "Декрет о земле". 16 января 1918 года при помощи казаков-фронтовиков, которые уже забыли, что такое труд в поте лица, крестьянский съезд провозглашает Советскую власть.

В Уральске двоевластие. Войсковое правительство и Советы. В марте Саратов требует признания Советов. Оренбургский ревком предъявляет ультиматум войсковому правительству, требуя разоружиться, в течение двух суток распустить войска, признать Советскую власть. В случае непризнания будут приняты военные действия.

В качестве ответа войсковое правительство разгоняет Уральский совет, арестовывает всех его членов. Одних казнили, других отправили в тюрьмы. Третьи перешли на нелегальное положение.

Это было главной причиной наступления четвёртой армии в составе 22-й и 25-й дивизий и Александрово-Гайской бригады, которые с боями вошли в город 24 января 1919 года.

В критический момент на фронте войсковым атаманом казачьего войска был избран уральский казак генерал-майор В. С. Толстов.

В 1919 году верховный правитель России адмирал А. В. Колчак присвоил ему звание генерал-лейтенанта.

Став атаманом, Толстов провёл всеобщую мобилизацию казаков, преимущественно из нижних станиц, очистив Уральское войско от большевиков.

Хотя простые люди видели и нутром чувствовали бессмысленность проигранной войны, не теряли надежды на милосердие победителей. Бросая оружие, казаки возвращались к своим родным очагам, трудовым будням.

В это время наделённый диктаторскими полномочиями генерал В. С. Толстов принимает безумное решение “укрепить фронт тылом” — взять в заложники семьи казаков. Отступая, армия увлекала за собой с казачьих территорий почти всё мирное население.

Если раньше на сторону красных казаки переходили целыми полками, то теперь, когда за их спинами были семьи, и зная отношение к ним власти, они были вынуждены отчаянно сражаться.

Начиная с верхних хуторов и станиц, днями и ночами вниз по берегам Урала потянулись унылые обозы. На телегах, горбившихся от поклаж, под палящими лучами солнца старики, женщины, дети и раненые казаки. В клубах неоседающей пыли скрип колёс, рёв голодной скотины, вой собак, стоны больных, плач людей. Всё это сливалось в непрерывный заунывно-скорбно-погребальный стон по дороге, смрад от трупов павшего скота. Тут же у обочин наскоро хоронили умерших.

Страшную картину того кровавого периода по глубине потрясения и трагизма можно сравнить с “годом великого бедствия казахов”, когда, застигнутые врасплох джунгарами, они были вынуждены бежать, бросая скот, жильё, имущество.

Казаки, как и казахи, пережили одинаковую трагедию. Лишь слёзы и стоны стали знамением времени, что народ ещё не лишился разума и чувств.

В сентябре 1919 года казаки предприняли Лбищенскую вылазку, в ходе которой был уничтожен штаб 25-й дивизии Красной Армии и погиб её комдив В. И. Чапаев. Однако это недолго сопутствовало успеху казаков, скорее, наоборот — стало причиной губительных и трагических последствий, прежде всего для гражданского населения. Обозлённая поражением, отступавшая на Уральск Красная Армия всё выжигала на своём пути, опустошив пространство на 150 километров в длину и от 30 до 40 в ширину. Лбищенск был разрушен, к 1926 году его население не достигло даже половины довоенного уровня.

1 октября 1919 года уполномоченный Реввоенсовета Мюрат Лежава обращается с секретным письмом к лидеру Западного отделения Алаш-Орды Джанше Досмухамедову. Объективно обрисовав положение на фронтах, он предлагает ему оставаться на этой должности и продолжать свою деятельность. Помогать им всеми доступными средствами. На данное обращение Лежава получает согласие.

Результат последовал незамедлительно. В конце декабря после короткого боя алашординцами был захвачен в плен штаб казачьего корпуса во главе с генерал-лейтенантом Акутиным с пятистами казаков и

офицеров. В ходе дальнейших боёв были захвачены более восьмисот пленников, оружие, до двух десятков пулемётов, много винтовок, склады с вооружением.

Естественным последствием руководство Алаш-Орды считает своё слияние с Киргизским ревкомом под своим знаменем и просит о приезде его руководителей.

Однако, прибыв с мандатом в руках, ревком немедленно приступил к ликвидации Алаш-Орды. В принятом постановлении было отмечено, что некоторые из её лидеров могут быть рассматриваемы как уголовные преступники. Поэтому до более прочного устройства Советской власти в Кир-крае их изолировать, проще говоря, арестовать. Отправить в Москву или в другие города центральных губерний. Всё имущество взять на учёт, до особого распоряжения ревкома!

В действиях западных алашординцев нет ничего предосудительного. Это классический приём, к которому прибегают все исполнители политических ролей в спектакле под названием "Борьба за Власть".

Финальная часть традиционно заканчивается печально-трагическим исходом. С Алаш-Ордой всё ясно. А как дела у недавних их союзников-единомышленников — уральских казаков?

Под напором Красной Армии казаки стремительно отступали к Каспию. Генерал В. С. Толстов уводит свои соединения, ведя ожесточённые бои.

В то время когда генерал, спасая себя и свою семью, бежал от "красных лап в неизвестную даль", казачки с младенцами на руках, тяжёлыми котомками за спиной, уцепившимися за подол ребятишками мал мала меньше, серо-зелёными от дорожной пыли и голода, возвращались на север к себе домой.

... А домов давно уже не было, в уцелевших хозяйничали чужие люди, иногда пускавшие на постой, чаще выпроваживающие.

В рядах отступающих начались эпидемии тифа и холеры. Гибли беженцы и строевые казаки. Угасла последняя надежда на помощь Алаш-Орды.

После боя под Гурьевом в январе 1920 года В. С. Толстов повёл остатки своих войск в Форт-Александровск.

Копаясь в первоисточниках, я отыскал донесение британского генерала сэра Джоржа Мильна "О событиях на Кавказе и Средней Азии" военному ведомству Великобритании, в котором он убедительно доказывает: для успеха военной интервенции на юге России важно обеспечить британское господство на Каспийском море.

До весны 1920 года англичане успешно снабжали оружием Деникина и уральскую группу генерала В. С. Толстова в Гурьеве. Сам же генерал в своих мемуарах с удовольствием отмечает победу англичан над флотилией красных.

Тем не менее, видя бесперспективность своих действий, умудрённые опытом морских батальон прагматичные англичане сдали свой флот, чем вызвали большое огорчение генерала Толстова.

По пути в Форт-Александровск погибли тысячи казаков. Вскоре Красная флотилия наступает их и тут.

Атаман с отрядом в 214 человек направляется в Персию, куда дошло всего 160 казаков. Оттуда они перебираются в Ирак, где англичане,

захватившие страну с минимальными потерями благодаря своему знаменитому разведчику сэру Лоуренсу Аравийскому, определили их в лагерь (Басра).

В 1921 году англичане перемещают уральских казаков во Владивосток. Потом Харбин. Япония. Наконец — Австралия, где последний войсковой атаман уральских казаков генерал-лейтенант В. С. Толстов умер в 1956 году, дожив до 72 лет.

Такова вкратце история самобытного, свободолюбивого, гордого казачества в моём представлении.

Во время поездки в Австралию в конце декабря 2010 года я побывал и в городе Брисбене, где попытался встретиться с потомками атамана уральских казаков генерала В. С. Толстова.

По данному мне номеру я звонил несколько раз. Автоответчики всего света стереотипны: “Абонент в данное время недоступен”. Наконец в предпоследний день перед отъездом я услышал ответ мужчины на английском языке. Вечный вопрос: “Что делать?”. Набравшись смелости, я спросил по-русски: “Имеете ли вы какое-либо отношение к потомкам генерала В. С. Толстова?”.

“Я довожусь ему внуком”, — последовал ответ на довольно сносном русском.

Наша телефонная беседа длилась минут десять-пятнадцать. Правда, встретиться с внуком генерала не удалось. У него давно запланирована программа на рождественские мероприятия, где он играет на балалайке и гитаре русские и цыганские мелодии.

Наши взаимные вопросы носили непринуждённый житейский характер, а Михаил — так зовут внука В. С. Толстова, казахов называл киргизами. Особенно живо он делился воспоминаниями о своей бабушке, благодаря которой и освоил русский язык. По его словам, за долгие годы проживания в Австралии она толком так и не освоила английский, говорила только на русском, а когда бралась за шитьё, пела “киргизские” песни.

Оно и понятно. Её детство прошло в кругу уральских степняков-кочевников, которые пасли овец её семьи. Так и освоила казахский играючи, без принуждения и агитации. Как утверждала бабушка Михаила: “Наша баранина гораздо вкуснее австралийской!” — поведал мне по телефону её внук.

Мать Михаила Олеговича, которому 62 года, ирландка. Жена — иранка.

Последний раз Михаил Толстов посетил Уральск в 1991 году, где встречался со своими земляками. В поездке, по его словам, его сопровождал известный в крае журналист Б. Б. Пышкин.

И хотя встретиться нам не удалось, я передал ему книгу А. Г. Трегубова “Уральцы в Австралии”, где сделал такую запись: “Уважаемому Михаилу Олеговичу — одному из потомков последнего уральского войскового атамана генерала В. С. Толстова. У казахов, которых Вы по старой памяти своих предков именуете “киргизами”, существует поговорка: “Доброе имя человека прославляет его потомков на века!”. Что и произошло на самом деле.

Скоро век, как Великая смута, охватившая одну шестую часть земной суши, разметала, раскидала сотни тысяч людей, как пылинки, по всей земле, вдали от своих родных мест, родных очагов. Дай Бог, чтобы подобных трагедий никогда не повторялось.

Благодарные земляки издают серию книг “Уральская библиотека”, в которой воссоздают самобытную историю яицких казаков, где значится имя и Вашего деда.

С уважением, уральский казах Галим Кудайбергенев”.

После военного, экономического террора, вызванного гражданской войной, яицких казаков на их земле осталась жалкая горсть. Одни погибли на фронте, в водовороте войны. Другие выехали за пределы в соседние и отдалённые губернии.

Уцелевшие казаки были лишены не только земли, но и всех человеческих прав. Их имущество было разграблено. Для новой власти они уже не существовали!

На казачьем Урале после гражданской войны, массового террора и голода, по некоторым данным, из каждых четырёх жителей в живых остался один. Один из четырёх! Жуткая трагедия!

Подобная участь не обошла стороной и казахов, численность которых уменьшилась на одну треть. А впереди для них маячила другая трагедия — коллективизация.

Тем не менее подспудно нет-нет да и подбрасывается мысль о вечной вражде казахов и казаков. Однако открытых боевых действий между ними никогда не было. Если и были, то стычки — по охране собственности, нажитой своим трудом.

Надо понимать кроме прочего, что каждый из этих народов был сторонником непримиримых идеологий. Толерантные казахи были исламистами суннитского толка. Казаки принадлежали к ветви фанатичного православия — старообрядчества.

И те и другие открыто враждовали только с Властью. За свободу в их понимании, за что жестоко и многократно были биты.

Судьбы казаков и казахов во многом схожи. Отличаются они разве только одной буквой в самоназваниях.

Один из современных популярных российских авторов многочисленных бестселлеров на исторические темы Александр Бушков пишет так:

“Когда в перестроечный угар возрождались казачьи традиции, по многим градам и весям щеголяли картинно-пёстрые станичники с дедовскими “Георгиями” на груди. Это поветрие обошло те районы, что были когда-то территорией Уральского казачьего войска. Его пытались спровоцировать приезжие чужие, а не уральские казаки, и на то есть свои печально-трагические причины.

Уральское казачье войско оказалось единственным, не подавленным ни разложению, ни большевистской пропаганде, ни эгоистичному стремлению к созданию самостийной “державы”.

Крепкие хозяева, староверы, уральские казаки с самого начала без колебаний и раздора в собственных рядах выступили против большевиков. Сначала они гибли в боях. Потом стало ясно, что красные побеждают, большая часть Уральского войска с семьями двинулась на юг через казахские степи, пробиваясь в Персию.

Цели они достигли, но и жертвы были огромными — война, болезни, голод, бездорожье, холода...”.

Итак, Уральск. Город-музей, город-история, уютный и красивый. Я им люблюсь каждый раз, когда ностальгически погружаюсь в свою

молодость и воспоминания. А город с каждым годом становится всё краше и краше. Тщательно оберегая свою старину и традиции.

В редкие периоды его посещения не налюбуюсь им. Правда, я город плохо знаю. Мои прогулки начинаются и завершаются несколькими центральными улицами, побережьем Урала, Чагана. Люблю бродить ранним утром. Тихо, свежо, чисто.

Ханская роща. Своё название получила в 1825 году, когда в её тени в торжественной обстановке принял атрибуты власти правитель Внутренней Орды Джангир-хан.

Здесь были первые увеселительные заведения города. Играл духовой оркестр, проводили свободное время люди всяких сословий. Благородные танцевали, простые любовались ими или сидели где-нибудь в тени перед огромным медным самоваром.

Иду к железнодорожному вокзалу, откуда всякий раз уезжал на поезд домой. Тоскую по старому. Он был построен в 1899 году, на его открытие приезжал мой дед Кудайберген. Архитектурный памятник, построенный в сочетании стилей Запада и Востока. Маленький, уютный. В нём зимой было тепло, а летом прохладно.

В 80-х годах прошлого века вокзал разрушили, воздвигнув на его месте новый в стиле западного модернизма, из стекла и бетона, в котором зимой холодно, летом жарко и душно, а по всему огромному зданию разносятся запахи туалета.

На площади перед вокзалом памятник Василию Ивановичу Чапаеву, вообще-то не имевшему никакого отношения к этому городу.

Иду к зданию редакции казахской областной газеты, журналистом которой был мой дядя. Отсюда он ушёл добровольцем на фронт. На обратной стороне фотографии, где он снят со своей любимой женой, каллиграфическим почерком написано последнее письмо матери, моей бабушке. Вот его перевод на русский язык: “Молитесь за победу над врагом и скорое возвращение. Если погибну, то защищая Родину. Простите материнское молоко. Ваш сын Сагит. 3 марта 1942 года”. На родном казахском письмо сына звучит намного нежнее, сердечнее, проникновеннее, которое невозможно читать без слёз. Свидетельство большого литературного таланта.

На мой запрос из архива Министерства обороны России пришёл ответ: “Гвардии лейтенант Кудайбергенов Сагит, 1912 г. рождения. Член ВКП(б) — заместитель по политчасти командира стрелкового батальона 171-го гвардейского стрелкового полка 1-й гвардейской дивизии. Убит в бою 17.10.44 года”.

Фотография дяди висит на стенде “Они сражались за Родину” в редакции областной газеты, где он единственный журналист в форме боевого офицера-гвардейца. Я преклоняюсь перед его светлой памятью.

В Уральске, во время институтской учёбы, я прожил всего-навсего около пяти лет. Зато воспоминаний на всю жизнь. Они постоянно вдохновляли меня. В конце концов послужили отправной точкой для написания этого повествования. Что из этого получилось? Мне неведомо знать. Пусть оценит читатель.

г. Астана.

**Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
академик МАИН, писатель**

Его называли Зубром

В карагандинском спецархиве управления Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры РК по моей просьбе найдена архивная карточка № 326030

узника Карлага Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, 1900 года рождения, русского, уроженца города Москвы. Он был осуждён 4 июля 1946 года военной коллегией Верховного суда СССР по статье 58-1-“а” к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Меру наказания отбывал в Карлаге МВД СССР, куда прибыл 15 августа 1946 года. Содержался в Карабасском и Самарском отделениях.

Кто же такой Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский? Забегая вперёд, скажу, что этот узник Карлага был удостоен того, что сведения о нём занесли в Советский энциклопедический словарь ещё при его жизни (издательство “Советская энциклопедия”, Москва, 1980 г.). Из этих сведений следует, что Николай Владимирович — талантливый советский биолог, один из основоположников радиационной генетики.

В научных, преподавательских и студенческих кругах его называли Зубром. Почему именно так, а не иначе? Ну прежде всего потому, что он был самобытен, необыкновенно трудолюбив, политикам не подыгрывал, служил только одной звезде — науке — справедливо и честно. Внешне он был похож на зубра — ходил бесшумно, хотя был излишне огромен, воинственно выпяченная нижняя губа и косматая грудь придавали его облику мужественность и породистость. Да, он был элитным человеком и по происхождению (дворянин), и по количеству своих трудов по генетике и эволюционной биологии (более ста). А мужественным его можно считать хотя бы потому, что в 1925-1945 годах (двадцать лет) он проработал в лабораториях генетики Германии. Его не тронули, не выгнали, не расстреляли, хотя он не был сторонником фашизма и Гитлера. Более того — он воспитал сына, который ненавидел нацизм и стал участником сопротивления, входил в антифашистскую подпольную группу, за что жестоко поплатился. Дмитрия арестовали в годы второй мировой войны в 1943 году, отвезли в берлинскую тюрьму. Он был арестован гестапо за то, что укрывал французских лётчиков и помогал русским военнопленным в лагерях. В августе 1944 года Дмитрия перевели в концлагерь Маутхаузен. Перед самым приходом американских войск во время восстания заключённых он был убит фашистами.

В семье Дмитрия называли ласково Фомой. Отец всё время ждал его возвращения. И чтобы так сильно не страдало сердце по сыну, он сам тоже помогал антифашистам, прятал у себя дома и в институте бежавших из концлагерей пленных солдат и офицеров, евреев, учёных, помогал им бежать из Германии в Англию, США и Россию. Все понимали, что Зубр это

делает не только из любви к сыну. Он тоже ненавидел фашизм и стремился облегчить судьбу каждого пострадавшего от нацистов.

Зубр попал в Германию по заданию Советского правительства. Его командировали туда для работы в лабораториях по генетике, и он целиком и полностью оправдывал это доверие, делая открытие за открытием. Будучи студентом Московского университета, он уже тогда заявил о себе в науке. Его первый учитель — замечательный учёный-биолог Н. К. Кольцов как раз и рекомендовал его на работу за рубеж, дабы “перевернуть жизнь, не дать ей залежаться”. Тогда отношения с Германией у Советской страны были более чем дружественными. Между ними процветала торговля, они заключили договор о дружбе и нейтралитете. Создавались совместные институты, издательства, акционерные общества.

Уже в первые годы пребывания в Германии молодой Зубр поражает всех трудоспособностью (по 18 часов в сутки). Он занялся изучением дрозофил-мутантов и сделал первое открытие: оказывается, возможен возврат их к норме. Тогда существовала гипотеза, что всякая мутация разрушает ген. Зубру не верилось в это. Если разрушает, тогда не должно быть обратных мутаций, а их удалось получить. Одновременно он занимается в Германии радиационной генетикой — мощными и малыми дозами облучения, их влиянием на организмы. Его работы на эту тему входят в “Зелёную тетрадь”, изданную в Геттингене. В 1938 году он делает сенсационный доклад на собрании генетического общества “Генетика и эволюция с точки зрения зоолога”. В 1940 году участвует в книге “Новая систематика”, посвящённой генетике и эволюции. Там крупнейшие биологи мира представили по главе. Зубр писал третью, а Вавилов заключительную. Составителем книги был Джулиан Хаксли, по прозвищу “бульдог Дарвина”. За любовь к трудам Вавилова, Вернадского, Кольцова Зубра называли “бульдогом русских”. Он действительно сделал прорыв русских генетиков в Европу, сам значительно обогатив прогрессивную науку. Достаточно напомнить, что в его институте в Германии впервые взялись за создание методов очистки вод, рек, озёр от радиоактивных примесей, средств защиты живых существ от больших доз радиации. Он создал увлекательный цикл работ по стимуляции роста растений слабыми дозами облучения.

Его труды привлекали учёных всего мира, получали всё новые положительные отзывы. Но тут Сталин дал команду вернуть командированных учёных в СССР. Зубра вызвали в советское посольство. Но Николай Владимирович сразу почувствовал, что стоит за этим. Да, возвращение в СССР было опасным для него, во-первых, потому, что он был из дворянской семьи, а во-вторых, потому, что в стране процветала вся “лысенковщина”, объявившая генетику буржуазной и вредной наукой. Под видом борьбы с генетикой Трофим Лысенко, а также его идеолог, его золотое перо И. И. Презент и их окружение, поддерживаемые самим Сталиным, объявили самый настоящий террор светлым умам России, профессорам и докторам, известным биологам, называя их “врагами народа”, вредителями и диверсантами. Начались повальные аресты учёных, их расстрелы. Один из шведских учёных, прилетев из СССР в Германию, передал Тимофееву-Ресовскому письмо от его Учителя, знаменитого советского биолога Кольцова, который советовал ему не спешить домой, переждать, “пересидеть за рубежом страшное время”. В стране началась травля даже выдающегося

учёного Николая Ивановича Вавилова, которого обожал Тимофеев-Ресовский. Зубр довольно часто любовался старой фотографией, сделанной в Калифорнии в Пасадене, на которой он был изображён с основателем генетики Томасом Морганом и Николаем Ивановичем Вавиловым. Американскому учёному и его школе удалось обосновать и блестяще развить хромосомную теорию наследственности, согласно которой хромосомы являются носителями генов и тем самым определяют наследственные свойства клеток и организмов. Элементарные сведения о хромосомной теории наследственности сейчас люди находят в любом школьном учебнике общей биологии. Но в те годы не всё было ясно с теорией Моргана, и советские учёные Вавилов и Тимофеев-Ресовский отправились за океан к нему, чтобы поработать в его лаборатории. Там они окончательно убедились в справедливости его хромосомной теории наследственности. По приезду в СССР Вавилов создаёт в Царском Селе генетическую станцию, собирает вокруг себя очень сильную группу советских учёных. Он создаёт мировую коллекцию культурных растений, организует так называемые географические посевы в 150 пунктах страны, изучая поведение одного и того же сорта в разных условиях среды. За эту работу Вавилов на международном съезде в Италии был удостоен золотой медали. Тимофеев-Ресовский от души поздравил Николая Ивановича с этой наградой.

И вот Зубр узнаёт, что Вавилов подвергается нападкам, его начинают преследовать. Растут репрессии среди морганистов. В 1929 году подвергается аресту создатель эволюционной генетики, выдающийся биолог мира Сергей Сергеевич Четвериков. Начинаются нападки и на друга Зубра — биолога Николая Константиновича Кольцова... Арестовали профессора Райнова, выгнали из Ленинградского университета профессора Филиппченко, и у того не выдержало сердце — скончался во время ареста. "Береги себя, Коля, — пишет Кольцов Тимофееву-Ресовскому. — Да хранит тебя Бог от сталинизма!".

Когда Зубра вызывают в советское посольство, предлагают немедленно, срочно выехать на Родину, он отказывается, громко хлопнув дверью. Его поддерживает жена Леля (Елена Александровна).

В 1940 году до Зубра докатилась страшная весть — арестован Николай Иванович Вавилов. А затем ему сообщили, что скончался и Николай Константинович Кольцов. И Вавилов, и Кольцов были его наставниками, старшими друзьями. Они превыше всего ставили в жизни науку. Ещё в Америке Вавилов говорил Тимофееву-Ресовскому: "Если ты встал на путь учёного, то помни, Коля, что обрёл себя на вечные искания нового, на беспокойную жизнь до гробовой доски. У каждого учёного должен быть мощный ген беспокойства... Он должен быть одержимым".

Одержимость была одной из характерных черт и самого Зубра. Благодаря этому качеству он проводит смелые опыты, эксперименты, пишет научные труды по генетике — в результате его узнаёт весь мир. И всё же в 1945 году он подвергается аресту "за невозвращение на Родину". Знаменитый писатель Даниил Гранин в своей документально-художественной книге "Зубр", посвящённой Н. В. Тимофееву-Ресовскому, пишет об этом так: "Препроводили его в Москву, там провели следствие, суд. Вменили в вину ему то, что в своё время он отказался вернуться на родину. Вот и весь разговор. Указания были строгие, время горячее, вникать в научные заслуги и прочие тонкости и нюансы не стали,

следователю всё было ясно, чего мудрить. Сослали его в лагерь, куда ссылали и чистых и нечистых — бывших полицаев, дезертиров, бандитов, власовцев, бандеровцев, мало ли их было тогда”.

Этим лагерем был Карлаг. Около двух лет провёл он там. Его использовали на самых тяжёлых работах — в карьерах, на шахтах. К концу пребывания в Карлаге он превратился буквально в “ходячего труп”. Даниил Гранин свидетельствует в книге: “Был он в тяжёлом состоянии, обессиленный, с последней стадией пеллагры, страшной лагерной болезни, когда от голодухи наступает авитаминоз, такой, что никакая пища уже не усваивается. Соседи по бараку тащили его на работы в котлован, сажали там к стенке, и он пел. Единственное, на что ещё хватало сил, — петь. Ради этого и возились с ним заключённые.

Он умирал. Казалось, при его здоровье, силе он мог выдержать и не такие лишения. Но в том-то и штука, что для него беда была не в лишениях, не они сыграли роковую роль”.

Так что же больше всего мучило, истязало Зубра? Конечно же, отлучение от науки, научных исканий, научных работ.. Жажда поиска покинула его, и весь мир рухнул в его представлении.

Вытащил из лагеря Зубра бывший легендарный директор Магнитки, строитель Норильского комбината Авраамий Павлович Завенягин. Он был заместителем Берии. Познакомился Завенягин с учёным в Германии в Бухе, где Тимофеев-Ресовский заведовал лабораторией и уже тогда занимался проблемами биологической защиты от радиации. Дело в том, что Завенягин курировал в НКВД вопросы советской науки. Приехал в Германию с целью изучить немецкие проекты по созданию атомной бомбы. И Николай Владимирович рассказал ему всё, что знал об этом. А знал он немало, ибо немецкие физики трудились в одном городе, одном институте с ним рядом. Он даже дружил с ними, знал всех поимённо, кто работал над бомбой. Они уже были близки к её созданию, во Франкфурте и Ораниенбурге вовсю работали заводы по очистке урана, ещё немного, совсем немного — и реактор заработает. Однако наступление Советской Армии сорвало планы немецких физиков по созданию атомной бомбы. Были целиком разрушены предприятия по очистке урана, целые лаборатории.

Американцы знали об атомных работах немцев и организовали спецгруппу “Миссия Алсос” по захвату материалов, документов по атомной бомбе и учёных-физиков. И это им удалось сделать — были захвачены многие немецкие специалисты по разделению изотопов, созданию реактора. Именно с их помощью в США сразу после войны приступили к производству атомных бомб. Первые две из них в августе 1945 года были сброшены американской авиацией на японские города Хиросима и Нагасаки, вызвали огромные жертвы среди населения и колоссальные разрушения построек.

Как известно, Сталин дал команду Берии во что бы то ни стало создать атомную бомбу в СССР в самые короткие сроки. Вот тут-то бериевцы спохватились, стали собирать разбросанных по лагерям ГУЛАГа учёных-атомщиков, всех, кто занимался проблемами атомной энергии. Так были найдены в Степлаге и досрочно освобождены учёный Генрих Маврикиевич Людвиг, создавший проект противоатомного бомбоубежища, доктор биологических наук, генетик Владимир Павлович Эфроимсон...

Разыскали и нашего героя в 1947 году, доставили в Москву в Бутырку в 75-ю камеру. Оказалось, именно сюда собирал Берия всех атомщиков, имеющих хоть какое-то отношение к атомному делу, распределял их по НИИ. Здесь, едва окрепнув после Карлага, Тимофеев-Ресовский, “чтобы не сойти с ума от безделья”, создал научно-техническое общество 75-й камеры. Оно собиралось ежедневно после утренней пайки около левого окна камеры и слушало научные сообщения заключённых-учёных. Сюда попал и Александр Исаевич Солженицын. Вот как он описывал встречу с Тимофеевым-Ресовским в книге “Архипелаг Гулаг”: “Ко мне подошёл человек нестарый, ширококостный (но сильно похудевший), с носом чуть-чуть закруглённым под ястреба.

— Профессор Тимофеев-Ресовский, президент научно-технического общества 75-й камеры. Не смогли бы вы сделать какое-нибудь научное сообщение? Какое именно?

Застигнутый врасплох, я стоял перед ним в своей длинной затасканной шинели и в зимней шапке (арестованные зимой обречены и летом ходить в зимнем). Пальцы мои ещё не разогнулись с утра и были все в ссадинах. Какое я мог сделать научное сообщение? Тут я вспомнил, что недавно в лагере была у меня две ночи принесённая с воли книга — официальный отчёт военного министерства США о первой атомной бомбе. Книга вышла этой весной. Никто в камере её не видел? Пустой вопрос, конечно, нет. Так судьба усмехнулась, заставляя меня сбиться на ту самую атомную физику, по которой я записался в ГУЛАГ.

После пайки собралось у левого окна научно-техническое общество человек из десяти, я сделал своё сообщение и был принят в общество. Одно я забывал, другого не мог допонять, — Николай Владимирович, хоть год уже сидел в тюрьме и ничего не мог знать об атомной бомбе, то и дело восполнял пробелы моего рассказа. Пустая папиросная пачка была моей доской, в руке — незаконный обломок грифеля. Николай Владимирович всё это у меня отбирал, и чертил, и перебивал своим так уверенно, будто он был физик из лос-аламосской группы.

Он действительно работал с одним из первых европейских циклотронов, но для облучения мух-дрозофил. Он был из крупнейших генетиков современности. Он уже сидел в тюрьме, когда Жебрак, не зная о том (а может быть, и зная), имел смелость написать для канадского журнала: “русская биология не отвечает за Лысенко, русская биология — это Тимофеев-Ресовский” (во время разгрома биологии в 1948 Жебраку это припомнили), Шредингер в брошюре “Что такое жизнь” нашёл место дважды процитировать Тимофеева-Ресовского, уже давно сидевшего.

А вот он был перед нами и блистал сведениями из всех возможных наук. Он обладал той широтой, которую учёные следующих поколений даже и не хотят иметь (или изменились возможности охвата?). Хотя сейчас он так был измотан голодом следствия, что эти упражнения ему становились нелегки. По материнской линии он был из захудалых калужских дворян на реке Рессе, по отцовской же — боковой потомок Степана Разина, и эта казацкая могоута очень в нём чувствовалась — в широкой его кости, в основательности, в стойкой обороне против следователя, но зато и в голоде, сильнейшем, чем у нас”.

Далее Солженицын рассказывает, как отправили Тимофеева-Ресовского вместе с его другом биологом Сергеем Романовичем Царапкиным в

Германию в командировку, не ограниченную во времени, как они там преуспели в науке, а оттуда отправили в ссылку на Урал в закрытую лабораторию. И стал он снова заниматься проблемами защиты живых существ от радиации, вызванной взрывами атомных бомб. Вскоре в его лабораторию доставили почти всех немецких сотрудников, с кем он трудился в институте в Германии.

Власти погубили великого Учителя генетиков — Вавилова, но не смогли погубить всех его последователей и учеников. Не заметил Николай Владимирович, как сам стал Учителем с большой буквы. Все студенты — биологи Московского университета проходили у него в лаборатории на Урале практику, считали за честь называться учениками его школы.

В октябре 1955 года П. Капица предложил Зубру выступить в Институте физических проблем в Москве с лекцией о радиационной генетике и механизме мутаций. Вместе с ним намечали выступление известного учёного Игоря Евгеньевича Тамма о двойной спирали как основе строения и репродукции хромосом. Структура ДНК была сенсационным открытием того времени, и об этом надо было рассказать на семинаре.

Что тут началось! Все институты тогда находились ещё под контролем лысенковцев. И приверженцы Лысенко стали добиваться, чтобы сорвать вредоносные лекции. Пришлось Капице обратиться к самому Хрущёву, и тот разрешил проведение семинара по генетике. Так восторжествовала правда в науке, лысенковцы были посрамлены.

Свежий воздух поиска ворвался в стены институтов, генетики получили поддержку власти. А это было так важно! Имя Тимофеева-Ресовского полностью восстановили, его реабилитировали.

В 1965 году Тимофеева-Ресовского наградили Кимберовской медалью “За замечательные работы в области мутаций”. И до этого его награждали весьма почётными медалями — Дарвиновской (ГДР), Менделеевской премией (Чехословакия), медалью Лазаро Скаланцани (Италия). Он был действительным членом академии немецкой, почётным членом — американской, Итальянского общества биологов, Менделеевского общества в Швеции, генетического общества Британии, научного общества имени Макса Планка в ФРГ. Подобные знаки внимания были, конечно, приятны, но он не придавал им значения. Кимберовская медаль была крупнейшей наградой генетиков, она заменяет Нобелевскую премию, поскольку Нобелевской для биологов нет, в ней — признание серьёзных заслуг, международное признание.

Зубр особо гордился этой наградой. Ведь путь к ней был нелёгким и тернистым. Выступая перед молодыми, он порой вспоминал Карлаг, каменноугольные копи и сухие степи с посаженными заключёнными первыми лесополосами, говорил, что именно там ещё больше закалил свой характер. Он хотел выжить ради науки, и выжил! А помогали ему в трудные моменты жизни не только книги, но и песни.

Да, Николай Владимирович не был учёным-сухарём, погружённым в одну генетику. Он любил раздольные русские песни, любил живопись. В свободные вечера читал художественную литературу, преклонялся перед талантом А. П. Чехова, Льва Толстого. Его привлекали картины Врубеля и Серова. Всего у него было шесть лекций на эти темы, и он выступал с ними перед заключёнными в Карабасе и Самарке.

Жительница Самарки, бывшая узница Карлага, девяностолетняя Евгения Севостьяновна Брыжатюк говорила мне:

— Я несколько раз встречалась с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским. Для него идеалом жизни был Антон Павлович Чехов, который поехал на Сахалин, исполняя службу писателя. “Зубр” (так называли Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского и в Самарке) постоянно сравнивал Карлаг с Сахалином. Он убеждённо говорил: “Порядки те же, суровый климат налицо, не хватает только моря, Татарского пролива... Да вы почитайте путевые заметки “Остров Сахалин” Антона Павловича Чехова — там заключённые занимались хлебопашеством, картофелем. И в Самарке такая же картина! Там добывали уголь, и в Карлаге тоже! Чехов после Сахалина стал известным писателем, а я стану после Карлага признанным учёным. Вот увидите!”.

Тимофеев-Ресовский запомнился узникам лагпункта Самарка человеком, несущим свет знаний людям. В своей книге “АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ” в части четвёртой “Душа и колючая проволока” Александр Исаевич Солженицын пишет о нём как об организаторе лекций, интеллигенте с большой буквы. Он, в частности, вспоминает: “На лагпункте Самарка в 1946 году доходит до самого смертного рубежа группа интеллигентов: они изморены голодом, холодом, непосильной работой и даже сна лишены, спать им негде, бараки-землянки ещё не построены. Идут они воровать? стучать? хнычут о загубленной жизни? Нет. Предвидя близкую, уже не в неделях, а в днях смерть, вот как они проводят свой последний бессонный досуг, сидя у стеночки: Тимофеев-Ресовский собирает из них “семинар”, и они спешат обменяться тем, что одному известно, а другим нет, — они читают друг другу последние лекции. Отец Савелий — “о непостыдной смерти”, священник из академистов — патристику, униат — что-то из догматики и каноники, энергетик — о принципах энергетике будущего, экономист — как не удалось, не имея новых идей, построить принципы советской экономики. Сам Тимофеев-Ресовский рассказывает им о принципах микрофизики. От раза к разу они не досчитываются участников: те уже в море...”

Вот кто может интересоваться всем этим, уже костенея предсмертно, — вот это интеллигент!”.

Да, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский ко всем трагическим моментам в жизни относился оптимистично, верил в свою звезду. Не каждому выпадало такое счастье — остаться живым после лагерей смерти, не потерять здоровья и добиваться новых больших успехов в науке на благо человечества...

г. Караганда.

Любите книгу!

*Книга — это волшебница. Книга преобразила мир.
В ней память человеческого рода. Она — рупор
человеческой мысли. Мир без книги — мир дикарей.*

Н. А. Морозов

*В общей картине цивилизации место каждого
народа определяется количеством книг,
которые он прочитывает.*

Э. Лабуле

Русский язык — это поток, который льётся из истоков русского народа, из глубины веков, из образования русского народа как этноса. Русскому человеку необходимо с детства входить в этот поток, жить в нём, совершенствоваться в родном языке и при этом владеть исконно русской речью, обогащаясь заимствованными словами, обдуманно взятыми из других языков. Сейчас, в XXI веке, задача сохранения русского языка стоит особенно остро. Его заполонили различные сленги, жаргоны и особенно — примитивная лексика.

Американизмы безжалостно засоряют русский язык, нивелируя самобытность русского народа. Всевозможные бизнес-словечки закрепляются в русском языке, угрожая его первозданной сущности. Американизация — это прежде всего насилие, разврат, безнравственность, льющиеся сплошным потоком с экранов телевизоров, всевозможных СМИ. Это может привести к вырождению русского языка как культурного явления в целом, как Души народа. Поэты и писатели должны всемерно поддерживать возрождение и очищение культурного, литературного, исконно народного русского языка от ядовитых примесей.

Ныне — нечитающее книги общество, что в России, что в Казахстане. Коррупция, бизнес, криминал, сухой голый расчёт, погоня за деньгами и девальвация ценностей стали неотъемлемой частью русского и казахстанского общества.

Как возродить русскую духовность? Только через Святую Церковь, настоящую культуру, искусство, подлинно русскую художественную литературу и историю Руси. А не благодаря поделкам, сработанным “вышибалами” всех мастей русской культуры, в последнее время обрушившихся на Россию. А то, что происходит в России, передаётся и нам, русским, проживающим в мирном многонациональном Казахстане.

Язык — это нива, на которой взращивается культура любого народа. “В начале было Слово” — как утверждает в Библии.

Поэтам, писателям, журналистам необходимо заботиться о чистоте своего слова, о чистоте своего литературного языка. Что и делает небольшая часть русской интеллигенции, которая всё-таки осталась в Казахстане.

В Караганде литературный язык задыхается среди общего бескультурья, нечитающей общей массы молодёжи, среди нечитающего книг населения города. Насущно необходимо создать Союз творческой интеллигенции и выделить помещение или в идеале Дом литераторов, где писатели и поэты могли бы общаться, обмениваться творчеством и выступать

со своими произведениями не только в своём кругу, но и перед аудиторией города и области. Творческой интеллигенции Караганды не хватает общения с такими же творцами слова и с читателями.

Полагаю, что департаменту культуры области необходимо внимательно посмотреть на нужды творческой, поэтической и писательской прослойки общества и создать все условия для нормального существования Союза писателей Карагандинской области.

Возникают некоторые вопросы. Почему писатель или поэт не может сам легко и свободно выпустить свои книги при сотрудничестве с издательством, как это принято на Западе, получая за это гонорар? Почему он платит неподъёмную сумму или ищет спонсоров для издания книги? Почему Союзу писателей Карагандинской области, организованному в 1989 году, департамент культуры сейчас не предоставляет помещения, где писатели и поэты могли бы обмениваться опытом, создать учебные классы литературного мастерства, приглашая мэтров пера? Почему нет постоянных публичных выступлений талантливых литераторов нашего города? Почему нашу пишущую братию не приглашают с выступлениями на телевидение и страницы СМИ?

Спасибо энтузиасту из НДП “Нур Отан” Саре Сабиловне Яхиной, которая проводит встречи творческой интеллигенции в здании партии “Нур Отан”, организует встречи работников пера в школах, презентации новых книг. Так, в 2010 году состоялись презентации новых книг председателя Союза писателей Карагандинской области В. М. Могильницкого “Наш Назарбаев” и “Люди Победы”, а также поэтического сборника “Сквозь наслоения лет”. Но этого недостаточно. Это единичные случаи, а должна быть система. Хотелось бы выйти на более широкую публику.

Я думаю, что все творческие интеллигентные люди хотели бы видеть нашу Караганду духовной, читающей и литературной. Караганда — областной центр с давними культурными традициями, и хотелось бы чтобы наш город показывал пример насыщенной духовной и литературной жизни.

Необходимо прививать любовь к книге и в школе, и в вузах. Как говорил выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский: “Одной из истин моей педагогической веры является безграничная вера в воспитательную силу книги. Школа — это прежде всего книга. Воспитание — прежде всего слова, книга, живые человеческие отношения. Книга — это могучее оружие. Умная, вдохновенная книга нередко решает судьбу человека”.

Почему бы нашим издательствам не перенять опыт города Ростова-на-Дону? Там издательства выделяют 12 % своей прибыли на публикацию книг местных писателей и поэтов. На Западе все издательства работают со своими авторами. Почему наши карагандинские издательства не имеют своих книжных магазинов? Почему бы не сделать обмен опытом литературных организаций между Карагандой и Москвой, Киевом и Минском и др. городами России, Белоруссии и Украины?

Может, сбудется места Чижевского (“Леонардо да Винчи XX века”) — Дом литераторов и творчества, построенный в Караганде. Это будет на благо нашего города и области и всего народа Казахстана!

Сергей БУДАРАГИН,
член Союза писателей Карагандинской области.

Александр КУРЛЕНЯ

Искать в созвучиях согласия

Признаюсь, не одного меня очень радует появление новых поэтических книг, несмотря на откровения отдельных скептиков по поводу снижения роли поэзии в современном мире. К сожалению, в этом есть доля истины. Разговаривая с известным Санкт-Петербургским прозаиком Александром Чесноковым (нашим, кстати, земляком!), издающим свои замечательные книги под уважаемым псевдонимом и брендом “О* Санчес” и весьма преуспевшим в популяризации жанра фэнтези, я услышал весьма неутешительное резюме профессионала. Действительно, издательства охотней всего берут в работу то, что пользуется наибольшим спросом, и поэзия в данном случае далеко не на первых ролях. Этому человеку, имеющему дело с известными российскими издательствами, знающими конъюнктуру спроса, верить можно. Впрочем, если сделать экспресс-опрос, что предпочтёт для чтения среднестатистический читатель, то можно не сомневаться: поэзию выберет далеко не каждый. Времена изменились. На дворе не 60-е и 70-е годы прошлого века, когда был настоящий поэтический бум и люди стояли в очередях за сборниками талантливых поэтов, ломались на выступления бардов. Ах, какие были имена! Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Олжас Сулейменов, Булат Окуджава, Александр Галич, Владимир Высоцкий, Расул Гамзатов, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Юлия Друнина...

Помню, как в свои студенческие годы мы с друзьями обречённо стояли у прилавка отдела поэзии магазина “Знание”, понимая, что поэтические книги разберут или по подписке, или по блату люди значительно старше нас, и были счастливы, если удавалось купить книги Сергея Острового, Егора Исаева, Ярослава Смелякова, Петра Вегина, Эдуарда Асадова ... А тоненький сборничек Николая Рубцова переходил из рук в руки как реликвия! Как он достался нам — загадка. Но всё это в прошлом, как в прошлом и то, что мы за бешеные деньги (а стипендия составляла всего сорок рублей) покупали с рук классиков и современников у людей, жаждущих наживы на нашей любви к поэзии. И тогда, оказывается, был бизнес, хотя и назывался спекуляцией. Но нам было не до криминальной терминологии и претензий к “книгопродавцам” мы не имели, хотя, чего греха таить, мы костерили их непечатным словом за откровенное рвачество. Но, как говорится, вольному — воля, и никто не виноват.

Времена изменились. Теперь не надо стоять в унижительных очередях и рыскать по “барахолкам” в поисках любимых книг. Сейчас их купить намного проще, и к тому же выручит Интернет, где есть практически всё, что душе твоей угодно. И всё же, когда берёшь в руки настоящую книгу, ощущение совсем иное.

Недавно в издательстве “Северный Казахстан” вышел в свет поэтический сборник “Жемчужная поэзия Казахстана”. В нём объединились сорок три автора из разных уголков Казахстана, хотя в предисловии сказано, что их шестьдесят пять (!?) Название насторожило: уж очень оно показало претенциозным, ибо обязывало составителя и всех участников коллективного сборника ко многому. Судя по звучному прилагательному, поэзия, представленная в сборнике, должна была быть очень высокого качества.

Вступительная статья Михаила Кохновича, координатора объединения творческих инициатив и музыкально-поэтических клубов Казахстана, посеяла первые зёрна сомнения в предлагаемом названии сборника. Приводимая им цитата одного из авторов, вошедшего в сборник, гласила: “Время, вероятно, окристаллизовало, как жемчужину в раковине улитки, жизненный опыт, и я достал со дна души эти жемчужинки, превратил в стихи”. Вообще-то, подумалось, только читатель может делать такой вывод. А во-вторых, жемчужины рождаются в морских и речных раковинах, но никак не в улитках. И к тому же перлы — суть жемчуг — субстанция гладкая, в основном шаровидная и образуется посредством наращивания слоёв перламутра вокруг инородного тела. Неточность образа породила “перл”, вызывающий лишь лёгкую иронию. При детальном знакомстве с представленной на суд читателя поэзией эта ирония лишь усиливалась. И было то досадно, что одной жемчужной мерой мерились имена людей разных весовых поэтических категорий.

Составитель пишет: “Старательно подбирались произведения авторов по смыслу, по художественному воплощению, по темпераменту, по силе чувств и собственным переживаниям авторов, акцент ставился на богатство словаря, на то, как автор воспринимает мир и как своим “голосом” излагает душевные переживания, рисует картины повседневной жизни”.

Справедливости ради надо сказать, работа проделана действительно огромная. Организаторские способности составителя не вызывают сомнения. Собрать книгу стихов авторов со всех концов страны — дело нелёгкое и к тому же весьма благородное. Тем более издавалась она на деньги спонсоров, которых тоже нужно было найти, и стоит выразить благодарность М. Кохновичу как энтузиасту и равнодушному к поэзии человеку. А заодно нужно выразить благодарность меценатам, ведь далеко не каждый из них готов раскошелиться на дело, априори не сулящее дохода. Увы, таковы реалии сегодняшнего дня: все считают деньги, и не каждый потенциальный спонсор способен на безумство. “Безумству храбрых поём мы песню”, как писал буревестник советской литературы Максим Горький. Спасибо вам, добрые люди. Да не оскудеет рука дающего.

Но убеждения М. Кохновича о качестве проделанной им работы приводят к обратному выводу. Он состоит в том, что формированием подобного рода сборников должен заниматься не один человек, тем более в поэзии не профессионал, а серьёзная редакционная коллегия, которая бы отделила зёрна от плевел или жемчужины от “перлов”. Есть и серьёзные претензии к издательству, о которых будет сказано в конце.

Что толку махать кулаками после драки, когда сборник вышел и остался в истории. По мнению читателей, тех, кто даже бегло ознакомился с содержимым сборника, его надо было назвать по-иному, ибо представленная в нём поэзия качества полярного: от маленьких шедевров до больших опусов на фоне преобладающей серости, а порой и откровенной самодейтельности, нивелирующей имидж русской поэзии. К этому выводу пришёл и главный редактор казахстанского литературно-художественного и общественно-политического журнала “Нива”, мэтр поэзии Владимир Романович Гундарев, с мнением которого считаются литераторы самого высокого полёта не только в нашей стране, но и за её пределами.

Хорошие стихи в сборнике есть, что, безусловно, радует искушённого читателя, а иначе и быть не могло, ведь не оскудела наша земля на таланты.

С наслаждением читаются строки Надежды Черновой, чьё творчество вошло в золотой фонд казахстанской и русской поэзии, Татьяны Азовской, Юрия Кулинича. Приковывают внимание стихи Михаила Сербина, Ивана Кандыбаева, Владимира Зиманова, Владимира Чередника, зрелых поэтов, чьё творчество знакомо читателям по их сборникам и публикациям в республиканской печати. Радует творческая позиция Анатолия Лукичева, Галины Вишняковой, Ивана Елефтериادي, Татьяны Булановой, Александра Каркавина, Татьяны Вед, Ирины Иверской, Ирины Дивной, Елены Павлиной, Иосифа Брейдо, Алексея Беломестнова. И пишут нормальным русским языком, и образы создают интересные, и проглядывают сквозь строки их обнажённые души. А вот с остальными авторами сложнее, ибо их творчество оставляет весьма неоднозначное впечатление. Этому способствует многое.

Во-первых, составитель явно недоработал с визитной карточкой авторов. В книге нет ни портретов, ни биографических справок, что гораздо облегчило бы понимание представленного творчества поэтов во времени и пространстве. Только чутьё помогает определить их возраст, но это под силу не каждому. А ведь это имеет большое значение при оценке «культурологических» основ их творчества.

Особняком в этом списке стоят два очень интересных автора — Эльмира Агажанова и Евгения Мухина. Многие их стихи написаны в легко узнаваемой ахмадулинской манере. Похвально стремление следовать высоким образцам. Но если у гениальной Беллы Ахмадулиной удивительная мелодика стиха сочетается с изысканной, аристократической речью, понятной, между тем, и «королям» и «нищим», то у её молодых последовательниц та же мелодичность сочетается с безудержной словесной эквилибристикой, громоздкими наворотами, которые невозможно понять даже после нескольких прочтений. А ведь главная особенность гениальных стихов — в их простоте и доступности понимания, как для богемы, так и для рядового школьника. Сравните. Б. Ахмадулина:

*Мне нравится, что вы больны не мной.
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами.*

А это Эльмира Агажанова:

*Всё — глупо. Вы сказали — глубоко.
Жест — с глаз долой, вам показалось — в око...
Жестоко объясняться за чертой
На пальцах и шипах чертополоха.
Расплата — проба золота у рта.
Сок — по губам прочтёте вы — кровяща.
Сокровище — делимость пополам,
На пол — в уме, вы посчитали — нищий.*

А это Е. Мухина:

*Я узнаю тебя по неровному почерку крови,
Шелестенью деревьев на слепо открытой странице,
По безвестной гравюре времён королей и героев,
По узору, по шелесту крыл неприкаянной птицы.*

Кстати, многие авторы грешат явной заумностью, совершенно неуместной при создании поэтического образа, который не только не выигрышен, а зачастую просто смешон. У той же Эльмиры Агажановой есть такие строки о родной земле:

*Есть шестая шестых в межполосье вселенского флага,
Там медовая воля лохматит загрив стригунок,
Из пастушьей сумы проливается белая влага
По стальным сухожилиям пальцев и нитям клинка.*

Если это перевести на нормальный язык, то речь идёт о некоей земле на карте мира. Лохматиться может только грива, а не загрив (производное от загривка). Белая влага — это молоко, кумыс или айран. Проливаться она должна, следуя правилам русского языка, на что-то, а не по чему-то, и тем более не на сухожилия, которые находятся под кожей. А нити клинка — на русский не переводится. Может быть, это канавки, тогда понятно. А может, это клинок, сплетённый из нитей? Зачем такой нужен? Одним словом, перебор. Русский язык настолько красив и богат, что не нуждается в сомнительных инновациях. Я уверен, что у Эльмиры и Евгении — большой потенциал, которым надо правильно распорядиться.

Этим же потенциалом должен подорожить Олег Осинцев, чтобы не растратить во внешней эффектности движения поэтической души коэффициент её полезного действия. Вряд ли перегруженная абстрактными и надуманными образами поэзия тронет сердца читателей, особенно если ими злоупотреблять из стихотворения в стихотворение. Не знаю, выработанный ли это стиль или ещё только поиски своего голоса, но что-то в его стихах раздражает, несмотря на одарённость:

*В катакомбах сердечных созревают строчки-лучи.
Поезд, будто шампур, на себе уплотняет пространства.
Видеть в радости боль, в боли — истину свет научил.
Километры в ничто — казны неорбитной растрата.*

Сергей Шевченко тоже из поколения любителей словесного эквилибра. Что-то есть в его стихах от молодого Вознесенского. Но слишком хулиганить нельзя, себе дороже выйдет.

*Напьюсь и набьюсь в зеркала.
Оставленный крик: "Скажите, где Кэрролл?"
Цикадою морщится вешняя мгла,
Цикутую мается внешняя сфера.*

Хорошие стихи пишет Аскар Тугельбаев, душевные. Читая их с интересом, радуясь удачным творческим решениям. Но не может, согласитесь, не вызвать ироничную улыбку его перл, который обязательно оценит пародист:

*Я верю — мать мою купали в росах,
Отца, возможно, тоже окунули.
Со мною поступили очень просто:
Под краником в роддоме сполоснули...
С тех пор я вырос, стал большим и взрослым,
И только нынче стало снится мне,
Что я, рождённый и умытый в росах,
Жизнь прожигая по уши в дерьме.*

Много в сборнике стихов проходных, безликих, невыразительных, и на них не хочется останавливаться. Они больше предназначены для общего веса издания, чем для усиления его качества. Но печалит другое. Слабых стихов, а иногда и откровенных поделок, к сожалению, более чем достаточно, и вот они-то по-настоящему портят благую попытку показать истинный блеск казахстанской поэзии. Стразы тоже блестят, но это, согласитесь, подделка. Искусственный жемчуг — не чета настоящему. И в этом вы убедитесь, вчитываясь в “перлы”. Вот что написал, к примеру, Александр Ломакин:

*Предтеча — в сечу, народ — на вече,
Мирские — в дури, святые — в бури.
Мёртвые — в грех, искать потех,
Живые — в Свет — искать ответ...
Воскреснет Свет! Эпоха стоп!
Лучам — Завет! Страстям — потоп!*

Из этой абракадабры призывов и лозунгов невозможно понять, что вообще хотел сказать автор.

Или попробуйте вникнуть в “Наказ” Юлии Андриенко:

*Не дайте пить с засухи —
Жажда не замучит!
Не дайте есть с полухи —
Голодом морить.
Не дайте пасть падучею —
В поле волоките...
Не дайте слёз жалеючи
Ваятелю в граните!*

Нужно сказать, что многие авторы особо себя рифмами и смыслом не утруждают. А зачем? И так сойдёт. А в итоге получается, как у знаменитого носовского Незнайки: рифма есть — смысла нет, смысл есть — рифмы нет. А если нет ни того, ни другого, как в приведённых примерах? Вот типичный образчик обращения с рифмами и смыслом из творчества Татьяны Марсал:

*Ведь каждый прав — живая дышит грязь,
Столь остро, с терпким запахом земли,
Размятая меж пальцами, она уравнена
С местоименьем “Мы”.*

И так до бесконечности можно продолжать предложенный авторами видеоряд их особого зрения, осязания, обоняния. А где же их шестое чувство самохранения? Где та грань между подлинной поэзией и суррогатом, которую они пока не видят или не хотят видеть, пытаясь навязать читателю свою непогрешимость и занимаясь к тому же морализаторством, основанным на несформировавшейся личной этике и эстетике. Так, Ольга Коношкина пишет:

*Читаю поэтов прошедшего века,
Учёных сегодняшних дней.
Пытались они разглядеть человека
В лавине безумных идей.
И если Эйнштейн сам нашёл себе кару,*

*То ведал о том Тициан,
Когда создал он, подобно Икару,
Судьбу и назвал "Себастьян".
Наука о нравах творилась Сократом.
Её дополняем сегодняшним днём.
Этичность открытий звучаньем набата
Заполнить должна каждый дом.*

А что прикажете делать: радоваться "энциклопедичности" знаний автора или дать ему совет проштудировать всемирную историю, а заодно и всемирную поэзию, науку, культуру? Для чего? А для того, чтобы узнать хотя бы точное название картины Тициана, чтобы понять истинное величие и трагедию гениев, оставивших вечный след на земле, чтобы походя не срифмовать глупость, которую уже не вырубить топором, ибо та обрела материальность печатных строк в книге с громким названием. А ведь её будут читать не только наши современники, но и наши потомки, говоря о девальвации наших нравов, вкусов и мастерства.

Когда-то Александр Сергеевич Пушкин написал:

Мы все глядим в Наполеоны.

Глядеть не запрещается, но при этом надо соразмерить свои амбиции с элементарной этикой естественного отбора стихов, предназначенных для печати. Или слабо поступиться амбициями в угоду призрачной славе? Или нужен редактор, который бы оставил в книге только жемчужины. Кстати, при формировании ожерелий из жемчуга идёт его тщательная калибровка и некондиционный продукт бракуется и отбрасывается беспощадно. Таковы законы качества.

Есть ещё один повод для размышлений. Этот повод — русский язык. И говорю об этом не случайно, ведь сборник, как пишет составитель, приурочен к "Году русского языка во всём мире" и, конечно, в Казахстане". Благое дело, но сделано оно настолько топорно, что даже оскорбительно по отношению к языку, являющемуся не только официальным языком нашей страны, но одним из шести официальных языков ООН. Где этот, тот самый "великий и могучий", а главное, правильный литературный язык у отдельных авторов, полагающих, что знание грамматических конструкций — основы красоты любого языка, а русского в особенности, не обязательно? Маргарита Чечётко, видимо, чего-то недоучила, или ей так было удобно подстроиться под рифмы:

*Миновало две тысячи лет
От Спасителя в мир наш прихода. (!)
И с тех пор его милостью мы
То ль живём, то ли попросту дышим.
И на грани меж Света и тьмы (!)
Неземные мелодии слышим.*

Выдав весьма сомнительную сентенцию относительно влияния Иисуса Христа на наше физиологическое существование, она ещё преподнесла урок неграмотного оформления мыслей на языке, над которым и так откровенно глумится современная молодёжь, подменяя его вульгарным сленгом. Маргарита бы защитить его, но силёнок не хватило в угоду рифме. Правильно по-русски говорят: с момента прихода в наш мир Спасителя,

или со дня прихода Спасителя в наш мир. В данном же случае неуклюже-корявая инверсия — пример элементарной неумелости. Читаем: на грани меж Света и тьмы. Да нет же. Правильно говорится — на грани меж светом и тьмой, или на грани света и тьмы! Это же элементарно. Впрочем, она не единственная, кто грешит в текстах незнанием грамматики, синтаксиса и, простите, законов физики. Михаил Кохнович пишет в ностальгическом стихотворении о родных сердцу местах:

*Снег скрипел о санный полоз,
Звёзды искрами за ним —
Серебрились, разлетались
И душа моя металась,
Где давно деревни голос
Не говаривал с моим.*

Смею заверить, что снег скрипел под санным полозом, а не о санный полоз, и снега, видимо, было мало настолько, что полозья касались какой-то очень твёрдой субстанции, высекая при этом, по закону трения, звёзды искр, если на то пошло. Или снег был искристым, что более правдоподобно. И как бы грамотно и в смысловом, и в грамматическом смысле была бы построена замечательная, на мой взгляд, фраза, если бы была зарифмована так:

*Ведь давно деревни голос
Не говаривал с моим.*

Измени всего лишь одно короткое слово, — и не будет противоречий с точки зрения русского языка. О пунктуации в сборнике я вообще не говорю: в нём царит полная вакханалия и торжествует беззаконие по отношению к знакам препинания. Но чья это вина, порассуждаем ниже.

Знаете, я поймал себя на мысли, что всё время употребляю термин “автор”, а не “поэт”, ибо было бы оскорбительным для русской поэзии употребление высокого слова, за которое заплатили высокой ценой классики и современники. Многим из авторов ещё рановато выходить в “большой свет”. Оппоненты могут мне возразить, говоря, что надо давать дорогу молодым, и где, как не в сборнике, у них есть возможность засветить своё имя, получить трамплин для прыжка в большую поэзию. Если авторы талантливы, — пожалуйста, кто бы возражал. Так делал Владимир Георгиевич Шестериков, истинный поэт и умный редактор, который самым щепетильнейшим образом подходил к поэтическим публикациям, ставя перед молодыми (и не очень молодыми) авторами высочайшую планку ответственности за печатное слово, не давая им окунуться в ложный мираж самолюбования и беспощадно отсекая откровенную халтуру. А при этом говаривал: “Талантам нужно помогать, бездарности пробьются сами”. А потом, сделав паузу, продолжал: “Но без моего участия”. И был тысячекратно прав.

Бог с ним, с ворчанием по поводу качества содержания книги. Она вышла, став событием в жизни молодых авторов. Будем считать, что мастера подставили им своё плечо, выдав им карт-бланш с надеждой, что со временем они поймут истинную сущность поэзии. В конце концов, на ошибках учатся. К счастью, пишущих людей у нас не становится меньше, и это радует. Будем надеяться, что, восходя на вершины поэтического слова, они не пренебрегут такими основополагающими для поэзии понятиями,

как рифма, ритм, а главное, смысловая глубина и образность, без которых стихов не получится и не родится “свой голос”, способный задеть за живое души читателей. Нужна кропотливая работа над Словом, заложенная в классическом ренеме Владимира Маяковского:

*Поэзия — та же добыча радия.
В грамм добыча, в год труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.*

Хочется в связи с этим сделать переключку времён и сверку позиций великого поэта и поэта, стремящегося к вершинам поэзии в наши дни. Вот как позиционирует себя Иван Кандыбаев, следуя непреходящим критериям поэзии и нравственной ответственности за поэтическое слово:

*Ищу в созвучиях согласия,
Перебирая груды слов,
Всё находясь ещё во власти
Косноязычия и снов.
Готовый вылезти из кожи,
Мгновенье чтоб остановить,
Когда-нибудь я в чувствах всё же
Найду связующую нить.
Чудесные открою двери,
Во всём угадывая суть.
Не потерять бы только веры
В подаренный судьбою путь.*

Ах, если бы все авторы следовали этому принципу. Каким бы блеском засверкали жемчужины русской поэзии в Казахстане! Поживём — увидим.

А теперь пришла пора поговорить об издателях, которые тоже приложили руку к оказанию “медвежьей услуги” авторам. Как ни печально об этом говорить, а придётся из уважения не только к слову, но и к делу. Чем хороша бывает книга? Тем, что в ней гармонично сочетаются и форма, и содержание. О содержании мы уже сказали. Это грех составителя. А куда девать грех издателя, легкомысленно не позаботившегося о своём имидже. Мне горько и печально об этом говорить, ведь марка издательства “Северный Казахстан” доселе была очень высока. Изданные им книги были шедеврами книгопечатания. А тут конфуз. А почему? А потому что в угоду автору и составителю сборника, потребовавшему ничего в нём не менять и не исправлять, выполнило только техническую работу, осуществив вёрстку и печать предложенного текста. Потому у дизайнера книги не было возможности найти более красочного и точного решения обложки, отсутствовал корректор, который должен был с совестью ответственностью выправить все знаки препинания по законам русского языка.

А впрочем, уважающий себя автор и сам должен присылать идеальные “рукописи”. Интересно, как отреагируют спонсоры, рассмотрев в деталях, на что потрачены их деньги. И что, самое главное, скажет читатель?

г. Петропавловск.

Лазарь ШАФЕР

Гимн жизни и творчеству

Видно было, как всё извлечённое из внешнего мира художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью.

(Н. Гоголь. "Портрет")

Если кто-то думает, что уже не осталось забытых художников, подвергнутых остракизму в бывшем СССР, чьё творчество было ограничено известно или вовсе неизвестно широкому зрителю, то он глубоко заблуждается.

Да, многим из них удалось вырваться на Запад (Михаил Шемякин, Олег Целков, Оскар Рабин, Эрнст Неизвестный) и стать известными в мире художниками. Но были и такие, особенно в глубинке, которые не могли или НЕ ХОТЕЛИ "вырываться"; однако разгром выставки на Манежной площади или трагедии "бульдозерных выставок" коснулись этих художников едва ли менее, если не более болезненно, так как все они были отданы на растерзание местных властей и подчинённой им прессе. Читать эту прессу сейчас стыдно и горько.

И вот совершенно иезуитский случай. В 1983 году в Целинограде спешно разбирают уже готовую к открытию персональную выставку Марка Николаевича Порунина, приуроченную к 50-летию художника, а весь тираж Каталога, в ещё не распечатанных пачках, сжигают во дворе Дома художника. Подобная вакханалия ничто не напоминает?

Но — "рукописи не горят"! Три-четыре экземпляра Каталога сохранились. Один — художник оставил себе, другие раздал друзьям. А работы? И здесь события приобретают если не столь эффектный, то не менее драматический характер. В начале 90-х годов в результате кризиса, после распада СССР, Марк Порунин, русский художник, материально не мог позволить себе поездку в Ярославскую область (откуда он родом) на натуру. Там он обычно проводил всё лето и возвращался в Целиноград с ворохом акварелей в огромных папках.

И вот он, уже получивший официальное признание, звание заслуженного деятеля искусств Казахстана и просторную мастерскую, принимает решение покинуть Целиноград, уже ставший Акмолой, а затем столицей Казахстана — Астаной, и вернуться в родные края. Средств хватило только на то, чтобы купить скромную трёхкомнатную квартиру в небольшом городе Коврове Владимирской области. И вот тут-то, на родине, с момента возвращения в 1995 году, и начинается полное забвение.

**Лазарь
Гершевич
ШАФЕР**

родился в 1938 году в Кишинёве. С 1941 г. в Казахстане (Акмолинская область, с 1946 — в Акмолинске). В 1960 г. окончил филологический факультет КазГУ. Преподаватель литературы и музыкальной литературы с 40-летним стажем. Бывший председатель еврейского культурного центра "Алеф" в Астане и области. С 2000 года гражданин Израиля.

Надо сказать, что М. Порунин не мог и не хотел заниматься “продвижением” своих работ. Всё своё время, включая выходные и праздничные дни, он проводил в мастерской. За 34 года жизни в Казахстане у него были всего две персональные выставки. Однако участвовал во всех коллективных выставках НАРЯДУ с другими художниками (среди них были такие талантливые, как В. Кучеровский, Л. Свитич, О. Шелепугин, скульптор Л. Колотилина). Все они — выпускники Ленинградской академии живописи им. Репина, как и М. Порунин, а также художественных вузов Москвы и Украины — прибыли на романтической волне 60-х годов (по “комсомольской путёвке”!) в столицу вновь образованного Целинного края и создали своё собственное, довольно представительное, мобильное, порою дерзкое в своих действиях, отделение Союза художников Казахстана, бросившее вызов косной Алма-Ате.

И вот теперь, в Коврове, М. Порунин долго не объявлял о своём существовании. И когда местное отделение Союза художников узнало о нём, то проявило полное равнодушие к “чужаку”, выставив для проформы на очередной выставке две или три его работы.

А сам Порунин вот уже более 15 лет живёт совершенно изолированно в квартире, превращённой в мастерскую, продолжает писать (и это — новый Порунин!), невзирая на большие проблемы со зрением и резко пошатнувшееся здоровье. Вместе с ним его жена, Галина Степановна, бывшая директором Целиноградской областной библиотеки. Одна комната полностью забита картинами, стоящими друг на друге, в два “этажа”. Многие из них так и остались свёрнутыми в рулоны, так как при переезде все работы пришлось снять с подрамников. И в совсем маленькой комнате Марк Николаевич работает. Иногда в работе возникают продолжительные паузы... из-за отсутствия красок. Краски, кисти, холсты, дерево для подрамников “денег стоят”.

Творчество Марка Порунина огромно, его нельзя охватить беглым взглядом. Это — сотни работ, написанных маслом, более тысячи акварелей и графических листов, в том числе циклы по мотивам “Божественной комедии” Данте, “Архипелага ГУЛАГ” Солженицына, поэзии Пушкина и Есенина наряду с холстами, запечатлевшими образы и мгновения жизни этих любимых художником поэтов. Поражают драматизмом, соединением вечного и повседневного картины серии “Русь”, начиная с “Андрея Рублёва”. Художник многократно возвращается (каждый раз по-новому) к образам близких его сердцу учёных, писателей, художников, композиторов: Эйнштейн (более 10 раз), Нильс Бор, Достоевский, Лев Толстой, Пастернак, Цветаева, Высоцкий, Бах, Рахманинов, Врубель, Пикассо. Впечатляют неожиданностью, порой парадоксальностью “одноразовые” обращения к Эвклиду, Хемингуэю, Матиссу, Шостаковичу, Ахматовой, Блоку, Маяковскому, Вознесенскому, Бунину, философу Соловьёву. Однако с трактовками этих образов тут же соглашаешься — столь они убедительны.

М. Порунин — человек не только огромного жизненного опыта, но и масштабного мышления, и высокой культуры. Герои его работ выбраны не случайно — он их знает и любит. В его душе, а затем на холсте находят визуальное воплощение не только творения и судьбы гениев литературы и искусства, прежде всего Достоевского — “больной совести нашей” (М. Горький), но и откровения философов, и открытия учёных, зафиксированные в их основополагающих трудах: “Сущность теории относительности”

Эйнштейна, “Исследование мировых пространств реактивными приборами” Циолковского, “Биосфера” Вернадского. Это, разумеется, не статичные, застывшие “портреты”, а ТВОРЦЫ — в моменты поиска, озарения и открытия. Красота этих моментов вызывает противоположные ассоциации: с одной стороны, нельзя не вспомнить высокочтимого М. Поруниным Льва Толстого с его раздумьями и мучительным поиском смысла жизни, а с другой — слова из “Фауста” Гёте: “Остановись, мгновенье: ты прекрасно!”.

Картины М. Порунина обладают огромной жизненной силой. Как несправедливы были в своё время горе-критики, ставленники ханжеско-партократов, обвинявшие Порунина в бездушном абстракционизме (по следам речей Н. С. Хрущёва), в непристойном и уродливом изображении натуры, наконец, в упадочности и пессимизме! Всё как раз наоборот. Вот отзывы представителей смежных искусств. “Какие они светлые и жизнеутверждающие!” — воскликнул музыкальный критик Анатолий Кельберг, познакомившись с его работами. Аналогичную мысль высказал корифей театрального искусства, автор уникальной монографии “Эстафета искусств” С. В. Образцов, случайно, во время гастролей его театра в Целинограде, посетивший мастерскую М. Порунина.

Умение “раствориться” в задуманном образе, соединить высокий полёт души с прозой жизни, пытливый, грустный взгляд на мир в сочетании с озорством, шуткой неожиданно сближает русского художника Марка Порунина с еврейскими Марком Шагалом и скульптором Исааком Иткиндом. И И. Иткинд, представивший в своё время на конкурс, посвящённый столетию со дня гибели А. С. Пушкина, скульптуру “Умиравший Пушкин” (впоследствии приобретённую Домом-музеем поэта на Мойке), писал: “Сколько тогда привезли на конкурс — может быть, сотни работ — известные мастера, художники, но жюри сразу сказала — это лучшая! Я был так рад! Вы спрашиваете, почему у меня так получилось? Потому что я его понял, почувствовал, как он умирал. Я так думал, мучился, что сам заболел. Жена испугалась, послала за доктором”.* А теперь взглянем на картину Порунина “Последний выстрел” (которую сам он считает эскизом), на пронзительное, укоряющее и вместе с тем отсутствующее выражение синих глаз, отвисшую нижнюю губу, приседающую, слабеющую фигуру поэта. Не те же ли чувства владели художником, что и великим скульптором, когда тот вырезал из дерева своего “Пушкина”?

Известно, что после победы на конкурсе тогда уже немолодой Иткинд был репрессирован, подвергся пыткам в тюрьме Лефортово, а затем ссылке в Казахстан — Зеренда, Акмолинск, наконец Алма-Ата. Свой трагический путь он воплотил в ряде скульптур, например, “Иткинд в аду”. Но вот за несколько дней до смерти он завершил другую работу — “Иткинд в раю” и при этом сказал: “Мне 98 лет, скоро умру. Но и в раю я буду работать: там масса обнажённой натуры и райская жизнь”. Не та ли самая жизненная сила, абсолютная творческая свобода и такой неподдельный неожиданный юмор нашли воплощение и у Порунина в его графических листах, посвящённых Пушкину и Есенину, и, конечно же, в холстах, изображающих Матисса и Пикассо с их натурщицами?!

Порунин никогда не был конформистом, не плыл в русле господствующей идеологии, что гарантировало бы успех и материальное благополучие: “Отказа нет в еде-питье // В уютной этой колее” (В. Высоцкий). Эта колея была для него “чужой”, а вернее, чуждой.

Летающий Высоцкий, 1993-2003.

Разговор (Пушкин и Цветаева), 1980.

В век девальвации духовности и самой человеческой жизни творчество Порунина — это страстный призыв к обновлению и нравственному совершенствованию человека в его нерасторжимом единении с культурой прошлого, с природой, с Космосом. Отсюда неожиданное, а для кого-то шокирующее, решение ряда его работ: “мирная беседа” Пушкина и Цветаевой (которых разделяет целый век), летящий в Космосе Высоцкий... Отсюда же такая выразительность жеста, цвета...

Для любителей и ценителей живописи, как и для специалистов, работы Порунина представляют собой настоящий подарок, станут открытием большого самобытного, ни на кого не похожего художника. Не вызывает сомнения, что художественные музеи, как и любители-коллекционеры, когда-нибудь по достоинству оценят творчество М. Н. Порунина и, конечно, будут рады иметь в своих фондах его произведения. Но хотелось бы,

чтобы это признание наступило при жизни художника, недавно более чем скромно отметившего своё 78-летие.

Р. S. Справедливости ради следует сказать, что в художественных музеях Астаны, Алматы и Павлодара имеется ряд работ М. Н. Порунина, в том числе посвящённые будням целины и природе Центрального Казахстана. А картина “Листья падают (Есенин)” передана в 2000 г. по приказу Министерства культуры и информации РК из Государственного музея им. Кастеева в Алматы в Президентский центр культуры в Астане.

... Три года назад по приглашению подруги-казашки Астану посетила дочь художника, преподаватель Владимирского музыкального училища Млада Порунина. Она была поражена происшедшими переменами и радушным приёмом. В связи с этим художник писал автору статьи в Израиль 26 января 2008 года: “Кстати, о Родине. Родина Млады, конечно, Казахстан. Она прожила там 30 с лишним лет. Казахстан и моя родина... как художника”.

Израиль.

* Эта и следующая цитаты приводятся по статье Авраама Файнберга “Скульптор Исаак Иткинд” (“Еврейский камертон” — приложение к газете “Новости недели”, Израиль, 10 марта 2011 года).

Гульжазира ХАИРОВА

Нелюбимый

Весна ворвалась в жизнь Нурай стремительным потоком журчащих ручьёв, ослепительным солнцем, весёлым щебетом птиц и запахом свежести пока ещё морозного воздуха. Ещё совсем недавно угловатая, с остро торчащими коленками, всегда немного растрёпанная из-за непослушных кудрявых волос, она вдруг непонятно когда и как превратилась в красавицу с плавными женственными движениями, гордой осанкой и лучистыми глазами. Она, быть может, сама и не поняла бы происшедших в ней изменений, если не пристальное внимание со стороны противоположного пола. Всё чаще и чаще ловила она на себе восхищённые взгляды. Это заставило её попристальней разглядывать себя. “Странно, вроде бы всё то же самое, то же лицо, те же глаза. Ах, Нурай-Нурай, не надо лукавить самой себе, ведь даже ты уже видишь, что свежа и хороша какой-то трогательной красотой как ещё не раскрывшийся подснежник!”. В этом году она окончит школу и наконец-то поедет поступать в тот самый институт, в котором учится её Нуржан. А пока она живёт мыслями о скорой встрече, о их будущей счастливой жизни. Письма, полные нежности и признаний в любви, приходят от него почти каждый день.

Она влюбилась в него, когда ей было четырнадцать лет, во время летних школьных каникул. В тот год родители отправили её к тётке в соседний посёлок. Тётя несколько лет прожила в Германии с мужем офицером и потому очень отличалась от местных женщин своими изысканными манерами. Увидев у сестры хорошенькую Нурай, она решила, что просто обязана оказать своё положительное, на её взгляд, влияние на её воспитание, и

Гульжазира Кенжегазиновна ХАИРОВА

родилась в пос. Майкаин Баянаульского района Павлодарской области. Окончила горно-электро-механический факультет Карагандинского политехнического института. Кандидат технических наук. С 1974 по 1996 год работала в химико-технологическом институте Национальной академии наук РК, затем по 2006 год — доцентом Карагандинского государственного технического университета и директором его филиала в Астане, с 2006 по 2007 год — в Евразийском национальном университете. Автор свыше тридцати научных статей, патентов и изобретений в области обогащения полезных ископае-

мых и металлургии цветных и редких металлов, учебно-методических материалов для вузов.

С 2007 года в связи с работой мужа-дипломата живёт в столице Армении Ереване. Издательством “Оракул” (г. Ереван) выпущен сборник её рассказов и новелл. В 2010 году в издательском доме “Жибек жолы” (Алматы) увидела свет книга её новелл “Синие облака”. Г. Хаирова сотрудничает с армянским республиканским журналом “Армянка”, на страницах которого публикует свои произведения, а также с казахстанскими республиканскими литературно-художественными журналами “Тумар” и “Алем адебиети”.

В “Ниве” выступает впервые.

потому попросила отпустить её к ней на лето. Тётя учила Нурай секретам подбора одежды и аксессуаров по цветовой гамме и стилю, красиво завязывать бантики, носить в руках дамскую сумочку, а в кармане носовой платочек, и многим другим на первый взгляд обычным, но в то же время очень важным вещам. Не заметить такую маленькую принцессу было просто невозможно. Однажды, когда она шла в магазин через скверик, заметила мальчика, который сидел на лавочке и явно делал вид, что читает книгу. Пройдя немного вперёд, она с удивлением увидела, что тот же мальчик и в той же позе сидит уже на другой встречной лавочке. Нурай поняла, что для того чтобы обратить на себя её внимание, он после того как она пройдёт, бежит за кустами и садится на следующую лавочку, мимо которой она должна будет пройти. И она стала каждый день в одно и то же время ходить в магазин через этот скверик. А потом по ночам она долго не могла уснуть, думая о нём. Через несколько дней он решился-таки подойти и заговорить с ней.

— Я тебя каждый день здесь вижу. Ты не местная?

— Да, я на каникулы к тёте приехала. А что ты читаешь?

— Это Артур Кларк "Город и звёзды".

— Надо же, я тоже фантастику люблю.

— Зарубежную или советскую?

— Зарубежную больше люблю. Над "Двухсотлетним человеком" Айзека Азимова я даже плакала. Рэя Брэдбери люблю. А из русских фантастов — братьев Стругацких.

— В первый раз встречаю девчонку, которая любит фантастику. Обычно же девчонки любят про любовь читать. Меня Нуржан зовут, а тебя как?

— Нурай. Ну это ты зря, девчонки разные бывают.

Они радовались, что у них похожие имена, ведь это так символично, как много у них общего. Любовь к фантастике их сразу же сблизила, они обменивались книгами, обсуждали их. А потом был роман в письмах, встречи украдкой от тёти и родителей, когда он приезжал к ним в городок, наивные стихи, которые он посвящал ей, и её слёзы в подушку от того, что так долго приходится ждать, когда они подрастут. Но наконец-то всё позади: выпускные экзамены сданы, впереди бал, вручение аттестата, и она поедет к нему и станет поступать в тот же институт, где учится он. И никто и ничто их теперь не разлучит. И даже если она не сможет поступить в институт, домой она не вернётся, устроится работать, чтобы быть рядом с ним. Каким же счастливым и безоблачным представлялось будущее...

Выпускной вечер был удивительно трогательный. Учителя, которые ещё только вчера были недоступны и неприступны, стали в тот вечер почти друзьями и говорили им столько добрых слов, как будто их прорвало, и они хотели взять реванш за вынужденную дистанцированность. Одноклассники и одноклассницы были красивы как никогда. Красивее всех была в тот вечер Нурай. Она сшила в ателье костюм из бежевой тафты, которую привёз папа специально для выпускного вечера ещё в прошлом году, когда отдыхал в санатории. На её ножках были остроносые, на тоненькой шпильке, с трогательными маленькими бантиками, в тон костюму чехословацкие туфельки. Их тоже заранее привезла из Киева мамина подруга, при этом выстояв, ради мамы, длинную очередь. Конечно, не все тогда могли оценить её изысканность,

но даже те, кто были ну очень далеки от этого, и те понимали, что она хороша. Возле Нурай весь вечер крутился её одноклассник Сарсен. Она решила быть в тот вечер доброй и великодушной и не прогонять его от себя, как это делала обычно. Разве ж он виноват, что она ему нравится? Сарсен появился в их школе в девятом классе, потому что в их аульной школе не было выпускных классов и, чтобы окончить школу, он жил у какого-то дальнего родственника. Эти два года он глаз не сводил с Нурай, влюбился с первого взгляда. Сарсен прекрасно знал, что у Нурай есть парень, который старше её на два года и уже учится в институте, и что она собирается поступать в тот же институт, чтобы быть рядом с ним. И при этом всё равно преданно ходил за ней, готовый в любую минуту прийти на помощь. Ей вдруг стало нестерпимо жалко его, и она даже станцевала с ним несколько танцев. Во время танца она ощущала дрожь, которая пробивает его от её прикосновений. В глубине души она понимала, что не надо было ей этого делать. Ведь он может воспринять её минутную благосклонность как то, что она даёт ему надежду.

После бала, разбившись на небольшие группки, пошли гулять по городу. Традиционно было принято у выпускников их школы в пять утра собираться на набережной встречать рассвет. Нурай с ближайшими своими подругами ходили по любимым с детства местам. Следом плелись несколько ребят, в числе которых был и Сарсен. Воздух был напоён запахами недавно только раскрывшихся, ещё не успевших покрыться пылью и потому атласных молодых листочков. Звонко стучали каблучки девочек, в такт учащённо стучали их сердца, начиналась новая жизнь.

Когда проходили мимо парка, Сарсен, который шёл самым последним, окликнул Нурай. Она остановилась, пропустив всех вперёд, чтобы узнать чего он хочет. В этот момент кто-то невидимый, крепко схватив её за руку, толкнул в стоявшую у обочины машину. Всё произошло настолько быстро, что она даже не успела испугаться и закричать.

В машине кроме водителя было ещё трое парней. Ни одного из них она раньше не видела. Нурай тщетно пыталась вырваться из крепких рук двоих парней, между которыми была зажата на заднем сидении.

— Кто вы такие? Что вам от меня надо? — кричала она.

Один из них стал закрывать ей рот руками. В голове мелькнула мысль: укусить, но помешала природная брезгливость. На её крики и дёргания никто не обращал внимания, даже припугнули:

— Будешь кричать и дёргаться, в багажник засунем.

Какой странный запах в машине — запах кислого молока. Он же перебьёт аромат её любимых духов “Быть может”. И как бы не запачкать свой костюм об их вонючую машину. А в багажнике, наверно, они баранов возили. Нет, туда она не хочет. Даже в этом стрессовом состоянии Нурай почувствовала, что парни как-то радостно возбуждены, словно являются участниками какого-то романтического приключения. Чему это они радуются? Было ясно, что происходит что-то из ряда вон выходящее. И это в тот момент, когда она была так беспредельно счастлива. Но что же всё это значит? Какое ко всему этому отношение имеет Сарсен? Почему он её окликнул? Кто эти парни? И куда они её везут? Она продолжала кричать и вырываться, но всё было бесполезно. Машина на большой скорости увозила её в другую, чуждую ей жизнь. Следом ехала ещё одна легковая машина.

Всё происходящее потом было будто не с ней — как в дурном сне или в плохо отрежиссированном фильме с плохой резкостью и звуком. Мозг не хотел воспринимать это как реальность. За что? Почему? Убить, что ли, хотя? Но кто и зачем? И куда её так долго везут?

Её привезли в какой-то аул. Несмотря на то что ещё даже не светало, их явно ждали. Когда машина подъехала к крыльцу, навстречу вышли какие-то две толстые тётки. Одна из них стала бросать в её сторону конфеты. Несколько карамелек попали Нурай по голове, на что она тут же среагировала:

— Ну чего кидаетесь? Больно же.

Не обращая внимания на её реплику, вторая показала парням, в какую комнату следует её завести. Сил для сопротивления не было. Комната была странная: на стенах ковры, на полу ковры с какими-то лоскутными одеялами и подушками — и больше ничего. Дверь за ней закрыли на ключ. И тут с ней произошло что-то странное. То ли потому что не спала эту ночь, то ли потому что кричала и плакала всю дорогу, но сработал предохранительный клапан, и мозг её отключился. Она, свернувшись калачиком, уснула в уголке.

Это был не сон. Это было забытьё, временный уход от реальности, чтобы дать организму справиться со стрессом. И только подсознание продолжало работать, чтобы понять создавшуюся ситуацию и дать этому определение. Когда же она очнулась, поняла: она украдена, и виновник этому Сарсен.

Потом в комнату одна за другой шли старые и молодые женщины: мать Сарсена, тётки Сарсена, сёстры Сарсена объясняли ей, что у неё нет другого выхода кроме как смириться, что она уже опозорена, что на ней теперь никто не женится, а Сарсен её любит, пытались надеть ей на голову какой-то платок. Но Нурай всё плакала и умоляла отпустить её. И так каждый день и много дней, которым она потеряла уже счёт. Она целыми днями лежала на этих лоскутных одеялах и от долгого разглядывания узоров у неё уже в глазах рябило. Однажды она, воспользовавшись тем, что забыли закрыть дверь и рядом никого не оказалось, сделала попытку сбежать. Но путь ей преградила старая женщина, Нурай не знала тогда, что это была бабушка Сарсена. Она не смогла её оттолкнуть, потому что женщина упала на колени, обхватила её ноги и громким голосом истерично заголосила. Потом эта старушка стала её стражем, она целыми днями была рядом и уговаривала её пожалеть хотя бы своих родителей, ведь они так долго в неведении. Стоит только Нурай дать согласие, как родственники Сарсена поедут к её родителям на покаяние. Нурай сама не заметила, как постепенно перестала плакать, стала сначала отвечать на вопросы, а потом и разговаривать. Постепенно воля её была сломлена, и однажды она сдалась...

Потом была небольшая свадьба. Родителям Нурай через третьих лиц сообщили о том, что она жива и через какое-то время к ним приедут родственники Сарсена, чтобы соблюсти все условности. Для её родителей это был тяжёлый удар, не такой судьбы хотели они для своей любимой дочери. Но рады были они хотя бы тому, что Нурай жива. Сарсен, его родители и родственники торжествовали, они добились-таки своего и взяли в дом невестку, которую он полюбил.

Внутри Нурай что-то умерло, отныне она была живая и неживая одновременно. Лыдинка в её сердце не оттаивала. Шли дни, месяцы, годы. Они переехали в город, оба закончили заочно институты. Родились и росли дети. Сарсен делал всё, чтобы ей было хорошо, чтобы она ни в чём не нуждалась и смогла, наконец-то, полюбить его. Он даже делил с ней часть работы по дому, что совершенно не было свойственно для мужчин-казахов того времени. Но в её душе была незаживающая рана.

Со стороны казалось — вполне нормальная и даже дружная семья. Росли здоровые и красивые дети. Нурай привыкла к Сарсену, ценила его доброту. Но время от времени снился ей один и тот же сон, в котором они с Нуржаном вместе, у них общие интересы, полная глубоких чувств жизнь, и она безмерно счастлива. Оба такие молодые и красивые. После таких снов на неё накатывала волна брезгливости от происходящего наяву. В такие дни её раздражало в Сарсене всё: как он ест, ходит, спит, дышит. Вот он ходит такой уже стареющий, седеющий, толстеющий, с появившимся животом. Когда ему вставляли зубы, он так неприятно перекачивал во рту еду с больной стороны на здоровую, а иногда и вовсе, как старик, жевал передними зубами. А если при этом ещё и умудрялся уронить что-нибудь или допустить другую оплошность, так её всю передёргивало. В последние годы он вдруг стал храпеть во сне и вообще беспокойно спать, не зная, наверное, как удобнее уложить свой растущий живот. Неприязнь к нему переносилась автоматически и на всю родню Сарсена, даже на ни в чём не повинных младших братьев, сестёр и племянников. Просто так к ним его родственники приходили не могли, только по приглашению и только на дни рождения или другие какие-либо семейные события. Когда однажды младший брат Сарсена вынужденно остановился у них на неделю, Нурай буквально по пятам ходила за ним. Ей казалось, что всё он делает не так: ванную всю забрызгал водой, свет за собой не выключает, вещи разбрасывает, по ночам долго читает. Тоже мне нашёлся интеллектуал! Где-то в глубине души она понимала, что не права, что становится сварливой и вредной и её дети могут перенять её манеру поведения. Пугалась от мысли, что, возможно, её внутреннее содержание может найти отражение в её внешности. Но ничего не могла с собой поделать...

Незаметно выросли дети, закончили университеты, вышли замуж по любви, женились по любви. Жизнь шла своим чередом. Потом появились внуки. Нурай с Сарсеном ещё работали, но по выходным с удовольствием возились с внуками. Хотя дети не особенно-то их и загружали. Времена другие, возможности другие: няни, домработницы. У Нурай появилось много свободного времени, и она стала уделять больше внимания себе, своему здоровью, своим нарядам, внешнему виду. Хорошее время, когда вы ещё не старые, а дети уже выросли. Поколение ещё нестарых родителей проводит время в хождениях на юбилеи, дни рождения, свадьбы детей, а также различные события внуков, такие как первые шаги — “тусакесер”, первый класс, окончание школы и т. д.

Предстояла ещё одна свадьба — должен был жениться сын их самого близкого друга. Невеста была из другого города, и родителям жениха надо было разместить сватов, их родственников и друзей, которые придут на свадьбу. Сарсен с Нурай вызвались помочь и принять у себя двоих или троих сватов.

Свадьба проходила в одном из лучших ресторанов города с большим количеством приглашённых. Нурай пропустила момент, когда встречали новых сватов, потому что помогала хозяйке, но успела к появлению молодожёнов, на “беташар”. Невеста была молода и хороша, как все невесты, жених тоже красив. Вообще в последние годы казахская молодёжь стала необыкновенно красивой. Так много интересных, холёных и в то же время умных лиц. Хорошо когда молодые люди сами находят друг друга и создают семью по обоюдному желанию.

Торжество было в полном разгаре, когда к Нурай подошла её подруга и попросила уделить внимание сватам и, в частности, столу друзей сватов. После очередного тоста Нурай с бокалом вина в руках подошла к указанному столу. Когда она начала говорить дежурные для такого случая фразы, сидевший напротив неё мужчина поднял на неё глаза. Взгляды их встретились. На секунду сердце её замерло, а потом забилося как птица в клетке. Ком подкатил к горлу. Непонятно, как только она умудрилась устоять на ногах и продолжать что-то ещё говорить. Это был он! Это был её Нуржан! Он тоже узнал её. Кровь ударила в голову. Щёки залил пунцовый румянец. Из глаз чуть было не брызнули слёзы. Она как во сне что-то говорила и обошла всех сидящих за этим столом. Её смущения не заметил никто кроме Нуржана, который тоже немного растерялся от неожиданной встречи. Однако это был уже давно не тот скромный и стеснительный мальчик. Он постарался быстро взять себя в руки, и когда она дошла до него, он даже незаметно для других приобнял её. Этот его смелый и дерзкий, с её точки зрения, поступок окончательно выбил её из колеи. Куда делись все эти годы, дети, внуки? Её не покидало ощущение, что вот только теперь наступила реальность. А до этого был, может быть, и не совсем дурной, но всё-таки сон. Она ни о чём больше не могла думать, только о его руке на своей талии, как будто он так и не убрал её, и она всё ещё ощущает её тепло. И это тепло разливается по телу, заставляя её сердце учащённо биться...

Нуржан, конечно же, помнил её и их наивную, детскую любовь. Это было так давно. Рядом сидела его бдительная жена. Как надоела она ему со своими капризами и бесконечными требованиями: то у неё где-то болит, то ей не то и не так подали. Вампир, да и только. Ну разве ж мог он устоять перед очарованием Нурай, такой красивой и совсем ещё нестарой женщины?

Несмотря на то что Нурай так долго мечтала об этой встрече, ей было очень трудно решиться на измену хоть и нелюбимому, но всё-таки мужу. С одной стороны, раздирающая душу страсть и тривиальное желание отомстить мужу и, с другой стороны, моральные принципы восточного воспитания и жизненные устои, согласно которым она жила до этого.

Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Однажды он приехал в их город в командировку, и они встретились в гостинице... Но почему это не принесло ей ожидаемой радости и счастья? Всё оказалось так обыденно и где-то даже пошло, как в плохом анекдоте... Вопреки ожиданию она чувствовала себя какой-то замаранной, непорядочной. А может быть, сама того не ведая, она успела полюбить Сарсена? И именно поэтому ей так нехорошо.

А Нуржан, как выяснилось, вообще не прочь гульнуть, и не только с Нурай. Сколько раз потом замечала она, как загораются его глазки при

виде симпатичных женщин, иногда даже таких, которые ему в дочери годятся. Как он, несмотря на свои уже седые волосы, начинает заигрывать с ними и неадекватно вести себя. В такие минуты она понимала, что её Сарсен более благороден в своих поступках и держится всегда более достойно. В её воспоминаниях и мечтах был совсем другой Нуржан. Её жизнь с Сарсеном прошла в развитии, в положительной динамике не только в плане карьеры и улучшения благосостояния, а также в постоянном интеллектуальном и духовном росте. Однажды она оказалась в квартире Нуржана и была поражена отсутствием уюта, множеством ненужных меццанских безделушек. Беспристрастные сравнения Нуржана теперешнего с Сарсеном были не в его пользу, и Нурай решила для себя, что надо дорожить тем, что имеешь...

Прошёл ещё один год. Казалось, она забыла свою первую детскую любовь и мимолётное взрослое увлечение и обрела наконец-то душевный покой и равновесие. Но однажды раздался телефонный звонок, который опять заставил её сердце учащённо биться, а щёки залил пунцовый румянец... Это был он. Нуржан.

Подранок

Армен проснулся от того, что кто-то пробежал по краю свесившегося одеяла. “Опять ты пришла, мы же с тобой договаривались. Ты на мою территорию не заходишь, я на твою. Бестолковая ты тварь”, — подумал он и зашевелился, чтобы спугнуть обнаглевшую крысу. Кроватью ему служила старая обшарпанная дверь, снятая с петель. Вместо ножек он поставил по два кирпичика по четырём углам. Поэтому когда он шевелился, звуки получались достаточно грозные. Одеяло старенькое, ватин весь посбивался. Когда он был маленький, любил, укрывшись с головой, смотреть из-под одеяла на свет и фантазировать. Но даже в самом страшном сне не мог представить себе свою теперешнюю жизнь. До чего же холодно. Вроде бы и зима не очень холодная, но по ночам очень трудно согреться. “Мама, мамочка, как мне тебя не хватает. Одной только своей улыбкой и ласковым прикосновением освещала ты всё вокруг”. Но лучше не раскисать и думать о чём-нибудь хорошем. Но как?

Жизнь загнала Армена в угол. У него нет ни дома, ни родителей, ни работы. Есть только дядя Мгер, который, собственно, и не родственник. Он просто работал когда-то с родителями в какой-то районной больнице. Он и сейчас там работает. А папы с мамой нет. Папа умер от инфаркта ещё до того как Армена призвали в армию. Пока он служил, умерла мама. Никто толком не может сказать, от какой болезни она умерла, но случилось это внезапно, говорят, был инсульт. А ведь они оба были врачами и почти как все врачи бедствовали. Почему так получается, что врачи и учителя до сих пор являются самыми низкооплачиваемыми специалистами? Денег всегда катастрофически не хватало, и они не жили, а выживали. Дом, в котором прошло детство Армена, это был дом для беженцев — бывшее общежитие какого-то ликвидированного предприятия. Несмотря на то что родители его не были беженцами, но каким-то образом им дали здесь жильё. А дядя Мгер и его семья были беженцами из Карабаха. Они убегали от войны. А вот папе с мамой зачем надо было уезжать из Казахстана? Отца Армена звали

Артак, он — армянин. Маму звали Амина, она — казашка. Они познакомились, когда учились в медицинском институте.

Поженились они по большой любви в студенческие годы. Мама приехала в институт из южного казахстанского города, а папа — из северного. Дедушке Армена досталось очень трудное историческое время: вторая мировая война. Колесо истории безжалостно перемалывало судьбы людей. Родители отца были переселены в Казахстан из Армении в 1949 году. Они очень мечтали вернуться когда-нибудь на родину. Видимо, Артаку передалась их неизбежная тоска по Армении и, несмотря на то, что он родился и вырос в Казахстане, для себя он твёрдо решил, что обязательно вернётся на родину предков. Он часто рассказывал Амине, со слов своего дедушки, какая в Армении красивая природа, какой там мягкий климат, зимы почти нет. Несмотря на то что Амина сама выросла в городе, где зимы тоже почти нет и урожай овощей и фруктов снимают по несколько раз в год, она тоже уже была готова полюбить Армению.

Армен очень смутно помнит Казахстан, потому что родители уехали оттуда, когда ему было всего три года. В памяти остались пирамидальные тополя, много цветов и упоительный запах алматинского апорта, вкуса которого он уже не помнил. В Армении они оказались никому не нужны. Родственников со стороны отца тут нет, а те кто есть, живут в Америке или Франции, и связи с ними потеряны. Да и приезд Артака и Амины в Армению совпал с тяжелейшим периодом в жизни страны: разрушительное землетрясение, распад Союза, война, блокада и, как следствие, безработица, отсутствие тепла, воды и света. Практически всё детство Армена прошло в холоде, голоде и нищете. Хорошо ещё отцу с матерью удалось устроиться на работу. Была ли эта работа по специальности, Армен сейчас сказать не может. Знает только, что работали они в больнице. Вся жизнь в те годы представляется ему сейчас как в тумане с небольшими проблесками радости. И всё-таки это были счастливые годы хотя бы потому, что они были вместе и любили друг друга. Он только сейчас это понял. А теперь у него нет ничего: ни крыши над головой, ни специальности, чтобы найти работу, ни родственников. Молодой, полный сил и энергии, он не может найти себе применения. Как жить дальше?

Время идёт, перемен к лучшему нет, работу найти без связей не реально, знакомств и родственников нет. Питается он от случая к случаю, спит где придётся, чаще всего в кладовке, где хранятся общежитские инструменты и инвентарь уборщицы. Туда были вынесены остатки вещей родителей, и потому эта кладовка стала временным пристанищем Армена. Зная его историю, обитатели этого общежития всячески стараются его поддержать. Как ни странно, сострадание в такой среде куда более распространённое понятие, чем среди людей, испорченных состоятельностью и сытым благополучием. Когда богатые делают кому-нибудь добро, это, скорее, самолюбование, чем сострадание. Да к тому же это не в ущерб себе, а попробуй-ка ты поделиться последним. Армен понимал, что люди отрывают от себя и от своих детей. Ему было стыдно, что он, молодой и здоровый, оказался в такой ситуации. Его случайных заработков едва хватало на хлеб и чай. А если подходить к еде как к источнику энергии, то этой энергии явно не хватало, чтобы не замёрзнуть по ночам в его неотапливаемой каморке.

Однажды дядя Мгер нашёл в старых бумагах письмо от родственников из Казахстана, адресованное матери, которое пришло в то время, когда Армен был в армии. По адресу на конверте Армен написал письмо старшему брату матери о том, что родители умерли, и он остался без крова над головой и средств к существованию. Писать было очень трудно: казахский он не знает совсем, русским владеет чуть-чуть, то есть буквы только и знает, а слова и грамматику, скорее, не знает, чем знает. Но тем не менее написал как мог, дал почитать дяде Мгеру и отправил письмо. С пометкой "адресат выбыл" письмо через месяц вернулось назад. Рухнула последняя надежда, последняя зацепка найти людей, которым он был бы не безразличен. Когда он от холода не мог заснуть в своей каморке рядом с бегающими крысами и протухшими половыми тряпками, он так мечтал о том, что они отзовутся, и только это помогало ему выжить. Он старался представить себе лица своих родственников со стороны матери, и как же ему мечталось, что их будет много, очень много: дяди, тёти, двоюродные и троюродные братья и сёстры. Как бы он их любил и дорожил ими. И ему совсем не надо, чтобы они с ним носились. Ему бы только найти работу и крышу над головой, а там он сам всё бы сделал, чтобы быть им нужным и полезным. Чтобы мог он радоваться их радостям (а чем больше родственников — тем больше радостей), лишь бы знать, что есть на Земле люди, в жилах которых течёт такая же, как у тебя, кровь. Неужели бывают такие люди, которые не знают цену всему этому?..

Был обычный зимний день. Армен слонялся по городу в поисках хоть какого-нибудь случайного заработка. На нём была куртка, которую купили ему родители ещё до армии и которую он берёт как мог, потому что всё, к чему прикоснулись руки родителей, теперь приобрело очень важный смысл и значение. Каких невероятных усилий стоило Армену выглядеть достойным образом, соблюдать элементарные правила личной гигиены в его теперешних условиях жизни. При всём при том он был очень красив: эта гордая осанка, доставшаяся ему от отца, эти изогнутые брови, как крылья беркута, и даже эта бледность от полуголодной жизни придавали ему какую-то аристократичность. Но сам он этого не понимал. Он не мог и не хотел смотреть людям в глаза. Ему казалось, что все сразу поймут, в каких условиях он живёт и что он постоянно хочет есть. Только он собирался переходить дорогу, как услышал:

— Армен, подожди.

Первая реакция была: это не его зовут, но на всякий случай остановился. Смотрит, к нему быстрым шагом идёт хорошо одетый молодой человек. Армен не сразу узнал в этом симпатичном парне Сурена, сослуживца из Апарана.

— Барев дзез. Вонц ес? Ты чего, Армен, такой измученный? Болеешь, что ли? Рассказывай. Где ты сейчас? Чем занимаешься?

Сурен искренне обнял его за плечи и заглянул в измученные глаза.

— Воч инч, Сурен, воч инч. А дела мои просто никак, нет у меня работы, нет родителей, нет дома.

Растроганным вниманием, Армен с трудом сдерживал рвущиеся наружу рыдания. Ведь он ещё даже смерть матери не смог толком оплакать: не с кем было разделить своё горе. Он вдруг пронзительно понял, что в трудную минуту нужен человек, который прижмёт тебя к груди и просто,

молча, подбадривая, похлопает тебя по плечу. И даже только от этого простого участия станет легче. Предательский всхлип вырвался-таки из груди Армена.

— Слушай, друг, да ты совсем плох. Пойдём посидим где-нибудь, расскажешь по порядку.

Они пошли в ближайшее кафе и впервые за последнее время Армен смог наконец-то выговориться. Он рассказал другу о том, какое для него было потрясение, что мамы уже нет, жить негде, вещи родителей вынесены в кладовку, часть вещей исчезли бесследно. О том, как он с тех пор нелегально живёт в нечеловеческих условиях и в то же время даже этому рад. Сурен, как настоящий друг, с которым он делил все тяготы армейской жизни, молча, не перебивая, слушал Армена.

— Самое интересное, Сурен, что я только теперь понимаю, как я был, оказывается, счастлив, когда были живы родители. Счастье, оказывается, не измеряется достатком или недостатком. Счастье — это когда есть люди, для которых ты — это всё, весь смысл жизни. Какой это мощный источник силы и энергии, они своей любовью, как генератор, постоянно заряжают тебя. Понятно, что это не может быть вечно. Но как же мало они прожили, мама даже из армии меня не дождалась, внуков они не увидели. Почему, чтобы осознать это, я должен был потерять их? Если у меня когда-нибудь будут дети, я назову сына и дочь их именами. Больше я ничего не смогу для них сделать.

— Знаешь, я вот слушаю тебя и понимаю: человек, который всё это пережил и осознал, не может быть слабым. Ты единственный, кто остался от твоих родителей, и ты обязан жить за троих и быть счастливым, и ты будешь им. Я в это верю.

— Спасибо, брат, за такие слова.

— А ты родственников пробовал искать?

— Пробовал искать маминого брата, но они куда-то переехали, и моя последняя надежда рухнула.

— Нет, не говори так, нельзя терять надежду. На днях мне в руки попала какая-то газета. Там была статья о Казахстане и о работе посольства Республики Казахстан. Я так понял, в Ереване уже год как открыли посольство Казахстана. Сходи, может, они помогут или хотя бы что подскажут.

— А ведь это идея. Спасибо тебе, я так рад, что встретил тебя сегодня. Тебя мне судьба послала, я стал такой суеверный.

— О чём ты? Я же ничего не сделал для тебя.

— Чтобы понять это, надо быть в моей шкуре.

— Запиши мой телефон. Если что, звони. Вместе будем думать, как дальше жить. Ну пока...

Встреча с Суреном придала Армену силы и желание бороться за своё место под солнцем и за свою судьбу. На следующий день, собравшись с мыслями, он пошёл в посольство Казахстана. Искать долго не пришлось. На улице Баграмяна он увидел щиток с указателем направления и через минут двадцать подошёл к воротам посольства. Армен очень волновался: как его примут и примут ли вообще? Но действительность превзошла все его самые радужные мечты. Консул оказался взрослым, даже старше его отца, мужчиной с внимательным, добрым взглядом. Звали его Сакен Нургалиевич.

— Слушаю вас, молодой человек. Что вас к нам привело?

От волнения у Армена пересохло во рту, и он не смог издать ни звука. Консул как-то по-отечески улыбнувшись, успокоил:

— Да не волнуйтесь вы так. Гаянэ, подайте, пожалуйста, молодому человеку водички.

Помощница принесла ему воды и ободряюще улыбнулась. Хорошо что Армен буквально накануне рассказывал свою историю Сурену. И он, представив, что перед ним сидит его друг, слово в слово повторил свой рассказ. Это помогло ему успокоиться и перебороть волнение.

Сакен Нургалиевич слушал его не перебивая. Видно было, что история Армена не оставила его равнодушным. Задав несколько дополнительных вопросов и поняв суть проблемы, он сказал:

— Вы, наверное, понимаете, что посольство и консульство — это не передача “Жди меня”. Мы не занимаемся поиском пропавших родственников. Но, чисто по-человечески, я постараюсь вам помочь.

И уже обращаясь к помощнице:

— Гаянэ, помогите Армену изложить всё это на бумаге. Не забудьте взять его данные: где и как его можно найти.

Тут Армен не выдержал:

— Не надо меня искать, если можно, я сам буду приходить, только скажите когда.

— Ну в таком случае подойдите дня через два, может, что-то к тому времени и прояснится...

Сакен Нургалиевич записал в перекидной календарь, какие с утра надо будет сделать звонки в Казахстан, чтобы сдвинуть с мёртвой точки проблему Армена. Чем бы он в этот день ни занимался, перед его глазами стояло тоскливое лицо молодого, но уже уставшего от жизни человека. У него у самого два уже взрослых сына, при этом для него они до сих пор ещё сыночки, которых хочется уберечь от проблем, оградить от невзгод. А Армен ещё совсем ребёнок, но уже успел нахлебаться горя. Нет, ему надо обязательно помочь.

В этот день Сакен Нургалиевич долго не мог уснуть. Почему жизнь так устроена? Почему деду Армена досталась такая судьба — терпеть холод и голод? Сколько разных народов выжило тогда благодаря гостеприимству и человеколюбию казахского народа. Недаром в своих пожеланиях добра обязательно говорят они это ёмкое слово “адамгершилик”, которое включает в себя так много понятий: гуманизм, человечность, нравственность, умение сопереживать и бескорыстно делать добро. Не потому ли и он сейчас, с детства воспитанный в таких понятиях, не может быть в стороне, не может быть безразличным и пройти мимо этого подранка. Сам же он не считает, что делает что-то особенное. Настолько всё просто и естественно, по-другому и быть не может. Весь вечер он посвятил тому, что искал номера телефонов своих давних друзей и знакомых. Какая всё-таки жена у него молодец, что захватила сюда все старые, потрёпанные записные книжки. Засыпая, последнее, о чём он думал, чтобы этот парень нашёл наконец-то родственников, от которых так необдуманно оторвались его родители. Вот уж действительно, “в этом качающемся мире слабым нужна опора”. История этого юноши напомнила ему вековые традиции казахского народа: не позволять кому-нибудь из рода или клана бедствовать. Если вдруг доходила весточка о

том, что представителю рода где-то плохо, то старейшины быстро снаряжали делегацию, которая должна была вернуть страждущего в родню. Радости или тяготы жизни род должен был переносить вместе. Эта сплочённость позволила казахам выживать в суровых климатических условиях на бескрайних просторах...

Все друзья и приятели Сакена Нургалиевича там, в Казахстане, приняли участие в поисках родственников Армена. Результат не заставил себя долго ждать. Через неделю у консула на руках были номер телефона и адрес дяди Армена. А Армен за эту неделю дважды приходил в посольство и, видя, как искренне хочет Сакен Нургалиевич помочь ему, уже не сомневался в том, что скоро, очень скоро состоится его встреча с родственниками.

Когда Сакену Нургалиевичу наконец-то сообщили долгожданный номер телефона, он радовался как ребёнок, словно это он нашёл своих родственников. Но в то же время он понимал, что ему предстоит принести скорбную весть человеку о смерти сестры и зятя. Позвонив по тому номеру, он представился:

— Вас беспокоят из посольства Казахстана в Армении.

Официальный тон испугал и смутил дядю Армена. В Ереване у него сестра, которая давно не давала о себе знать. В голове его вихрем пронеслись страшные мысли. Надо быть готовым ко всему. Горестная новость не заставила себя долго ждать, но самое ужасное то, что случилось это не вчера, а уже больше года назад. И узнаёт он об этом только сейчас.

— А что с Арменом? Где он сейчас?

— Вот по этому поводу я вам и звоню. Он жив-здоров, вернулся из армии. Всё дело в том, что Армен бедствует. Его надо спасать. Он лишился всего: у него нет родителей, нет квартиры, нет работы. Не в традициях нашего народа: бросать родственника в беде на чужбине.

— Зря вы нас обижаете. Он для нас частичка нашей сестры. Очень хорошо, что он с вашей помощью нашёл нас. Повезло ему, что он встретил такого хорошего человека как вы. Видно, бог даёт ему шанс. Когда и как я могу с ним поговорить?

— Мы сегодня сообщим ему и, думаю, завтра после обеда, в промежутке между 15.00 и 15.30 вы будете иметь возможность поговорить с ним.

... Наконец-то наступил тот день, когда Армен узнал, что его ждут и любят его родственники. У него будто крылья выросли за спиной, всё вдруг стало представляться в другом свете: солнце ярче, деревья выше, воздух чище, люди добрее и улыбчивее. А всё потому, что за ним теперь вся его большая родня. Сбылась его самая главная мечта, а всё остальное он будет добывать своим трудом, тем более что в жилах его течёт и отцовская кровь, кровь талантливого и трудолюбивого армянского народа.

Не меньше Армена радовался Сакен Нургалиевич. Ни с чем не сравнимую радость испытывает человек, когда видит результаты своего труда. Это значит, что и от тебя лично что-то в этом мире зависит. Ты своим желанием, своей волей можешь внести коррективы в окружающий мир. Но чтобы влияние каждого из нас на это было позитивным, прежде всего люди должны уметь быть небезразличными. Равнодушие и безразличие — большой грех.

Разговор Армена с его дядей состоялся в кабинете Сакена Нургалиевича. Когда дядя сказал Армену, что деньги на дорогу ему уже отправили

на имя и адрес Мгера и что встречать Армена родственники будут в Актау, он вдруг впервые за всё это время заплакал навзрыд. Наконец-то он может позволить себе расслабиться и выплакать всю ту боль, которая в нём накопилась и, как заноза, сидела в его сердце. Это были слёзы очищения. Как после дождя сияет солнце, так и после этих слёз в жизни Армена должна наступить светлая полоса.

Провожали его дядя Мгер и Сурен, заменившие здесь ему родственников и ставшие самыми близкими людьми. Несмотря на то что рейс был ночной, Сакен Нургалиевич вплоть до вылета самолёта звонил ему, чтобы убедиться, что всё у него нормально. Получивший от этих людей свои самые главные жизненные уроки — уроки бескорыстного добра, Армен будет возвращать уже другим людям эту любовь и доброту, потому что в этой жизни ничего не исчезает бесследно.

И кто знает, может быть, ещё когда-нибудь он вернётся в Армению, но уже окрепший и возмужавший, твёрдо стоящий на ногах, чтобы осуществить мечты своего деда и отца...

Зубная фея

Осознавать себя как личность Адильхан начал, когда ему было четыре года, когда научился отстаивать свои желания и принципы. Родители его принципы считали капризами, но Адильхан не тот человек, который легко сдаётся. Почему-то эти взрослые считают, что только они всё знают и могут навязывать всем свою волю. Но совсем не надо быть взрослым, чтобы найти у людей слабину и уметь ею воспользоваться. Вот, например, бабушка любила рассказывать всем о своей работе. Когда Адиль не мог уснуть, он громко, на весь дом кричал:

— Бабушка!

И она бежала к нему из другого конца квартиры.

— Что, золотой?

— Бабушка, как у тебя на работе дела?

— Ах ты хитруля мой, хочешь чтобы я возле тебя посидела? Так и скажи.

— Нет, бабулечка, мне правда интересно, расскажи...

Откуда этим взрослым понять, что у детей тоже могут быть свои переживания? Одним из таких переживаний для Адильхана стали его зубы. Не успев появиться, они стали почему-то чернеть и крошиться. Он чистил их по нескольку раз в день. А каких трудов стоило не есть конфеты и вообще сладкое. К тому времени, когда все молочные зубы вышли, половины уже не было. Вместо них торчали острые чёрные остатки. Те же зубы, которые всё-таки уцелели, в стоматологической поликлинике покрыли каким-то раствором серебра, и в итоге они тоже стали чёрными. Дедушка с бабушкой его успокаивали:

— Не переживай, Адилек. Это у тебя молочные зубки. В шесть-семь лет у тебя вместо них вырастут новые красивые зубы.

Кто-то из детей в садике сказал, что у него зубы как у акулы. Вроде бы акула хищная, сильная рыба, но вряд ли её зубы можно назвать красивыми. Адиль хоть и не девочка, но некрасивым ему почему-то не хотелось быть. В пять лет ему понравилась одна девчонка из их подъезда. Но как же был он удивлён, когда увидел, что у неё тоже такие же, как у него, чёрные

и кривые зубы. Однажды бабушки между собой говорили, что всё это “издержки хорошей жизни”. Что такое издержки — не совсем понятно, но одно малыши точно поняли, что бабушки в этом упрекают своих детей. Не надо было им поить их внуков готовыми импортными, дорогими детскими соками. А надо было так же, как они (бабушки) когда-то — натирать овощи и фрукты на тёрочке и выжимать через марлечку.

Жевать такими зубами было совсем неудобно. Хорошо ещё что няня Адильхана — тётя Света научила его есть печенье, макая в тёплое молоко или в чай с молоком. Няня была уже старенькая. Всё лицо у неё было в морщинах. Наверно, ей было уже много лет, и поэтому у неё было уже мало зубов. Про себя Адиль решил, что ей, наверно, сорок, а может, даже сорок пять лет. Размоченное печенье не надо даже кусать — положил на язык, прижал к нёбу — и потекла вкусная масса прямо в горло.

С каким нетерпением ждал он, когда начнут выпадать молочные зубы. У Айши, которая старше его на полтора года, уже несколько зубов выпали. Самое приятное во всём этом, что если положить ночью зуб под подушку, то Зубная фея меняет зуб на деньги. А как, оказывается, приятно тратить честно заработанные деньги. Пусть даже этих денег не так уж и много, всего на несколько мороженных хватает, но всё равно это хоть как-то компенсирует пережитые неудобства. Какая же эта Зубная фея добрая. Обычно за выпавший зуб фея давала 200 тенге. Адиль уже подсчитывал, сколько он сможет получить за свои оставшиеся молочные зубки.

Вот и исполнилось ему шесть лет, а потом и семь, и восемь. На местах, где не было молочных зубов, появились первые постоянные зубы. Лицо его стало очень даже симпатичным. Осталось только дожидаться, когда начнут выпадать оставшиеся молочные зубы. Но тут стали происходить совершенно непонятные вещи. Рядом с молочными зубами стали один за другим выходить постоянные зубы. Молочные зубы почему-то не хотели выпадать и всячески мешали новым, которые были вынуждены занимать любые свободные щёлки, становясь боком между остатками молочных зубов или даже сзади них.

Однажды за ужином папа глубокомысленно изрёк:

— “Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача”. Пора вмешаться в естественный процесс, завтра же идите к врачу.

Врач была в шоке:

— Вы что же, мои дорогие, так упустили время? Теперь тебе, Адильхан, придётся подряд семь зубов вырывать и два пломбировать. Будешь ко мне каждую неделю приходить. Ты готов к таким испытаниям?

— Да-да, готов. Вы сегодня будете вырывать?

— А что, ты так сильно хочешь, да?

— Да, хочу, только вы зуб мне отдайте, мне он нужен.

— Ну хорошо. Впервые такого смелого мальчика вижу.

Тут вмешалась мама:

— Это не от смелости. Тут меркантильные интересы. Ему же за каждый вырванный зуб Зубная фея 500 тенге даст.

— А разве не двести?

— Нет, 200 тенге фея даёт за выпавший зуб, за вырванный — 500, а за запломбированный зуб вообще, оказывается, 1000 тенге. Просто его

дедушка знаком со всеми международными феями и договорился, чтобы его внукам за вырванный и запломбированный зуб давали побольше денег.

— Ну тогда ты, Адильхан, вообще приличную сумму можешь собрать. И куда ты столько денег денешь?..

Получив от врача свой вырванный зуб в пакетике, довольный Адиль даже боли не почувствовал.

Перед сном, бережно положив зуб под подушку, он вдруг задумался о том, что фея же кладёт деньги в обмен за конкретный зуб. Это понятно. А как же фея узнает о том, что ему запломбируют зуб, ведь запломбированный зуб не сможешь под подушку положить. Вскочив с постели, он побежал в комнату родителей.

— Папа, мама, а что я буду класть под подушку когда мне будут пломбировать зуб? Как фея узнает, что его действительно запломбировали?

— Я, кажется, понял, что надо делать, — сказал папа, — тебе надо будет взять справку у врача. Вот её-то ты и положишь под подушку. Я думаю, справке фея поверит.

Вот это слово “поверит” заставило Адила задуматься. А вдруг не поверит? Уже засыпая, он стал думать, какой же должна быть справка, чтобы не вызывала никаких сомнений в достоверности факта пломбирования. Когда проснулся, он уже чётко знал, какие должны быть требования к этому важному для него документу...

Вот и настал тот день, когда врач сказал:

— Сегодня мы начнём пломбировать тебе зубки.

— Подождите, я должен сказать вам, что мне нужна от вас справка, в которой обязательно должно быть написано, что вы запломбировали зуб именно мне, то есть укажите, пожалуйста, мою фамилию и имя, потому что мальчиков по имени Адильхан много, и фея может перепутать. И ещё, на справке должна быть обязательно ваша подпись и печать.

Врач сначала почему-то переглянулась с медсестрой, заулыбалась, но тут же посерьёзнела и ответила:

— Да-да, конечно, Адильхан, я понимаю, фея должна видеть, что её не обманывают. Сделаю всё как ты просишь.

И обратилась к медсестре:

— Представляете, какой хороший из него руководитель вырастет, ведь он же уже сейчас умеет до мелочей всё продумать и организовать. Приготовьте, пожалуйста, бланк с моей личной печатью и заполните в соответствии с его требованиями...

Когда Адиль в следующий раз пришёл в поликлинику, он удивился, что его почему-то уже знал весь медицинский персонал. Все с ним здоровались и приветливо улыбались ему...

Анатолий ЕГОРОВ

Письма из Греции

(Продолжение. Начало в № 7 за 2011 год)

Письмо 3.

В молодости (Юрий Дмитриевич, ты помнишь!) я работал на юге Казахстана, в Кызыл-Орде, заместителем редактора областной газеты.

И как-то (чтобы не засиживаться в “руководящем кресле”), сам поехал перед Днём Победы в кызылординский военкомат — “найти героя”. Перерыл немало бумаг, и мой взгляд (ЕСТЬ БОГ НА СВЕТЕ!) остановился на наградном листе одного фронтовика: ЧЕТЫРЕ (!!!) медали “За отвагу”. И всё. Ни гвардии, ни орденов, ни партбилета, ни даже ефрейторских лычек... РЯДОВОЙ ВОЙНЫ. Я нашёл его потом, ещё внушительного исполнена за метр восемьдесят, с уже согнувшимися под грузом лет плечами. Фамилия выветрилась, а имя помню — Василий. Четыре боя за всю войну. Четыре ранения. Четыре госпиталя.

На себе, на своих шрамах он показывал мне “живую ИСТОРИЮ”. Вот кинжалом в Белой Церкви полосонули: дрались врукопашную, в пыли немца сзади не заметил. Тот сверху бил. Друг плечо подставил, скользнул кинжал. Только руку располосовал. А вот эти шрамы за Ягодную балку под Бекетовкой (на южной окраине Сталинграда). “Метров двести, — говорит, — и пробежали. Немцев из первой траншеи выбили. Шрапнель сверху ударила... Кровью истекал. Но снова друг вытащил из траншеи, дотащил до санитаров”.

ТАК ВОТ! История деда только начинается. Приведу в прямой речи, как сохранила память.

“Вытащили меня на берег Волги. Много нас, раненых, под обрывом лежит. Головой вертеть не могу, но голоса и стоны слышу. КАК НАС ЧЕРЕЗ ВОЛГУ ПЕРЕПРАВИТЬ?! Катером нельзя — уже лёг первый лёд. На санях — провалимся. Лёд ещё тонкий. И вот укутали меня в одеяло и положили в лодку-байдарку. (Русская смекалка! Это была довоенная лодочная станция для отдыхающих). А к лодке этой прикреплена большая верёвка с крюком на конце, а другой конец привязан к лошадке впереди. Мою правую руку медсестра положила на этот крюк и сказала: “Провалится лошадь под лёд, пока будет барахтаться и пойдёт ко дну — ты успеешь выдернуть крюк с верёвкой и отбросить его. Байдарка деревянная, на льду останется. Если что, мы тебя потом с реки вытащим. Ты не первый и не последний!..”.

И вот потянула меня эта лошадка через Волгу. На спуске я её рассмотрел: худая, кожа да кости! Аж шатается. Лежу и молюсь. И Матерью Божьей её благословляю: не провались, не угоди в полынью от немецкой бомбы!.. А она, умница, все преграды стороной обходит! Дотащила-таки меня до того берега. Вынули меня из байдарки, стали в сани укладывать, чтоб везти в госпиталь. И тут я увидел глаза этой ЛОШАДИ! Сколько живу — не забуду!

А когда меня уже увозили, я чуть приподнял голову и вижу с бугорка: лошадка снова потащила байдарку с верёвкой на ТОТ берег. С патронами ли? Сухарями? С бинтами?.. Ладно мы, люди. А какие страдания и за что приняла эта ЛОШАДЬ!..”.

С той встречи с дедом (а материал свой я, помнится, так и назвал тогда: “ДВЕСТИ МЕТРОВ ВОЙНЫ...”) прошла уже четверть века. Жив? Наверяд ли. А история эта врезалась в мою память навсегда.

Вот это и есть та самая ПРАВДА ВОЙНЫ...

Летали недавно с сыном в Алма-Ату повидать близких и поклониться родным могилам. Заглянули и в гости на бывшую машиноиспытательную станцию КазМИС (ставшую теперь Калкаманом) к потомку уссурийских казаков, старшему брату моей матери Тимофею Михайловичу Минакину (один он из старейшин нашего рода на сегодня и остался).

Встретил нас старый солдат историей невероятной, из “потустороннего мира”. Рассказывал, и нас самих дрожь пробивала...

Приведу и его рассказ в прямой речи, как сохранила память.

“Наша армия в августе 45-го наносила удар по японцам от Лесозаводска — через Уссури — на Мишань. Народ у нас в основном был “битый”, “втянутый в войну” и переброшенный с германского фронта “во всеоружии”. Дожди в приграничье размывали всё. Но мы быстро взломали оборону — и ушли вперёд. Артиллеристы тащат орудия на тягачах: “Да ЭТО НЕ ВОЙНА!”. Танкисты громят мимо: “Да ЭТО НЕ ВОЙНА! Вот под Кёнигсбергом было!...”.

А для нас, для пехоты, ВОЙНА! Всё размокло, раскисло, разлезлось. На второй неделе боёв пообрывались все. Одежда висит лохмотьями (хоть японскую в отбитых складах надевай!).

И шёл за мной на марше солдат. Я-то ростиком невелик — “мал золотник, да дорог!” — последний в строю. Солдат этот и говорит мне: “Не дойду я, умру. “Лягушатины” напился из болота. А таблетку сэкономил. Понос полощет уже который день”. (Питьевая вода за нами не поспевала. Поэтому нам давали какие-то американские таблетки. Раздвинешь зелёный мох в болоте, портянку постелишь, таблетку бросишь и как козлик “братец Иванушка” из той сказки эту жижу сосёшь!...).

Приободряю, как могу. Но вижу — зачах солдат. Я уже и винтовку его себе на плечо взял. А он всё отстаёт и отстаёт. И вдруг тихонько-тихонько потянул вправо к обочине, упал и... затих. Бросился санитар с сумкой и порошками. Поздно. Умер СОЛДАТ! (Вроде как был приказ Сталина тела на маньчжурской стороне не оставлять, по возможности вывозить на нашу территорию и хоронить в родной земле). Но ушли мы уже от границы сотни на полторы километров, и похоронить солдата командиры приказали прямо здесь, у дороги. Мы с ребятами ему могилку и выкопали. Определили его “в Наркомзём”, земличкой присыпали, стрельнули прощальным залпом из нескольких винтовок — и ушли...

Добили Квантунскую армию, вернулись, кто куда мог. Работал я в Приморье, в Сибири, а перед пенсией переехал к родне в Казахстан. И лет 60 уже не вспоминал о том солдате (я ведь даже имени его не помню — он был из соседнего взвода).

И вот недавно ночью он мне приснился. КАК ЖИВОЙ. Стоит у того же самого поворота маньчжурской дороги, на том же месте, где мы его и похоронили. И говорит мне с обидой (слово в слово!): “Вот вы живёте, а я тут под дождями в мокрой яме лежу! И все обо мне забыли!...”. И так всё это явно, протяни руку — и дотронешься!

Не мистический я человек, а проснулся в холодном поту. Жена, увидев меня, от страха заохолодела. Еле дождался утра. С рассветом поехал в церковь в Алма-Ату свечку за упокой души его поставить. Купил на полпенсии конфет и детям в посёлке раздал: помяните!

А ночью снова его вижу. Опять явно, как живого. Опять на том же месте: счастливый, улыбается, молчит. И ВСЁ. Как отрезало. Никогда его с тех пор уже во снах не видел.

Вот как вы мне всё это объясните?! Кто б рассказал — не поверил. Столько лет прошло. И вдруг — как ЖИВОЙ! Значит и вправду что-то есть в “ТОМ” мире!” — заключил свой рассказ наш дед-фронтовик и задумался...

... А на седьмой день Бог создал Internet и “GOOGLE”! И я уже “заразился”. Сын “братец Иванушка” смотрит “девок, FERRARI и HARLEY DAVIDSON”. А я свои исторические материалы и языковые блоки английского (кстати, самый лучший у BBC). Иногда “залезу в спутник”, зависну над местами детства. Всё как на ладони. Ах как ШАГНУЛО вперёд человечество! Один клик “мышкой” — и вот тебе река Уссури, наша станция, деревня Буссе и материнский дом...

Наши предки были казаками. Стояли на охране царских границ. Линия была условной, плавали на лодках “оттуда и отсюда”. Под честное слово брали товары. И не обманывали НИКОГДА. На китайской стороне были два магазина: один “Мишки”, другой “Петьки”. Каких-то Минь-Пень-Цы. Старшую сестру матери мой дед посылал на ту сторону замёрзшей Уссури с саночками и запиской... Потом пришла “новая власть”, поставили вышку с пулемётом и населению объявили: будем стрелять. Местный народ рассмеялся: да это всё враньё! Всю жизнь плавали и плавать будем. И наутро поплыли на лодке за китайской рисовой водкой. А на обратном пути красноармеец с вышки ударил по ним прицельно. Пуля пробила местному парню обе ноги. Два дня бедолага мучился и орал. Потом тихо истёк кровью... И народ понял: новая власть пули не пожалеет...

Потом наступил и 37-й год. И мой дед попросил соседа: “Сосед, привяжи свою собачку. Она забегает в наш двор и пугает детишек. Те писаются потом от страха”. А картавый сосед был с гонором: “Миска (в смысле Мишка), я тебя посажу”. И посадил, мерзавец, моего деда — казака с тремя Георгиевскими крестами “За храбрость”! (От греха подальше те кресты потом в землю закопали...). Написал-накатал: враг народа, против Сталина и большевизма, царю служил. И посадили. И сгинул. (А того подлеца картавого тоже потом взяли. Нашёлся тот, кто накатал письмецо и на него...).

Писали потом (в Хабаровск и Владивосток) наша мать с её старшим братом, просили сказать — где хоть могилка. Съездить поклониться. Извинились перед ними: ваш отец арестован незаконно, по ложному доносу, невиновен и государством реабилитирован. И всё. Вот так. А когда деда забирали, шестилетний мамин братишка бросился к нему: папочка! Красноармеец прикладом по голове ударил. И отлетел мальчонка к печке. За чаем и умер. Где-то там и схоронили, в 100 метрах от границы. Вот такая СУДЬБА БЫЛА У ВСЕЙ СТРАНЫ...

Я даже нашёл на карте “GOOGLE” тот остров на реке, где оказался впервые на рыбалке со СТАРШИМИ ребятами. Моей гордости не было

предела: первый раз меня взяли с собой! У ночного костра мальчишки пели частушки (конечно же, те, что пели после третьей рюмки их отцы!):

“Эх, яблочко. Да куда кОтишься. За Байкал попадёшь — Хрен воротишься!..”.

“Эх, яблочко. Да на тарелочке. Застрелился капитан из-за девочки!..”.

А я — десятилетняя дурёха! — сидел, сжав до боли коленки, и мне было так жалко капитана, который застрелился. А к утру я поймал КОСАТКУ. Плавниками она изрезала мне все руки. Но я был счастлив.

Да, где оно — наше детство...

Анатолий.

Греческая Македония.

Письмо 4.

Дорогой Юрий Дмитриевич! Я понимаю, что сегодня только больной человек может (с карандашом в руках!) читать “какую-то там” СЕДЬМУЮ КНИГУ “какого-то там” ГЕРОДОТА. Но я не стыжусь признаться, что я и есть тот самый “больной”. Я болен Историей Древней Греции!..

И единственный достоверный первоисточник о подвиге 300 спартанцев, на котором основываются позднейшие упоминания, — и есть эта самая VII книга Геродота. Кстати, книга эта величественно названа им “Полигимния” (в греческой мифологии — муза торжественных гимнов (!)).

Независимо от Геродота о сражении при Фермопилах поведал более поздний автор Ктесий из Книды (по персидским источникам). Вполне вероятно, что труд Ктесия (дошедший в виде фрагментов) использовал Диодор в своём описании подвига 300 спартанцев. (Остальные античные источники передают уже сложившуюся легенду с дополнением вымышленных деталей).

Лет сорок назад американцы запустили в космос спутник “Пионер”, который уже благополучно вышел за пределы Солнечной системы. И американские компьютеры СОВЕРШЕННО ТОЧНО просчитали, что за все эти годы он отклонился от заданной траектории на 400000 км (!!!).

С Древним миром сложнее. У греков был ЛУННЫЙ календарь. И сегодня он допускает ошибку в 10 дней. Но что касается Фермопил, то у Геродота я НАШЁЛ (!) ссылку на то, что Фермопильское сражение состоялось в дни 75-х Олимпийских игр, а они приходились примерно на 14-19 сентября 480 года до н. э. Я взял “усреднённую” цифру 15 сентября.

Этот материал, естественно, — моё историческое видение. Специально написал его (а что делать!!!) в “облегчённо-описательно-завлекательной форме”, чтоб заинтересовать МОЛОДЁЖЬ и приобщить её к историческим знаниям. (И сподвигнуть её не на поездку в Анталию, Тунис или Марокко, а на туристическое путешествие в Грецию!).

“... На 198-м километре национального шоссе Афины — Салоники, в ущелье с безобидным названием “Тёплые ворота” (по-гречески Фермопилес) лежит камень. На нём слова, выбитые 25 веков назад: “О ксен ангелин лакедемониис оти тидэ кимеса тис кинов римаси писомени” — “О, странник, весть принеси лакедемонцам (т. е. жителям Спарты); верные их слову, здесь мы мёртвые лежим...”.

За две с половиной тысячи лет река Асоп и её помощница речушка Меланас намыли с гор камней, песка и ила, линия берега ушла на километр, и теперь (в мареве автобана и вилл) уже мало что напоминает тот день 15 сентября 480 года до нашей эры...”.

Древние Фермопилы (проход между горами Эты и морем из Фессалии в срединную Грецию) тянулись на 9 километров и в ширину были в самом узком месте 12 (!) метров. Как свидетельствует названный Цицероном “отцом истории” Геродот — пространство было настолько узко, что “только одна повозка могла проехать в одну сторону”. (В этом месте в давние времена ещё фокийцы построили защитную стену от набегов фессалийской конницы).

Ксеркс привёл с собой половину Востока. Через пролив Гелеспонт (нынешние Дарданеллы) были переброшены два понтонных моста длиной по семь стадий (около 1300 метров). По преданиям, армада Ксеркса переправлялась по ним непрерывным потоком шесть дней и шесть ночей. (Геродот исчисляет войско персов и зависимых народов в фантастические миллион семьсот тысяч).

Современные историки на основании логистики оценивают численность персов в пределах 200 тысяч.

Греки собрали ассамблею в Коринфе. Что делать? Если встретить персов на равнинах Фессалии, то они раздавят греков, как слон муравья, и пойдут дальше. Кто-то предложил оборонять только полуостров Пелопоннес по узкому перешейку, построив защитную стену “от моря до моря”. Однако в таком случае многие греческие города на материке оказались бы беззащитны. “Демократически” спорили полдня, но, как свободные граждане, приняли общее решение — держаться вместе. Оборонять путь в Среднюю Грецию в узком проходе у Фермопил. Стержнем “сухопутной войны” стала Спарта, войны с персами на море — Афины. Греческий флот стал заслоном персидской флотилии у мыса Артемисии недалеко от Фермопил (чтобы персы не могли прорваться через пролив и оказаться в тылу у греков).

Незадолго до этого в Спарту привезли ответ дельфийского оракула. Смысл его был однозначен и прям. Или Спарта падёт (вместе с Афинами и всей Грецией). Или останется свободной, но за это должна будет заплатить жизнью одного из своих царей. Леонид, не колеблясь, принял второе...

В Спарте правили всегда ДВА царя. Одновременно и вместе. Они руководили армией на войне. Но приказ всему войску мог дать лишь Совет старейшин (поэтому Леонид и пошёл к Фермопилам только с личной охраной — 300 воинов (которые подчинялись лично царю и на которых не распространялось решение Совета старейшин) — в ожидании подхода основных сил после окончания 9-дневных празднований в честь Аполлона Карнейского, совпавших к тому же с 75-ми Олимпийскими играми). Уходя (и предчувствуя свою судьбу), Леонид в последний раз обнял жену и дал напутствие своему юному сыну Плистарху. “Мой царь, — сказала лакедемонская красавица Горго. — Это были не все слова прорицания. Ты станешь самым великим царём Спарты. И о нашей любви будут петь в веках!..”.

Леонид приказал выяснить, у кого из его охраны нет сыновей. И заменить этих воинов без возражений. “Я не хочу, чтобы прервался хоть один спартанский род!” — был его ответ. И спартанцы начали свой 500-километровый марш...

Кстати вспомнить, ЧТО сказал афинский стратег Фемистокл царю Леониду в Лакридонском заливе у Фермопил. Удивительнейшие слова! Как будто сказал сегодня!..

Фемистокл: “Я послал гонцов оповестить всех греков, что армия Спарты выступила на север”.

Леонид: “Но это же неправда. Со мной лишь моя личная охрана. Остальная армия подойдёт позже”.

Фемистокл: “А правда, мой друг, это слишком терпкое вино и его надо разбавлять, чтобы оно не сильно ударяло в голову. Ни один грек не двинется с места, пока не узнает, что вы начали марш в своих красных плащах под звуки флейт!..”.

“Ложь во спасение” помогла единению греков. К Фермопилам стали стекаться “ручейки помощи” городов-государств Пелопоннеса и “срединой” Греции (север её уже был захвачен персами). Войско греков состояло из профессиональных тяжеловооружённых воинов-гоплитов, посланных как передовые отряды, пока города собирали ополчение.

Спартанцы перед боем восстановили старую защитную стену фокийцев (невысокую баррикаду, выложенную из тяжёлых камней), встали перед ней в боевом порядке и заперли проход. Другой дороги выйти к Афинам и Пелопоннесу у персов просто не было. На равнине персы поглотили бы греков, как океан соломинку. Но в узком проходе греческая фаланга была неуязвима с флангов. У греческих воинов-гоплитов были более тяжёлое вооружение и доспехи, длинные копья, круглые окованные медью щиты. Боевой опыт. И главное — ДУХ.

Ксерк не учёл опасности Фермопил. (Почти годовалый 40-летний Леонид, Ксеркс был вял, недалёк, бесхарактерен, легко подчинялся чужому влиянию, но отличался самоуверенностью и тщеславием). Приблизившись со своей армадой, он лично послал гонца посмотреть, кто посмел закрыть ЕМУ путь к сердцу Греции. Гонец проскакал до самого прохода. И вернулся назад — никто ему не мешал этого сделать, никто его не преследовал. И привёз гонец “Царю Царей” впечатления странные: сидят на скалах немногочисленные воины, точат о камни свои мечи, причёсывают волосы и украшают головы...

— Это спартанцы, — пояснили царю. — Они готовятся к смерти. И они будут сражаться до конца.

— Да они ненормальные! — вскричал Ксеркс. — Как можно остановить мою непобедимую армию?! Поймайте их и приведите ко мне! Я посажу их в клетки и стану показывать всей Азии!..

Ксеркс послал Леониду приказ: сдай оружие. Спартанский царь ответил знаменитым на всю Грецию “молон лавэ” (приди и возьми!). Наутро Ксеркс атаковал. Началось сражение, которое и вошло в мировую историю как Фермопильское.

Историки свидетельствуют, что Ксеркс намеренно отправил в первой волне атакующих близких родственников воинов, погибших за 10 лет до того в битве с греками при Маратоне.

Греки встретили персов (которых эллины называли мидянами) в теснине лицом к лицу. Применяв тактику “притворного отступления”, они (организованно и стремительно) разворачивались и контратаковали расстроенные отряды персов. Легко вооружённые и не имеющие строевой подготовки эллинов, воины персидского царя не могли прорвать плотную фалангу греков, укрывшуюся за сплошной стеной больших щитов. Уже перед сумерками в бой пошла личная гвардия “Царя Царей” — “бессмертные”. Но и они отступили после короткой схватки... Ксеркс положил тысячи воинов. И не продвинулся ни на метр. (Как рассказывают, в тот день царь в страхе за своё войско трижды вскакивал со своего трона)...

Исторически достоверно воспроизведена в фильме “300 спартанцев” беседа Леонида с персидским наместником.

Вот, уже в сумерках, к Леониду стремительно подходит начальник его охраны:

— Мой царь, персидский сатрап Гидарн хочет говорить с тобой.

— Гидарн, говоришь?

— Прикажешь его проводить сюда?

— Нет, он может увидеть наши укрепления. Я выйду сам. Поддай мне новый плащ.

— Кого тебе дать в сопровождение?

И Леонид произносит слова, которые эхом облетели всю Элладу: “Спартанский царь не нуждается в сопровождающих, чтобы говорить с персом!”.

Вот они сблизились. Гидарн отделился от группы охранников.

— Приветствую тебя, Леонид!

— Привет и тебе, Гидарн!

— Великий Царь Царей выражает восхищение вашей доблестью.

— Спасибо. Передай, что сегодня мы заслужим ещё большее восхищение.

Гидарн: “Вчера мы лишь разведали вашу оборону. Но сегодня начнётся атака, и наши копья и стрелы закроют вас от солнца!”.

Леонид: “Значит, мы будем сражаться в тени”.

Гидарн: “Упрямец! На что вы надеетесь?! Сражение вы всё равно проиграете!”.

Леонид: “Возможно. Но, быть может, к этому времени вы уже проиграете войну”.

Гидарн: Если вы сложите оружие, Великий Царь дарует вам жизнь! Что же мне передать моему Царю?”

Леонид: “Передай моему царю — ему я жизни не обещаю!”...

Казнив бежавших с поля боя, Ксеркс снова атаковал. И снова безрезультатно. Волны атакующих словно разбивались о невидимую скалу. Уже отчаявшись, Ксеркс было хотел отступить. И тут к нему подвели предателя... О, золото мира! Грек предал греков и провёл тысячи персов дикой горной тропинкой в обход Фермопил...

Обойдённые по козьей тропе сзади, спартанцы бились уже в кольце... Рассчитывая лишь на славную смерть, спартанцы и феспийцы вместе приняли свой последний бой. (Чудеса храбрости показали все воины и особо Дифирамб, в чью честь поколения греков потом пели песни). Здесь пал и Леонид. Окружённым и израненным воинам передали волю Ксеркса: отдайте тело Леонида и уходите. Ответ их был поистине спартанским: “Мы останемся с нашим царём!...”.

— Я не хочу больше терять ни одного воина! — вскричал Ксеркс. — Лучники! Прикончить их стрелами!..

Спартанцы недёшево отдали свои жизни: персы потеряли под Фермопилами 20 тысяч убитыми. Как свидетельствует Геродот, пали два сына Дария и два брата самого Ксеркса. В ярости Ксеркс приказал найти мёртвого Леонида и отрубить ему голову. Посадить на кол — пусть видят враги Персии. Леонида похоронили без головы. Потом, уже после битвы под Платеями (когда наголову разгромленные персы бежали с поля боя), голову Леонида передали спартанцам, и они захоронили её рядом с телом.

О подвиге спартанцев (спасибо Голливуду, и это совершенно искренне!) вспомнили в 1962 году, когда по миру начал своё победное шествие одноимённый фильм. Воодушевлённые греки-патриоты из Америки прислали даже (в те, ещё голодные для Греции послевоенные годы) вспомощение, на которое в Фермопилах кое-что восстановили.

Сейчас это — место массового паломничества туристов всего мира. Оно находится под охраной греческого государства и заботливым вниманием греческих учёных.

В героической теме этой, как всегда в Истории, нелегко отделить “зёрна от плевел”. (В последней версии фильма “300 спартанцев” (года 2007 — с компьютерными эффектами и “стоимиллионным” бюджетом), “Царь Царей” Ксеркс уже ГОМОСЕКСУАЛИСТ (а то ли ещё будет!!!).

Реальность и мифы сегодня переплетены в один узел, в один неразрывный клубок.

Первый миф. Что в Фермопильском проходе было всего 300 спартанцев. Это не так. Кроме Спарты ещё десять греческих городов-государств послали свои отряды помощи. Тяжеловооружённых воинов-гоплитов здесь сражалось ШЕСТЬ ТЫСЯЧ. Плюс тысячи легковооружённых и вспомогательных единиц. (Общие греческие потери к персидским составили ОДИН воин к ПЯТИ. В сравнении гоплиты греческой фаланги — персы: ОДИН к ДЕСЯТИ!).

Когда поступил сигнал, что персы уже обходят ущелье и нависает угроза окружения, Леонид приказал уйти из Фермопил ВСЕМ. Не послушались его только феспийцы. “Мы останемся умереть вместе с вами”, — был их ответ. Их было 700. “Ты плохой воин, но хороший ГРЕК! — сказал их полководцу Демофилу Леонид. — Становись за нашей спиной у выхода из ущелья и держись сколько сможешь...”.

Сегодня на могиле феспийцев восседает бронзовый воин-орёл со слоанным крылом...

Каждого из 300 тяжеловооружённых спартанцев-гоплитов из личной охраны царя сопровождали — по Геродоту — семь оруженосцев и вспомогательных легковооружённых воинов из покорённых Лаконии и Мессинии. Этих “государственных рабов” называли илотами. Спартанцы всегда использовали их в бою, но никогда не делились с ними славой. (Они были лучниками, метателями лёгких копий и камней из пращи. И все они — до одного — испили чашу смерти и вместе со спартанцами полегли в том последнем бою. Запишем в анналы истории и ИХ подвиг...).

Второй миф. Что персы быстро прошли Фермопилы. Это не так. Греки задержали армаду Ксеркса в ущелье на 8 дней и успели увести (по приказу Леонида) несколько тысяч воинов других городов-государств, которые и стали (вместе со всей спартанской армией, тегейцами и афинянами) стержнем будущей победы греков под Платеями.

Третий миф. Что все спартанцы погибли в том последнем бою (поскольку по неписаному закону раненые спартанцы принимали участие остальных и в случае поражения погибали вместе со всеми).

И это не так. Двое остались в живых. Ксеркс даровал им жизнь. Один вскоре скончался от ран. А другой, Аристомед, стыдясь вернуться в Спарту (потому, что остался жив!), через год под Платеями устремился в бой в первой фаланге. Он бился, как иступлённый, выйдя из рядов, и совершил великие подвиги, ища (как полагали спартанцы) смерти из-за своей

вины. И пал на поле брани. И ЛИШЬ ТОГДА в Спарте выбили на мраморной плите имена всех 300.

Миф четвёртый. О греческом единстве. И это не так. Северная Греция покорила Ксерксу и (вынужденно) помогала ему. Фокийцы без боя отступили с вершины горы, пропустили персов по тропе и позволили им к утру обойти Фермопилы с тыла. А могли бы атаковать (их было до тысячи). Погибнуть, но задержать...

Кроме спартанцев, вместе с добровольцами феспийцами (после отхода всех греков из Фермопил) остались и фиванцы. Последние не по своей воле. “Царь Леонид, — прямо пишет в своей “Истории” Геродот, — задержал их силой в качестве “заложников”. Колеблющихся и могущих предать”. (Фиванцы участия в последнем бою не принимали, и Ксеркс их потом “помиловал”). Через несколько веков на защиту своих земляков-фиванцев встал сам великий Плутарх. Он даже написал специальный трактат, где защищает фиванцев. Плутарх грозно назвал свой труд: “Относительно злонамеренности Геродота”. Ни много ни мало!.. Вот вам и древний мир!.. (Справедливости ради стоит сказать, что Геродот писал свой исторический труд (и знаменитую 7-ю книгу о сражении в Фермопилах) в пору вражды Фив с Афинами, поэтому и не упустил случая выставить фиванцев трусливыми...).

Миф пятый. О предателе. Укоренилась легенда о “диком пастухе, что пас коз в окрестных горах и единственный из греков прельстился персидским золотом”. И это не так. В “Истории” Геродота приведены имена ещё двух других — Онитиса и Коридаллоса, которые вместе с Эфиальтом провели отряд персов горной тропой через Фермопилы. И как ни прятался потом Эфиальт, бежавший из Фессалии, рука судьбы настигла его. Геродот называет имя человека, кто отомстил и убил главного предателя — Афинадис из Трахины. Спарта чествовала его как героя.

Миф шестой. О божественном величии “Царя Царей”. На самом деле Ксеркс (чьё имя с древнеперсидского переводится как “Царь героев” (!!!)) трусливо бросил своё войско и бежал из Греции на корабле. (В последней битве персов под Платеями их ждал полный разгром, здесь пал их полководец Мардоний, смерть которого Геродот прямо назвал “мстью за Леонида”). И когда тяжелогружённый корабль Ксеркса стал крениться, грозясь потонуть, он воскликнул своим подданным, указывая усыпанной драгоценными камнями и перстнями рукой на море: “Кто любит своего Царя — докажите это!”. И десятки его подданных (время было такое!) прыгнули за борт в бушующие волны...

Я ИМЕЛ ЧЕСТЬ ПОБЫВАТЬ В ФЕРМОПИЛАХ, ПОКЛОНИТЬСЯ ПРАХУ и ПАМЯТИ ГРЕКОВ и ПОСТОЯТЬ В ФИЛОСОФСКОМ РАЗДУМЬИ НА ПОЛЕ ИХ ПОСЛЕДНЕЙ БИТВЫ с ПЕРСАМИ ПОД ПЛАТЕЯМИ!..

P.S.: Мысль (может, и не к месту): если бы немцы взяли Сталинград, Красная Армия не была бы разгромлена и могла ещё отступать хоть до самого Тихого океана. Но война была бы проиграна. Всё решили СИЛА ДУХА и ЖЕРТВЕННОСТЬ победить врага “чего бы это ни стоило...”. Как всё решили сила духа и сами жизни спартанцев, положенные у Фермопил на алтарь ГРЕЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ...

Анатолий.
Греческая Македония.

Продолжение в следующем номере.

“И сердцем любящим...”

Обращаюсь к журналу “Нива” впервые, хотя дружна с ним около двух десятилетий. Прочитываю каждый номер, как говорится, “от корочки до корочки”. И, поверьте — нравится всё.

Люблю документальную прозу. С огромным удовольствием прочитывается “Хроника смутного времени” Юрия Поминова (заново пережиты и прочувствованы трудные времена, которые, к счастью, остались позади). С неменьшим интересом прочитала повесть о легендарном Бауке — “По уставу быть самим собой” В. Владимирова. Из публицистики особо выделяю М. Гольдберга, его прекрасные воспоминания о современниках, дополненные фотографическими снимками, благодаря которым предельно раскрывается содержание статей.

О прекрасных и незабываемых студенческих годах ярко напомнил “Тверской бульвар, 25” Светланы Викарий. Нравятся и произведения Герольда Бельгера, его оригинальная манера повествования на двух языках.

И, конечно же, в первую очередь прочитывается всё, что имеет отношение к поэзии. Читаю, восторгаюсь, сравниваю...

Уважаемый Владимир Романович, я хорошо помню Ваше шутовское пожелание — “Не стремитесь, женщины, в поэзию...”. Но всё же (простите меня за чрезмерную смелость) обращаюсь к Вам именно со своими стихами. Эту небольшую подборку я назвала “И сердцем любящим...”, ведь здесь любовь и к Богу, и к своей стране, и к творчеству великого поэта, и лирические струны души.

О себе: родилась в России; училась в Киргизии, закончила Киргизский государственный университет; живу в Казахстане, в г. Степногорске; работаю в ведомственной библиотеке Степногорской центральной городской больницы.

Участвовала в областных и городских поэтических конкурсах, печаталась в городской периодике.

Стихотворение “Мой Казахстан” переведено на казахский язык Полатбеком Жанбаевым, поэтом, журналистом, редактором газеты “Степногорск акшамы”.

**С уважением и признательностью к Вам,
Надежда КУЗЬМЕНКО.**

Голгофа

Был страшный судный день. И с высоты балкона
Глядел Пилат угрюмо пред собой...
Толпа безумцев из синедриона
Кричала, требуя расправы над Тобой.

Пред той толпой, звериной злобы полной,
Где голоса сливались в волчий вой,
Стоял Ты — Царь царей, безропотный, безмолвный,
Лишь горестно поникнув головой.

Ты шёл на смертный холм истерзанный, избитый...
О, как тяжёл был Твой голгофский крест!
А на челе — венец, из терний свитый,
И пелена кровавая — окрест.

Но вот взметнулся Ты над яростной толпою,
Распятый на кресте, с мольбою на устах
За тех, кто так глумился над Тобою —
За них просил Отца на небесах.

Ты просто знал Своё предназначенье:
Лишь до конца пройдя по крестному пути,
Ценой нечеловеческих мучений,
И, умерев, мир от греха спасти.

Иисус! Ты был, придя на землю эту,
Непризнанным, отвергнутым людьми.
А стал для нас свидетельством Завета
Великой, всепрощающей любви.

Вифлеемская звезда

“... ибо мы видели звезду Его на востоке...”

Матфея 2:2

Спустилась ночь над Вифлеемом древним,
И мрак греховный землю поглотил...
Но у людей, охваченных безверьем,
Тьму превозмочь уже не стало сил.

А Бог-Отец, великий, милосердный,
Явил Свою любовь — в который раз!
И над Землёй, страдалицею бедной,
Звезда надежды и спасения зажглась.

Зажглась Звезда! И людям возвестилась
Такая долгожданная Благая весть:
“Пришёл Спаситель наш, пришёл Мессия,
Чтобы Земле всей Божий мир принести!”

В Рождественскую ночь взгляни на небо зимнее —
Увидишь там, над нами, в вышине
Горит звезда — Звезда Неугасимая —
И освещает путь тебе и мне.

Мой Казахстан

Мой Казахстан! Ты край степей безбрежных,
Разливов рек и синевы озёр.
Здесь и лесов твоих зелёных безмятежность,
И плавная гряда далёких гор.

Мой благодатный край! Красой природы пышной,
Богатством недр, величьем городов —
Тебя сполна благословил Всевышний,
Свободу даровал, разрушив гнёт оков.

И вдаль раскинулась, привольно и широко,
Огромная, великая страна!
Явилась сказочной жемчужиной Востока
Ты, наша гордая столица Астана.

Страна, взрастившая людей свободных,
По праву ими так гордишься ты:
Их цели — высоки и благородны,
А помыслы — прекрасны и чисты.

Наш Казахстан! Мы все — твои частицы,
Ты стал для нас счастливою судьбой.
Пусть наши песни о тебе, как птицы,
Взлетают ввысь и реют над тобой.

Сергею Есенину

Вечер — тихий, задумчивый, синий,
Озарил, окинул землю взглядом.
Бродит осень с грустью журавлиной,
Вечность и мгновенье ставя рядом.

Снова бредит нежностью весенней
Жёлтый клён, до боли одинокий...
И в который раз, Сергей Есенин,
Мы читаем трепетные строки:

О равнине, неоглядной, русской,
Над которой взвился месяц тонкий,
И звучит напев — девичий, грустный,
И звенит игра — тальянки звонкой...

Пусть теперь совсем иное время —
Мы живём заботами иными,
Только часто повторяем твоё имя
И стихи твои читаем мы любимым.

Ироническое

Событие одно немало впечатлило —
Довольно странная беседа, так сказать...
Изобличая в неумении писать,
Одна особа наставляла меня мило:

“Размер хромает, рифма слабовата,
Стихи не те... Короче, Вы — не та!
Какая же мне с Вами маета,
Мы и без Вас поэтами богаты!”

Всерьёз охвачена негодованья пылом:
“Не можем мы печатать всех подряд!
Зачем же лезете Вы в наш калашный ряд?
Ведь Вы, пардон, совсем не вышли рылом!”

А, поостыв, промолвила: “Вы нас читайте
И восторгайтесь творчеством других.
Уж если так хотите — через них
Стихосложения науку познавайте”.

Не спорю — одарённых здесь немало —
Людей прекрасных, звучных их стихов.
Чтоб восхвалить их, мне не хватит слов,
Скажу лишь: жизнь от них светлее стала.

Учиться мастерству и познавать науку —
Есть мудрость величайшая с древнейших пор.
Но слушать сей амбициозный вздор,
Поверьте мне — такая, право, скука...

Подражание Сапфо

Я шла к тебе
Сквозь тысячи миров,
Сквозь даль веков
И даль тысячелетий,
Сквозь бесконечный сонм
И грёз моих, и снов...
Я шла к тебе
Сквозь тысячи миров.

Высокое сбылось
Предначертанье —
И в краткий миг
Преобразился мир.
В минуту
Долгожданного свиданья
Высокое сбылось
Предначертанье.

Взошла любовь —
И в облике прекрасном
Явился ты,
Как демон красоты.
Взошла моя любовь
Вот в этом взоре ясном,
В тебе
И в облике твоём
Прекрасном...

Зимний сон

Мне приснился однажды, случайно
Удивительный, сказочный сон —
Словно встретились мы нечаянно,
И в меня ты немного влюблён.

Снился город, холодные звёзды,
Ночь безмолвна, прозрачна, светла...
А деревья мечтали о вёснах
Сквозь снега, что метель намела.

Зимний парк, и пустынный, и снежный,
Заманил нас с тобой в свою глубь...
А ещё мне приснились и нежность,
И тепло твоих ласковых губ.

Может, снежные вьюги-метели
Те тропинки давно замели,
По которым с тобой, в самом деле,
Иль во сне мы когда-то прошли...

Но приходит рассвет в дымке синей,
Ты опять бесконечно далёк.
Между нами лишь снег да иней —
Ни весны, ни надежд, ни дорог.

Пусть деревья мечтают о вёснах...
Я хочу, чтоб приснились мне вдруг
Зимний город, холодные звёзды
И тепло твоих ласковых рук.

Если хочешь — разлюблю
И уйду, и позабуду,
Цепь печалей разрублю
И грустить совсем не буду.

Ну а встречусь где с тобой,
То пройду спокойно мимо,
Словно не был ты судьбой,
Словно не был ты любимым.

А пройду — не оглянусь,
Не взгляну я вслед с тоскою.
Даже в мыслях не вернусь
К дням, где были мы с тобою.

Были вместе — ты и я...
“Ты и я” — простая песня,
И древнее бытия,
И мгновений всех чудесней.

В этой песне — жизнь моя,
Сто надежд и ожиданий,
В ней мы вместе — ты и я —
В ней предел моих желаний.

Ну а хочешь — разлюблю,
И уйду, и позабуду,
Эту песню погублю
И жалеть о ней не буду.

Меланхолическое

Видно, так суждено,
Так намечено было судьбою,
Мне остаться одной
С глазу на глаз с моею тоской...
И куда мне уйти,
Что бы сделать такое с собою,
Чтобы мне не кричать
И не плакать от боли такой?
Как случиться могло,
Что в душе лишь седое унынье?
Испарилась и радость,
Как в пустыне от зноя — вода...
Лишь раздумья одни
С горьким привкусом пыльной пыли,
А от светлой мечты
Не осталось давно и следа.
Я тебя разлюблю
И уйду навсегда без оглядки,
Очень скоро забуду
Далёкую нежность твою.
И забвенью предам
Эти годы и дни без остатка,
Чтобы сделать попытку
Вновь, как прежде, войти в колею.
Значит, всё у нас было
Моею большою ошибкой...
Неизбежна разлука —
Пусть она наступает скорей!
Ни о чем не жалеть.
И не делать жизнь пыткой.
Просто помнить, что всюду
Очень много открытых дверей.

Ал АЛУСТОН

Тоска

Арман не знал, где он находится. Может быть, это другая планета, может быть, какая-то местность на своей родной, а может быть — какой-то ад. Он многое забыл, лишь иногда с трудом вспоминал своё имя. Ещё он помнил, что погиб в бою в рядах армии Императора.

Пронзительно-голубое небо исполинской плитой давило на грудь, прибитое к бугристой поверхности пустыни раскалённым гвоздём солнца. Скелет Армана давно уже оказался на поверхности. Грязно-коричневые кости раскинулись на склоне бархана, а пустые глазницы черепа непрерывно следили за горизонтом. Насколько он помнил, он был один здесь, в этой пустыне, под этим небом, под этим солнцем.

Может быть, солнце когда-нибудь заходило и всходило, а воздух переставал быть тяжёлым и неподвижным, переходя в ветер. Насколько Арман помнил, этого не было никогда.

Под соседним барханом лежал Мишель. Его никогда не выносило на поверхность, и он лежал в полной темноте. Он думал, что он здесь один и что лежать ему придётся долго — может быть вечность. Мишель с момента своей смерти вёл отсчёт времени. С каждой прошедшей воображаемой секундой он помещал одну песчинку в воображаемую гору песка. Когда вечность пройдёт, он найдёт способ пересчитать эти песчинки.

Интересно, зачем ему это?

Арман заметил над горизонтом маленькую чёрную точку. Такого на его памяти не случалось ещё никогда. Он разволновался, мысли наскakивали одна на другую, мешая сосредоточиться. Воображение металось от догадки к догадке, иногда останавливаясь в недоумении. “Может ли это вообще произойти? Что это такое? Откуда оно? Что мне делать?”. Арман совсем потерял покой.

И только его скелет, раскинувшись под солнцем, оставался бесчувствен и недвижим.

Догадка пришла внезапно. Птица! Вот что это такое. Арман попытался представить себе, какой она может быть.

Орёл. Гордый, безжалостный и далёкий. Могучие крылья с седыми перьями, мощный, с желтизной, изогнутый клюв, пронзительно-зоркие глаза и стёртые, изломанные натруженные когти. В крови жертвы.

Конечно же, это орёл. Несомненно.

Или ворона. Глуловато-нахальная ворона. Болтается в небе и издаёт своё дурацкое карканье. Вороватый взгляд, клюв, испачканный

какой-нибудь гадостью с помойки, облезлые перья, потрескавшиеся лапы.

Господи, как бы он любил эту ворону! Он здесь один, лежит, разбросавшись под солнцем своими костями грязноватого цвета. Но если здесь есть ворона, значит, есть жизнь, будет жизнь и у него. Хотя он и мёртв.

Точка уже скрылась за горизонтом. А может, её и не было... Может, это был всего лишь обман зрения. Недаром череп Армана рассечён над правой глазницей.

А Арман продолжал мечтать.

Может, это воробей? Конечно же, воробей! У себя на родине (где это было? когда?) малышом он любил наблюдать за их забавной вознёй. Маленькая, но храбрая и жизнерадостная птица. Птичка. С одинаковой энергией защищавшая птенцов от кошки (кошка... что это такое?) или воровавшая корочки хлеба со стола. Арман любил кидать им крошки и смотреть, как воробьи наперегонки стараются их собрать. А как они любят возиться в пыли! Все так растопырятся, взъерошатся и елозят по этой пыли. И смотрят так, как будто делают что-то серьёзное и ответственное...

Вспоминая, Арман снова вгляделся в точку над горизонтом. Нету...

Он всматривался в небо, пока боль не стала нестерпимой. Всё его существо было повергнуто в смятение.

Стоп, стоп, не надо... Она должна, обязательно должна появиться вновь. Ведь она же была! Может быть. Нет, всё-таки была наверняка!

А если и не была, то пояись! Птичка, ну прилети, пожалуйста! Орёл. Ворона. Воробей. Хоть курица...

Лазурное небо было пусто и чисто. Солнце светило, повернувшись лицом куда-то в сторону.

Мишель продолжал пополнять свою гору песка.

Арман был в отчаянии. Он бы зачах от горя. Сердце бы не выдержало и разорвалось. Он покончил бы с жизнью...

Если бы не был мёртв.

Раскалённая струйка песка ласково скользнула в надрубленную глазницу...

Малыш

Он брёл по вязкому раскалённому песку, жестоко колющему и обжигающему его босые ноги. Кругом, куда только достигал взгляд, простиралась пустыня — и лишь далеко, у горизонта, дрожаще блестела полоска миража. Малыш всегда боялся пустыни, и вот...

Глаза его болели от невыносимого блеска солнца, кожа обгорела и снималась заскорузлыми лоскутами — но почему-то легко, без неприятных ощущений. В горле пересохло, а язык распух и потрескался. Малыш осознавал это с горечью, но без ужаса — этот мир казался ему бредовым наваждением. Он пытался получше разглядеть ближайший бархан — и не мог, перед глазами начинало мельтешить и кружиться, сознание отказывалось работать. Малыш брёл дальше.

И вдруг перед ним открылось море. Похоже, он не заметил, как поднялся на очередной песчаный гребень, с которого было далеко видно. Море было совсем близко, берег покрыт искрящейся соляной коркой. На отмели стояла полуразвалившаяся рыбацкая фелюга с обрывками парусов на реях. Ветра не было. Волн на море тоже не было. На небе неподвижно висело странное облако — в виде полумесяца. Когда-то, когда Малыш был ещё совсем маленьким, он видел такое.

Он поспешил к воде — она не могла утолить жажду, но была способна освежить обожжённое тело. Малыш не чувствовал, как бежал к морю — просто, когда ему удавалось сконцентрировать внимание, оно оказывалось всё ближе. И вот он уже в воде!

Странно, море оказалось не таким, как он представлял. Солёная вода не разъедала его ран, но она и не несла прохлады. Малыш посмотрел на свои ноги — сквозь воду они казались толстыми и надломленными. Их очертания дрожали и расплывались всякий раз, когда Малыш двигался.

Он посмотрел на берег. Песчаные барханы тоже казались дрожащими и расплывчатыми. Малыш обернулся к фелюге — и не увидел её. Утлого судна не оказалось на прежнем месте. Море равнодушно блистало в лучах полуденного солнца режущим глаз блеском. Малыш утрюмо и тупо смотрел туда, где была фелюга, не зная сам, чего ждёт. “Это неправильно!” — возмутился он. В глазах усилилась щемящая боль — Малыш сморгнул...

И оказался на родном дворе. Почему-то было тихо и безлюдно. “Кого-то хоронят?” — подумал Малыш, поспешил заглянуть за угол. Пусто. Он присвистнул, зовя дворовую собачонку. Свист прозвучал как-то неестественно, глухо и угрожающе, Малыш сам напугался. И собачка не пришла...

Малыш пошёл вдоль серой бетонной стены, потрескавшейся и облупившейся, с выглядывающими стержнями арматуры. Одно окно было заколочено листом жести. На жестянке было написано — как-то Малыш специально спросил дядю-соседа — “ветер и бубен”. На французском языке. Малыш дал себе слово, что когда вырастет ещё больше (он и сейчас не считал себя маленьким), он вставит в окно нормальное стекло.

Малыш вошёл в дом. Очень сильно пахло пылью и гарью. Малыш обеспокоенно глянул на примус, однако тот был выключен. Мальчик поспешил

в свою комнату — там тоже ничего не горело. Тогда он заглянул в женскую комнату, где жили его мама и сёстры. Нет, ничего не горит..

Может, что-то случилось у соседей? Но почему тогда не слышно криков людей, так всегда бывает, когда тушат пожар...

Мальш напугался, он не понимал, что происходит с ним, что происходит вокруг. Он с трудом сдерживал слёзы, недостойные мужчины.

И вдруг почувствовал на плечах сильные и тёплые руки отца. Он помнил их, хотя отец погиб уже давно — почти два года назад, когда Мальш был ещё совсем маленьким.

Мальчик стоял неподвижно, нежась в волнах добра и ласки, исходивших от отцовских рук. Несмотря на то что он — единственный мужчина в доме, ведь хочется иногда почувствовать себя маленьким и беспомощным! Прикинуть к доброй силе другого человека, сбросить с себя груз забот и печалей...

Мальш вспомнил, как отец водил их в большое кафе с огромными витринами, кормил пирожными. Его и старшую из сестёр. Мальшу досталось на одно пирожное больше, потому что был его день рождения. С каким наслаждением он ел это пирожное — ведь сестра сидела рядом, завистливо глядя на него.

— Отец! — позвал Мальш и тут же осекся. Ведь отец давно погиб... И точно — его рук на плечах уже не было, и вся боль и беспросветность окружающего навалились на мальчика с новой силой, став после мгновений счастья просто ужасными и невыносимыми.

Мальш выскочил во двор в тщетной надежде увидеть отца. Так и есть, у него ничего не вышло. Двор был пуст и тих, причём пуст и тих настолько, что казалось, так было и так будет всегда.

Мальш повернулся к дому — и оцепенел. Его жилище превратилось в груды дымящихся обломков, бетон был искрошен, арматура выгнута, скручена и густо покрыта копотью.

“Не может быть... — мальчик в отчаянии замотал головой. — Не может! Такого! Быть!”.

— Мама!.. Мамочка! — закричал он изо всех сил. — Мама...

Ну вот, а он боялся! Мама и сестрёнка спокойно прошли по улице мимо его двора. Они живы! А где малая, интересно? У родственников, наверное, оставили, ведь ей всего три года...

Но почему мама не отозвалась? Он так кричал!

Наверное, ему только казалось, что он громко кричал. Сейчас он просто выбежит со двора и догонит их.

Но что-то странное происходило с ним. Движения стали тяжёлыми и медленными. Воздух будто стал густым и вязким, хотя дышалось по-прежнему легко. Мальш даже не ощущал, как он дышит.

Сознание тоже вело себя странно, нехорошо. Он заставляет тело двигаться, бежать — но вот ловит себя на мысли, что неподвижно стоит. И снова отдаёт приказ непослушному телу!

Преодолевая себя, Мальш бежал за матерью и сестрой. Вот они, хорошо видны, никто не загоразивает — никого, кроме них, и нет на улице.

— Мама! — пытался он позвать. — Подожди меня!..

Но кричать на бегу у него получалось плохо, нельзя было отвлекаться, чуть что — и ты уже неподвижен. А мама с сестрой были далековато, и его не слышали. Они шли неторопливо, но уверенно, и всё дальше и дальше отрывались от Малыша.

Он выбился из сил. Как изнурённые бегуны падают на землю, Малыш застыл в вязком воздухе. Ему их уже не догнать. Не спросить. И не узнать, что произошло.

Мать и сестра свернули за угол. Напоследок мать обернулась и подарила сыну долгий взгляд. Малыша окатило морем ласки, щемящей нежности, пронзительной любви...

Вокруг было темно и тихо. Малыш зажмурился, помотал головой, открыл глаза. По-прежнему крошечный мрак. Он крикнул, сначала несильно, потом громче. Потом заорал...

И почти не услышал своего голоса. Придушенный шёпот. Или даже он только чудится?

Малыш вытянул руку, провёл ею кругом. Пусто. Да и рука не чувствуется. Что с ним?

Малыш опустил на колени и начал молиться.

— Во имя Аллаха Всемилоостивого и Милосердного.

Я ищу спасения у Господа,

У Владыки,

У Бога.

Я всегда буду покорен воле Твоей.

Я всегда буду слушать старших.

Я никогда не буду обижать сестёр своих.

Я верну мальчику из соседнего дома, Дауду, увеличительное стекло, которое я у него... украл.

Я буду ходить в школу и прилежно учиться.

Я не буду жаден до сладкого.

Спаси меня, о Всемогущий!

Я заснул и не могу проснуться!!!

“Вчера ночью, на Западном берегу реки Иордан, обстрелу подверглись жилые кварталы палестинского поселения. По данным палестинских представителей, имел место ракетный удар с вертолётных израильских ВВС. По данным израильских военных, реактивные снаряды были выпущены с палестинской территории по позициям израильских солдат.

По предварительным данным, погибло 9 человек, среди погибших есть женщины и дети”.

Владимир ЯКУШЕВ

Встреча

Лаптев жил по принципу: “Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!”. И добился-таки своего.

В тот день он вышел на крыльцо Дворца культуры покурить. До начала торжественного собрания оставалось ещё полчаса. Несмотря на неожиданный холод, чувствовалось дыхание долгожданного тепла. Из фойе доносились звуки военных маршей духового оркестра. От всего этого на душе было легко и празднично. И вдруг:

— Кого я вижу?! Лапоть, ты?! Сколько лет, сколько зим!

То был однокашник Витька Зотов, с которым когда-то в детстве воровали яблоки в местном деревенском саду. Лаптев взял его промасленную ладонь в свою руку, молча поздоровался.

— Я тебя сразу узнал, хоть и столько годочков минуло, — улыбается железными зубами Витька. — Ничего себе, до генерала уже дослужился, ещё и Герой!

В это время проходившие мимо солдаты, эффектно козырнув, отдали честь высокому чину.

— Молодчина! Выходит, сбылась школьная мечта. Помнишь, Вера Васильевна, учительница по русскому и литературе, твоё сочинение тогда зачитала: “Кем я хочу стать”. Ты так и написал: буду военным и обязательно дослужусь до генерала, потому что, как говорит дедушка, им полагаются личные шофёр, парикмахер, повар и портной. Весь класс ржал, как жеребцы: Лаптев, перебивающийся с двойки на тройку, и генерал?! Судя по изысканному прикиду и холёной физиономии, портной и кашевар у тебя путёвые. А я вот выше мастера цеха на заводе не поднялся, — с сожалением вздохнув, резюмировал Зотов. — Техникум осилил — и всё. Учёба не по мне.

Ещё с полчаса односельчане обсуждали судьбы одноклассников — кто чего добился в жизни. Получалось, Лаптев — самый “крутой”. Наконец он посмотрел на часы.

— Извини. Мне пора. Торжественное собрание начинается, посвящённое Дню Победы. Кстати, с праздником!

На том и расстались.

После официальной части состоялся традиционный концерт. В тот вечер особенно блистал на сцене актёр местного народного театра, начальник продсклада прапорщик Лаптев, удачно сыгравший в сценке генерала. К следующему году он надеется на повышение по “службе” — погнах маршала, и мечтает сыграть роль легендарного полководца Жукова.

Открытие

Майора Губова донимал зуб. От боли хотелось выть волком и лезть на стену. Волком выть нельзя — у соседей беспокойный младенец, на стену не полезешь — жалко новые обои.

Утром, собрав остатки воли и мочи, направил офицер стопы в поликлинику. Подобные заведения, как и подавляющее большинство представителей сильного пола, он органически не переваривал, боялся как огня. Но накануне по телевизору промелькнула реклама, в которой работники данного учреждения гарантировали безболезненное лечение. Поверил.

Лечебнице, как и всему нашему здравоохранению, требовался срочный ремонт. Возле стоматологического кабинета с десятком таких же бедолаг с перекошенными физиономиями, поэтому лезть без очереди просто свинство. Опустился Губов на последний пустующий жидкий стул, который, словно тоже затюканный бесконечными реформами, недовольно и предупреждающе закрипел. Осмотрелся. На противоположной стене пожелтевшие обшарпанные плакаты “застойных” времён типа: “Чтобы совесть была чиста, мой перед едой всегда с мылом руки!”... На ещё одном, о котором и пойдёт речь, знаменитая “Джоконда” кисти Леонардо да Винчи. Без всяких сопутствующих лозунгов и призывов. Именно этот лик флорентийки, возвышенный идеал женственности, соединённый с интимным обаянием, выразительностью неувимой улыбки, косо и грубо прищипандоренный кем-то к стене синей изолентой — и привлёк внимание майора. Удивительно. Чем больше он в него вглядывался, тем спокойнее делалось на душе. Будто на сеансе психотерапевта. Вдруг ему показалось, что не кто-нибудь, а он, обыкновенный служивый, делает сенсационное открытие. Ему удалось-таки расшифровать загадочность и таинственность улыбки этой самой Моны Лизы, над которой много лет быются десятки, а может, даже сотни исследователей, учёных и простых смертных. Всё гениальное просто, как само творение. У неё были неважные зубы. Отсюда эта застенчивость, специфическое выражение лица. Ну какая женщина, скажите на милость, не позволит себе улыбнуться во весь рот, если у неё приличные зубы? Стал майор развивать свою версию, боль совсем отступила. Облегчённо вздохнул и, забыв зачем приходил в поликлинику, Губов уверенно зашагал к выходу.

В тот же вечер он снова навестил знакомое заведение. Озираясь по сторонам, словно похититель одного из шедевров Лувра, снял исцеляющую “Джоконду” со стены и, спрятав возле сердца — был таков.

На следующее утро в его кабинете были произведены коренные “кадровые перестановки” в “верхних эшелонах власти”. Майор без колебания снял портрет одного из “вождей”, что словно дамоклов меч висел над его седеющей головой, а на его место поместил Мону Лизу.

И теперь всякий раз, когда майору Губову становится неважно, он поднимает глаза на иконоподобную картину с благодарностью великому Леонардо. И поверьте, ему сразу становится легче.

Вот и доверяй...

В канун Дня защитника Отечества Шаяхметов получил долгожданное звание майора и, как положено, “обмыл” его, чтобы не задержалось следующее.

На испепеляющий, как лазер, взгляд жены заплетающимся языком, но с гордо поднятой головой, дабы погасить напряжённость в зародыше, вполне доступно изложил причину нынешнего состояния, точнее, его не стояния. И бросив на “посошок” молодой жёнушке:

— Галия, дорогая, приведи в порядок мой китель — утром я должен быть как огурчик — погоны в кармане, — свалился замертво на диван и смачно засопел.

Жена Шаяхметова, без дня неделя как переступившая порог его дома, понимающе отнеслась к данному положению супруга — не каждый день

звёздочки дают. Обыскала все его карманы, но кроме мятого платка и пятидесяти рублей ничего не обнаружила. Но не будь она женой офицера, если не найдёт выход из данной ситуации. А мужа будить в таком состоянии смерти подобно. Взяла да и “заняла” у соседки пару звёздочек. У той муж, правда, милиционер, но звёздочки — они и в Африке звёздочки. Приказ мужа был выполнен достойно и в срок. Майорша накинула на плечи китель и представила себя генеральшей. Недурственно.

Утром Галия впихнула кое-как полусонного муженька в такси и отправив его на службу.

А у того между тем голова раскалывалась на составляющие: коньяк, водку, сухое вино и пиво. Короче говоря, на всё то, что было впихнуто в себя накануне. Похмеляться он не любил, тем более на работе, да ещё в новом чине. Поэтому головную боль стал с порога изгонять исключительно минералкой. Начальство с пониманием отнеслось к его вынужденному положению. Не наседали и подчинённые. Обстановка в подразделении под контролем. Ближе к обеду в кабинет всё же пожаловал старший лейтенант Дубов, за какой-то срочной бумагой для отчёта. Сидевший в рубашке начальник накинул на себя китель — его что-то начинало потряхивать.

— Товарищ майор... — сконфуженно сказал Дубов и выкатил близорукие глаза, придиричиво рассматривая что-то на плечах командира. Шаяхметов почувствовал что-то неладное.

— Чёрт побери! — протянул он, посмотрев на плечи. На погонах вместо одной большой красовались пять маленьких звёздочек, словно на этикетке армянского коньяка. Постаралась жёнушка, произвела в пока ещё не существующее звание. Рассказал он всё старшему лейтенанту, и они долго смеялись над случившимся, а в заключение Шаяхметов вздохнул:

— Вот и доверяй таким дилетантам дела государственной важности! А где ж погоны-то?

Открыл Шаяхметов один из ящичков стола и почесал больную голову: так и есть — рядом с важным “служебным” атрибутом — гранёным стаканом лежали забытые им накануне майорские погоны. Такая вот получилась накладка.

г. Курган.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 02.06.2011 г.

Подписано к печати 04.07.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 3416.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.